Вестник
Московского
университета

Lomonosov
Philology
Journal

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FIVE

SEPTEMBER – OCTOBER

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2024

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9
ФИЛОЛОГИЯ

№ 5

СЕНТЯБРЬ– ОКТЯБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **РАЗЛОГОВА Елена Эмильевна**, д.ф.н., профессор кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Алексей Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella Amatuzzi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БАКЕС Жан-Луи (Jean-Louis Backès), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); ВРАНЕШ Бранко (Branko Vraneš), д.ф.н, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ДАЙ Гуйцзюй (Dai Guiju), PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н, профессор (Швейцария, Женевский ун-т); КОЛЛАРОВА Эва (Eva Kollárová), PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); ЛЕВЕРС Даниэль (Daniel Leuwers), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Biljana Mirchevska Bosheva), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович (Nasirulla Mirkurbanov), к.ф.н, профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им.М. Улугбек); ПЕНЧЕВА Антония Иванова, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); РОВДО Иван Семенович (Ivan Rovdo), д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); РЫЧКОВА Людмила Васильевна, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен (Irène Sokologorsky), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); СУВАЙДЖИЧ Бошко (Boško Suvajdzic), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); СУЛЕЙМЕНОВА Элеонора Дюсеновна, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); УХЛИК Младен (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); ЦРВЕНКОВСКА Эмилия (Emilija Crvenkovska), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2024
© «Вестник Московского университета», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

К 270-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Коровин В.Л. С.П. Шевырев — историк древней и новой русской литературы 9

К 360-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОЙ («ПЕРВОПЕЧАТНОЙ») БИБЛИИ 1663 ГОДА. МОСКОВСКАЯ БИБЛИЯ И РАЗВИТИЕ БИБЛЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ У СЛАВЯН

Кузьминова Е.А., Чан Юйкай. Московская Библия 1663 г.: тенденции справы знаков препинания и диакритики 20

Пентковская Т.В. Цитаты из Ветхого Завета в составе церковнославянского перевода проповедей Петра Скарги второй половины XVII в. 31

Белякова Е.В. «Избрание от Закона Моисеева» и славянские переводы Ветхого Завета 43

Остапчук Е. Сентябрьские праздники и памяти святых в месяцесловах Библий Острожской и Московской и других кириллических старопечатных изданиях с евангельским текстом. Предварительные замечания 57

Николенкова Н.В. Глоссирование или вариативность: о подходах Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского к переводу Атласа Блау 67

Вернер И.В. Цитаты из Псалтыри в «Послании к Маркеллину об истолковании псалмов» Афанасия Александрийского в переводе Епифания Славинецкого 77

Инь Сюй. Грамматический разбор в «Алфавитаре ради учения малых детей»: внедрение грамматики в учебный процесс 94

СТАТЬИ

Герасимова А.А., Лютикова Е.А., Паско Л.И. Языковая компетенция сквозь призму грамматической вариативности. Часть 2. Количественная оценка 111

Халилова З.М. Средства выражения модальности в бежтинском языке 129

Савельев В.С., Ли Вэнвэнь. Композиционные и лексические особенности описания старой и современной Москвы в статьях Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы» (1802–1803 гг.) 144

Петров А.М. Народно-песенный размер *5+5* в русских эпических духовных стихах 157

Приходько Е.В. Какой размер был первичным для алфавитных оракулов: ямбический триметр или гекзаметр? 170

Кузьмина М.Д. Мотив пересечения границы в путевых письмах молодого К.С. Аксакова 182

Асташенкова М.Ф. Драма из народного быта и генезис народных рассказов Л.Н. Толстого начала 1860-х гг. 192

Насуева А.М. Религиозные мотивы в романе И.А. Новикова «Золотые кресты» 202

Кольцова Н.З. Кромешный мир в изображении Некрасова и Платонова (к постановке вопроса) 214

IN MEMORIAM

Ананьева Н.Е., Тыртова Г.П. Сергей Николаевич Мещеряков (1954–2024) 226

CONTENTS

FOR THE 270th ANNIVERSARY OF MOSCOW UNIVERSITY

Korovin V.L. S.P. Shevyrev as a Historian of Ancient and Modern Russian Literature 9

FOR THE 360th ANNIVERSARY OF THE MOSCOW ("FIRST PRINTED") BIBLE OF 1663. THE MOSCOW BIBLE AND THE DEVELOPMENT OF SLAVIC BIBLICAL TRADITION

Kuzminova E.A., Chang Yukai. Moscow Bible of 1663: Trends in the Book Correction of Punctuation Marks and Diacritics 20

Pentkovskaya T.V. Quotations from the Old Testament as Part of the Church Slavonic Translation of Piotr Skarga's Sermons of the Second Half of the 17th Century 31

Belyakova E.V. "The Selection from the Law of Moses" (Nomos Mosaikos) and Slavic Translations of the Old Testament 43

Ostapczuk J. September's Feasts and Saints in Menologia of Ostrog and Moscow Bibles and in Other Cyrillic Early Printed Editions with Gospel Text. Preliminary Remarks 57

Nikolenkova N.V. Glossing or Variation: On the Approaches of Epiphany Slavinetsky and Arseny Satanovsky to Atlas Blau Translation 67

Verner I.V. Quotations from the Psalter in the "Epistle to Marcellinus on the Interpretation of the Psalms" by St. Athanasius in the Epiphanius Slavinetsky's Translation 77

Yin Xu. Grammatical Analysis in the "Alfavitar radi ucheniya malyh detej": The Application of Grammar in the Educational Process 94

ARTICLES

Gerasimova A.A., Lyutikova E.A., Pasko L.I. Linguistic Competence Through the Lens of Grammatical Variation. Part 2. Quantitative Evaluation 111

Khalilova Z. Modal Expressions in Bezhta 129

Savelyev V.S., Li Wenwen. Compositional and Lexical Features of the Description of Old and Modern Moscow in the Articles of N.M. Karamzin in the Magazine *Vestnik Evropy* [*Messenger of Europe*] (1802–1803) . . 144
Petrov A.M. Folk Metre *5+5* in Russian Epic Spiritual Verses 157
Prikhodko E.V. What Meter Was Primary for Alphabetical Oracles: Iambic Trimeter or Hexameter? 170
Kuzmina M.D. The Motive of Border Crossing in the Travel Letters of the Young K.S. Aksakov 182
Astashenkova M. Rustical Drama and L.N. Tolstoy's Folk Stories of the Early 1860s 192
Nasueva A.M. Religious Motifs in I.A. Novikov's Novel *The Gold Crosses* 202
Koltsova N.Z. The Pitch-Black World as Depicted by N. Nekrasov and A. Platonov (To the Question) 214

IN MEMORY

Ananyeva N., Tyrtova G. Sergey Meshcheryakov (1954–2024) 226

К 270-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

С.П. ШЕВЫРЕВ — ИСТОРИК ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В.Л. Коровин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; korovinv@yandex.ru

Аннотация: С.П. Шевырев, первый профессор истории российской словесности в Московском университете (и декан историко-филологического отделения философского факультета в 1847–1855 гг.), с середины 1830-х гг. читал курсы истории всеобщей, а затем и русской литературы, стал основоположником истории русской литературы как научной дисциплины и, в частности, первооткрывателем древнерусской литературы как самостоятельного объекта изучения. В статье речь идет о его лекционных курсах, касающихся не только древней, но и «новой» русской литературы (XVIII и начала XIX в.), которую он с весны 1846 г. стал преподавать особо, выделяя для этого один семестр. О содержании этих лекций (оставшихся неизданными, в отличие от посвященных «древней» литературе) можно судить по некоторым его статьям в «Москвитянине», по его брошюре о В.А. Жуковском (1853), по его вышедшей на итальянском языке в 1862 г. «Истории русской литературы» (формально — в соавторстве с Дж. Рубини, которому в действительности принадлежал только перевод) и посмертно изданной книге «Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году» (1884).

Ключевые слова: Шевырев; Московский университет; история русской литературы; древнерусская литература; Ломоносов; Фонвизин; Жуковский

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-1

Для цитирования: *Коровин В.Л.* С.П. Шевырев — историк древней и новой русской литературы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 9–19.

S.P. SHEVYREV AS A HISTORIAN OF ANCIENT AND MODERN RUSSIAN LITERATURE

Vladimir L. Korovin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; korovinv@yandex.ru

Abstract: S.P. Shevyrev, the first professor of the history of Russian literature at Moscow University (and dean of the Historical and Philological Department of the

© Коровин В.Л., 2024

Faculty of Philosophy in 1847–1855), from the mid-1830s taught courses on the history of world and then Russian literature, became the founder of the history of Russian literature as an academic discipline and, in particular, the discoverer of ancient Russian literature as an independent object of study. The article deals with his lecture courses concerning not only ancient, but also 'new' Russian literature (18th and early 19th centuries), which he had been teaching since the spring of 1846 separately, allocating one semester for this. The content of these lectures (which remained unpublished, unlike those devoted to 'ancient' literature) can be judged by some of his articles in the magazine *Moskvityanin*, by his book on V.A. Zhukovsky (1853), by his *History of Russian Literature* published in Italian in 1862 (formally co-authored with J. Rubini, who actually only translated it), and the posthumously published book *Lectures on Russian Literature Given in Paris in 1862* (1884).

***Keywords*:** Shevyrev; Moscow University; history of Russian literature; ancient Russian literature; Lomonosov; Fonvizin; Zhukovsky

For citation: Korovin V.L. (2024) S.P. Shevyrev as a Historian of Ancient and Modern Russian Literature. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 9–19.

Степан Петрович Шевырев (1806–1864) — первый профессор истории российской словесности в Московском университете[1], создатель первых университетских курсов по истории русской литературы, один из основоположников этой филологической дисциплины в отечественной науке. Среди продолжателей его дела были его непосредственные ученики, ставшие ведущими учеными в области русского языка, литературы и фольклора: Ф.И. Буслаев и Н.С. Тихонравов, профессора Московского университета (второй из них станет ректором), П.А. Бессонов, А.Ф. Гильфердинг и др.

В литературе своего времени Шевырев также один из самых значимых деятелей: поэт, переводчик, литературный критик, входивший в пушкинский круг писателей (и Пушкиным часто поддерживаемый и ободряемый), друг Гоголя, благодаря которому были сохранены, прочитаны и впервые опубликованы его поздние рукописи, в том числе главы второго тома «Мертвых душ»[2]. Разрозненное литературное наследие Шевырева в настоящее время собирается — вышли первые пять томов собрания его литературно-критических трудов [Шевырев 2019–2022] (кроме первого, все тома в этом издании в двух книгах) и полное собрание его стихотворений [Шевырев 2022].

[1] Так и озаглавлена одна специальная работа о деятельности Шевырева в Московском университете [Петров 1999]. См. также в кн.: *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России: [В 4 т.]. Т. 4: Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1: Профессура. М., 2003.

[2] См. об этом, напр., в новейшей обобщающей работе: [Дмитриева 2023].

В истории Московского университета Шевыреву принадлежит особое место: он один из организаторов его столетнего юбилея в 1855 г., автор написанной к этой дате «Истории Императорского Московского университета» (М.: Унив. тип., 1855. XII, 582 с.)[3], составитель и редактор «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского Московского университета» (М.: Унив. тип., 1855. Ч. 1. XX, 485, [10] с.; Ч. 2. [4], 673, [6] с.), а также начатого по его инициативе, но потом остановившегося издания «Биографической летописи питомцев Московского университета»[4].

Статью о самом себе Шевырев тогда завершил перечислением этих трудов, после чего добавил: «Эти срочные труды отвлекли его от продолжения Истории Русской Словесности, труда, которому намерен он посвятить первые досуги жизни по окончании Университетского праздника» [Шевырев 1855: 621].

Речь шла о его главном научном труде, к тому времени частично уже изданном. В 1846 г. вышли первые две части его «Истории русской словесности, преимущественно древней» [Шевырев 1846–1860], написанной на основе публичного курса из 33-х лекций, прочитанного им в Московском университете в 1844–1845 учебном году. Здесь Шевырев выступил фактическим первооткрывателем древнерусской литературы как самостоятельного объекта изучения, имеющего не только историческое, но и эстетическое, и нравственное значение, интересного не только для историков, но и для всякого читателя, умеющего ценить произведения словесности[5]. Эти лекции имели большой успех в обществе, но в то же время многими были расценены как акция, предпринятая в ответ на курс публичных лекций Т.Н. Грановского о европейском Средневековье, прочитанных в 1843–1844 гг. Казалось, что Шевырев затеял свой курс, во-первых, из ревности к успеху коллеги, а во-вторых, с намерением противопоставить проникнутым идеями «западничества» и прогресса лекциям Грановского свою апологию русской древности, сделанную

[3] Об политическом и идеологическом контексте этой книги см.: [Парсамов 2013].

[4] О работе над этим несостоявшимся изд.: [Алексеева 2006: 213–225]. Первый том, частично отпечатанный (под загл. «Биографический словарь питомцев Московского университета, 1756–1759 годы», 240 с.), но так и не вышедший в свет, открывался биографией Д.И. Фонвизина, написанной молодым Н.С. Тихонравовым в 1854 г. (издана по рукописи после его смерти — в 1894 г.); Шевырев, как теперь стало известно, прилагал усилия для ограждения труда своего ученика от «сомнений» цензора, см.: [Падерина 2022].

[5] По ироничному замечанию А.М. Пескова, этот курс — «гордость» его автора, «дело, равновеликое в глазах Шевырева “Истории Государства Российского” Н.М. Карамзина» [Песков 2007: 57]. Сам Шевырев, однако, высказывался так: «Не смеем сравнивать своего труда с бессмертным подвигом Карамзина...» [Шевырев 1846–1860, 3: VIII].

со «славянофильских» позиций и в духе официальной идеологии «православия, самодержавия и народности» (эта формула принадлежала министру просвещения графу С.С. Уварову, который покровительствовал Шевыреву). Подобные побудительные мотивы у него, вероятно, могли быть, но лишь для решения сделать свои лекции публичными. Курс Шевырева не отклик на споры 1840-х гг., а «своеобразное обобщение десятилетнего опыта... по преподаванию новых университетских дисциплин» [Петров 1999: 27].

Свой первый курс лекций в Московском университете Шевырев начал читать в январе 1834 г., после утверждения его в должности адъюнкта[6]. Курс был посвящен «истории всеобщей словесности», продолжался три семестра (до осени 1835 г.) и включал поэтапное изложение истории древнееврейской (библейской), древнеиндийской, древнегреческой, древнеримской, а затем средневековой и итальянской поэзии, доходя до Данте, Петрарки и Боккаччо. Позднее курс был дополнен «Историей словесности других народов Запада» [Петров 1999: 9–11]. На основе этих курсов написаны два тома «Истории поэзии» Шевырева (первый том вышел в 1836 г. и заслужил одобрение Пушкина, второй — только в 1892 г.). Среди его слушателей были К.С. Аксаков, И.А. Гончаров, Н.В. Станкевич и др., оценившие и искусство лектора, и новизну избранного им «исторического метода».

Уже с осени 1834 г. Шевырев приступил и к построению курса истории русской литературы, сначала — в рамках преподавания студентам первых курсов всех факультетов правил риторики и приемов слога [Петров 1999: 21], а после введения нового университетского Устава 1835 г., в соответствии с которым на I отделении философского факультета (историко-филологическом) создавались кафедры истории российской словесности и истории российской литературы (вместо кафедры красноречия, стихотворства и языка российского), с осени 1836 г. стал читать «историю русского языка и слога по памятникам и <...> представил на этом основании изучение языка и слога Славянской Библии, Несторовой Летописи, Сло-

[6] О перипетиях, предшествовавших приему Шевырева в университет в качестве преподавателя, см.: [Петров 1999: 6–9; Алексеева 2006: 90–100]. Шевырев, будучи выпускником университетского Благородного пансиона, не имел ученой степени, хотя с момента его окончания в 1822 г. мечтал об университетской карьере. Вопрос о его приеме встал сразу после смерти А.Ф. Мерзлякова (1830), занимавшего кафедру «красноречия, стихотворства и языка российского», но состоялось это только после защиты Шевыревым диссертации «Дант и его век» (1833). Вторую диссертацию, необходимую для получения профессорской должности, он защитил в январе 1837 г. («Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов», изд. в 1836 г.).

ва о полку Игореве и Слова о Мамаевом побоище, Древних русских стихотворений в сборнике Кирши Данилова» [Шевырев 1855: 614].

Ф.И. Буслаев позднее вспоминал: «До Шевырева в нашем университете читалась только теория словесности... <...> Степан Петрович обновил кафедру этого предмета историей литературы, сначала только иностранной, а потом уже при нас и русской. <...> Готовясь к своим лекциям, он сам постепенно разрабатывал источники русской старины и народности по рукописям, старопечатным книгам, народным песням и преданиям. <...> Этот курс истории русской литературы он впоследствии внес в свои публичные лекции с разными изменениями и дополнениями...» [Буслаев 1897: 126].

В 1838 г. Шевырев выступил с программной лекцией «Общее обозрение развития русской словесности», напечатанной в газете «Московские ведомости» (1838. № 15–16) и в виде отдельной брошюры. Среди прочего это был своего рода анонс задуманного им общего курса истории русской литературы. К исполнению этого замысла он приступил после двухгодичного пребывания в Европе (1838–1840).

В 1840–1841 учебном году Шевырев среди прочего уже преподавал студентам 3-го курса «...*Историю древней Русской Словесности*, начиная от основания России до XVII века включительно», однако «при изложении XVI и XVII принужден был ограничиться одним общим обозрением, по недостатку времени», поэтому просил «распространить их преподавание и на 4 год» обучения [Отчеты 1840–1841: 9–10]. В 1841–1842, 1842–1843 и 1843–1844 гг. он вновь преподает «...*Историю Русской Словесности*, начиная от основания России до XVII века включительно», все более подробно описывая свой курс в отчетах и повторяя требование увеличить число семестров, ему отводимых (с двух до четырех) [Отчеты 1841–1842: 8; Отчеты 1842–1843: 8].

Как видно, публичный курс Шевырева по древнерусской литературе в 1844–1845 гг. не был реакцией на текущие университетские и общественные события, а вырастал постепенно и действительно стал «обобщением» и итогом сделанного им за 10 лет. Характерно, что изданную в итоге «Историю русской словесности, преимущественно древней» [Шевырев 1846–1860] он разделил на 4 части — в соответствии с числом семестров, которое виделось ему необходимым для его курса начиная с 1841 г. Первые две части, вышедшие в 1846 г., были переизданы в 1859 и 1860 гг. Третья и четвертая части вышли в 1858 и 1860 гг., изложение в них доводилось до начала XVI в. (заключительные лекции посвящены Иосифу Волоцкому и Нилу Сорскому).

Сильные и слабые стороны этого труда, во многом эвристического для своего времени, неоднократно обсуждались российскими

медиевистами, причем такие особенности лекций Шевырева, как смешение собственно литературного анализа с культурно-историческими экскурсами или, например, склонность отыскивать в агиографических памятниках не литературные приемы, а свидетельства о святости исторического лица и т. п., ученые сейчас оценивают скорее положительно — как в чем-то предвосхитившие определенные тенденции и направления в современной науке[7].

К сожалению, следующие разделы шевыревского курса, посвященные XVII веку и «новой» русской литературе, остались неизданными. Поэтому естественно, что Шевырев как историк литературы этих периодов почти не обсуждался (в отличие от Шевырева как литературного критика и консервативного идеолога, склонного к историософской рефлексии[8]). Однако эта сторона его деятельности, кажется, поддается реконструкции (по крайней мере частичной).

Основными печатными источниками, где, как можно предполагать, отразилось содержание университетских лекций Шевырева о новой русской литературе, являются некоторые его статьи в «Москвитянине», посвященные литературе XVIII в. ([Шевырев 1844; Шевырев 1848] и др.), концептуально значимая для него брошюра о В.А. Жуковском [Шевырев 1853], а более всего — изданная на итальянском языке во Флоренции «История русской литературы» [Shevyrev 1862] и его «Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году», изданные уже посмертно [Шевырев 1884].

Две последние книги наполовину посвящены именно «новой» литературе. В первой из них, написанной при участии Джузеппе Рубини (1793 — после 1862), профессора итальянского языка и словесности в Московском университете (скорее всего, его участие ограничивалось переводом текста Шевырева на итальянский язык[9]), первые пять глав (из 11-ти) посвящены древней, а последние пять

[7] См. напр.: *Молодык Д.Д.* Жанр жития и его интерпретация в историко-литературных курсах С.П. Шевырева. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2008. А.М. Ранчин в обзорной статье «С.П. Шевырев: у истоков русского литературоведения» [Шевырев 2019–2022, 1: 10–62] также отмечает ряд глубоких и верных, с современной точки зрения, наблюдений Шевырева над отдельными памятниками древнерусской литературы.

[8] Об этих сторонах деятельности Шевырева есть уже большая литература; из новейших работ см., напр.: [Маркович 2004; Песков 2007; Ратников 2008; Цветкова 2008]. См. также: *Манн Ю.В.* Молодой Шевырев // Манн Ю.В. Русская философская эстетика. М., 1998. С. 200–250; *Мартынов В.А.* У истоков «Русской идеи»: Жизнь и судьба С.П. Шевырева. М., 2013.

[9] По словам А.П. Лободанова, изучавшего этот вопрос, Шевырев еще в Москве (т.е. до выезда за границу в сент. 1860 г.) продиктовал эту книгу Рубини, а подготовкой ее к печати стал заниматься в Италии в ноябре 1861 г. (см.: *Лободанов А.П.* Избр. труды: [В 3 т.] Т. 3: Очерки из истории отечественной итальянистики. М., 2020. С. 60–62).

(7–11) — новой русской литературе, причем изложение доводится до произведений И.А. Гончарова, И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого и исторических трудов С.М. Соловьева и Н.И. Костомарова. Шестая глава, разделяющая книгу строго на две половины [Shevyrev 1862: 74–89], посвящена почти исключительно Петру Великому и Ломоносову (есть также фрагмент о «Тилемахиде» В.К. Тредиаковского, которая, на взгляд Шевырева, могла заинтересовать итальянцев как опыт перевода популярных в Европе «Приключений Телемака» Ф. Фенелона). Вторая книга [Шевырев 1884] состоит из 10 лекций, но изложение здесь доведено только до времени Н.М. Карамзина и И.И. Дмитриева (при этом допетровской литературе посвящены только 4 лекции).

Если сравнить все названные выше источники, легко обнаружить, что между ними есть не только переклички, но и полные текстуальные соответствия, причем иногда на протяжении многих страниц. Не имея здесь места для их разбора, ограничимся указаниями на некоторые примеры.

В 1844 г. Шевырев впервые побывал в Поречье у графа С.С. Уварова, который иногда собирал у себя профессоров Московского университета для «академических бесед» (см.: [Ратников 2006]). Отчет о данной встрече был напечатан в «Москвитянине» под заглавием «Академические беседы. В 135 верстах от Москвы» (1844. Ч. 5. № 10. С. 324–361; без подписи, с датой в конце: «26-го Сентября 1844»). Интересующий нас фрагмент начинается так: «Профессор С.П.Ш. принимал также участие в Академических беседах и представил параллель между Петром Великим и Ломоносовым. Здесь передается чтение его в сокращении, т. е. в главных мыслях и очерках, потому что трудно было удержать все особенности выражения» [Шевырев 1844: 346]. Далее следуют рассуждения о Петре и Ломоносове как посредниках между древней и новой русской словесностью, причем это отдельные рассуждения, между которыми вставлена в целом надуманная «параллель» («Оба имели несчастия семейные... <...> Оба провели горькую юность ... <...> Оба любили отвагу морскую — и оба узнали ее на одном и томе же море. Оба в воспитании соединили древнее образование с новым» [Шевырев 1844: 353]). Этот текст уже анализировался [Ратников 2006: 39–51], но пока, кажется, не отмечалось, что он практически полностью и почти дословно воспроизводится в «парижском» курсе лекций Шевырева, где Петру и Ломоносову посвящены отдельные лекции — 5-я и 7-я [Шевырев 1884: 111–124, 145–172] (не находит в них соответствия только упомянутая «параллель»).

Не столь очевидные и большие, но тоже бросающиеся в глаза совпадения находятся и между брошюрой о Жуковском [Шевырев 1853]

(см. о ней: [Логвинова, Николюкин 2023]) и посвященными ему страницами в “Storia della Letteratura russa” [Shevyrev 1862: 157–171].

Очевидно, что первоисточником для этих текстов были университетские лекции Шевырева, которые он обычно именно «писал», в особенности когда приступал к новой для себя теме (см.: [Шевырев 1855: 612, 614; Буслаев 1897: 127]).

Следуя хронологическому порядку не только в своем преподавании, но и в изучении русской литературы, Шевырев после 1846 г. все больше внимания в своих лекциях начинает уделять новой русской литературе, причем все более близким к своему времени писателям. Так, в его отчете за 1850–1851 гг. читаем: «Во втором полугодии пройдено было XVII столетие и заключен древний период общим обозрением, из которого ясно можно было увидеть связь древнего периода с новым. Затем, раскрыв перед слушателями влияние преобразования Петрова на новое развитие Словесности, Профессор прошел весть новый период от Петра до нашего времени, обращая главное внимание как на отношение между Словесностью и государственно-общественною жизнью, так и на художественный характер ее произведений. Сюда входило отчасти и частное изучение писателей Русских, из которых с особенностью изучаемы были: Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Кантемир, Ломоносов, Державин». В отчете за следующий 1851–1852 гг. список имен в конце существенно сдвинулся в сторону современности: «Профессор предложил Студентам особенно подробное изучение Ломоносова, Петрова, Сумарокова, Державина, Фон-Визина, Карамзина, и не столь подробное Крылова, Жуковского и Пушкина» (цит. по: [Гаврилов, Калитин 2018: 113–114].

Подготовка к «университетскому празднику» 1855 г., по выражению Шевырева, «отвлекла» его от дальнейшей разработки курса истории русской литературы, а в 1857 г. его служба в Московском университете закончилась — в общем-то, из-за внешнего и случайного обстоятельства (он был уволен из-за окончившегося потасовкой публичного конфликта с графом В.А. Бобринским, внуком Екатерины II и графа Г.Г. Орлова, т. е. с кровным родственником царствующей фамилии). Тем больший интерес представляет сохранившийся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ конспект лекций Шевырева по истории русской литературы в 1855–1856 гг., который, по словам Е.Д. Алексеевой, был сделан «студентом 3 курса историко-филологического факультета Московского университета Иваном Лукомским» и «...содержит любопытные, ранее не учтенные характеристики творчества Н.М. Карамзина, В.А Жуковского, Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, лишь частично совпадающие с соответствующим “парижским” курсом 1862 г.» [Алексеева 2006: 8 (сноска)].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева Е.Д.* С.П. Шевырев в общественной жизни дореформенной России. Дис. .... канд. ист. наук. М., 2006. 287 с.
2. *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. М., 1897.
3. *Гаврилов И.Б., Калитин В.А.* А.Ф. Гильфердинг и С.П. Шевырёв: малоизвестные страницы из истории Московского университета (по архивным материалам) // Христианское чтение. 2018. № 6. С. 108–129.
4. *Дмитриева Е.Е.* Второй том «Мертвых душ»: Замыслы и домыслы. М., 2023.
5. *Логвинова И.В., Николюкин А.Н.* С.П. Шевырёв и М.П. Погодин о творчестве В.А. Жуковского // Литературоведческий журнал. 2023. № 2 (60). С. 86–97.
6. *Маркович В.М.* Уроки Шевырева // Шевырев С.П. Об отечественной словесности. СПб., 2004. С. 8–56.
7. Отчет и состоянии действиях Императорского Московского университета за 1840–1841 академический и 1841 гражданский годы. [М., 1842]; ...за 1841–1842... [М., 1843]; ...за 1842–1843... [М., 1844].
8. *Падерина Е. Г.* К биографии С.П. Шевырева — профессора Московского университета: атрибуция, датировка и публикация письма «К неизвестному адресату» (РГАЛИ) // Вестник славянских культур. 2022. Т. 64. С. 134–138.
9. *Парсамов В.С.* «История императорского Московского университета» С.П. Шевырёва: исторический нарратив в политическом контексте: препринт. М., 2013. 36 с.
10. *Песков А.М.* Русская идея русской словесности. С.П. Шевырев // Песков А.М. «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии. М., 2007. С. 56–70.
11. *Петров Ф.А.* С.П. Шевырев — первый профессор истории российской словесности в Московском университете. М., 1999.
12. *Ратников К.В.* Холопы или собеседники? Профессорские вояжи в Поречье: (Идеологическая стратегия графа С.С. Уварова и его единомышленников). Челябинск, 2006.
13. *Ратников К.В.* Роль С.П. Шевырева в развитии русской науки, литературы и журналистики. Челябинск, 2008.
14. *Цветкова Н.В.* С. П. Шевырёв — критик, историк, теоретик литературы (1830-е годы). Псков, 2008.
15. *Шевырев С.П.* [О Петре Великом и Ломоносове] // Москвитянин. 1844. Ч. 5. № 10. С. 346–358.
16. *Шевырев С.П.* История русской словесности, преимущественно древней. Ч. 1–4. М., 1846–1860.
17. *Шевырёв С.П.* Фон-Визин. Сочинение Князя Петра Вяземского // Москвитянин. 1848. Ч. 3. № 5. С. 40–52; Ч. 4. № 7. С. 1–22
18. *Шевырев С.П.* О значении Жуковского в русской жизни и поэзии. [Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета ординарным профессором русской словесности Степаном Шевыревым. 12-го января 1853 года]. М., 1853.
19. *Шевырев С.П.* [Автобиография] // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета...: [В 2 ч.]. Ч. 2. М., 1855. С. 602–622.
20. *Шевырев С.П.* Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году / [Предисл. Я.К. Грота]. СПб., 1884.
21. *Шевырев С.П.* Полн. собр. литературно-критических трудов: В 7 т. Т. 1–5 / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб., 2019–2022 (изд. продолжается).

22. *Шевырев С.П.* Стихотворения. Драматические произведения. Переводы. Поэма / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. С.В. Березкиной. СПб., 2022. (Новая Библиотека поэта).
23. *[Shevyrev S.P.]* Storia della Letteratura russa per Stefano Sceviref e Giuseppe Rubini. Firenze, 1862.

REFERENCES

1. Alekseeva E.D. *S.P. Shevyrev v obshchestvennoy zhizni doreformennoy Rossii* [S.P. Shevyrev in the Public Life of Pre-reform Russia]. Diss. ... Cand. Sci. (Hist.). Moscow, 2006. 287 p. (In Russ.)
2. Buslaev F.I. *Moi vospominaniya* [My Memoirs]. Moscow, 1897. VIII, 387 p. (In Russ.)
3. Gavrilov I.B., Kalitin V.A. A.F. Gil'ferding i S.P. Shevyrev: maloizvestnyye stranitsy iz istorii Moskovskogo universiteta (po arkhivnym materialam) [Alexander Hilferding and Stepan Shevyryov: Little-Known Pages from the History of Moscow University (Based on the Archival Materials)]. *Khristianskoye Chteniye*, 2017, No. 4, pp. 307—326. (In Russ.)
4. Dmitrieva E.E. *Vtoroy tom «Mertvykh dush»: Zamysly i domysly* [The Second Volume of the "Dead Souls": Plans and Conjectures]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2023. 464 p. (In Russ.)
5. Logvinova I.V., Nikolyukin A.N. S.P. Shevyrov i M.P. Pogodin o tvorchestve V.A. Zhukovskogo [S.P. Shevyrev and M.P. Pogodin about the Works of V.A. Zhukovsky]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2023, No. 2(60), pp. 86–97. (In Russ.)
6. Report on the state of operations of the Imperial Moscow University for 1840–1841 academic and 1841 civil years. [Moscow, 1842]; for ...1841–1842... [Moscow, 1843]; for ...1842–1843... [Moscow, 1844]. (In Russ.)
7. Paderina E.G. K biografii S.P. Shevyreva... [To the Biography of S. P. Shevyrev — Professor of Moscow University: Attribution, Dating and Publication of the Letter "To an Unknown Addressee" (RGALI)]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 64, pp. 134–138. (In Russ.)
8. Parsamov V.S. *"Istoriya imperatorskogo Moskovskogo universiteta" S.P. Shevyreva: istoricheskii narrative v politicheskom kontekste* [*S.P. Shevyrev's "The History of the Imperial Moscow University": The Historical Narrative in the Political Context*]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ehkonomiki Publ., 2013, 36 p. (In Russ.)
9. Peskov A.M. Russkaya ideya russkoy slovesnosti. S.P. Shevyrev [Russian Idea of Russian Literature. S.P. Shevyrev]. *Peskov, A.M. «Russkaya ideya» i «russkaya dusha»: Ocherki russkoy istoriosofii* ["Russian Idea" and "Russian Soul": Essays on Russian Historiosophy]. Moscow, OGI Publ., 2007, pp. 56–70. (In Russ.)
10. Petrov F.A. *S.P. Shevyrev — pervyy professor istorii rossiyskoy slovesnosti v Moskovskom universitete* [S.P. Shevyrev as the First Professor of the History of Russian Literature at Moscow University]. Moscow, Altex Publ., 1999. 57 p. (In Russ.)
11. Pogodin M.P. *Vospominaniye o Stepane Petroviche Shevyreve* [Memories of Stepan Petrovich Shevyrev]. St. Petersburg, 1869. 60 p. (In Russ.)
12. Ratnikov K.V. *Kholopy ili sobesedniki? Professorskiye voyazhi v Porech'ye (Ideologicheskaya strategiya grafa S.S.Uvarova i yego yedinomyshlennikov)* [Serfs or Interlocutors? Professorial Voyages in Porechye (Ideological Strategy of Count S.S. Uvarov and His Associates)]. Chelyabinsk, 2006. 236 p. (In Russ.)
13. Ratnikov K.V. Rol' S.P. Shevyreva v razvitii russkoy nauki, literatury i zhurnalistiki [The Role of S.P. Shevyrev in the Development of Russian Scholarship, Literature and Journalism]. Chelyabinsk, 2008. 384 p.

14. Tsvetkova N.V. *S.P. Shevyrov — kritik, istorik, teoretik literatury* (1830-ye gody) [S.P. Shevyrev as a Critic, Historian and Literary Theorist (1830s).]. Pskov, 2008. 203 p. (In Russ.)
15. Shevyrev S.P. O Petre Velikom i Lomonosove [About Peter the Great and Lomonosov]. *Moskvityanin*, 1844, part 5, No. 10, pp. 346–358. (In Russ.)
16. Shevyrev S.P. Istoriya russkoy slovesnosti, preimushchestvenno drevney [History of Russian Literature, Mainly Ancient]. Vol. 1–4. Moscow, 1846–1860. (In Russ.)
17. Shevyrov S.P. Fonvizin... [Fonvizin. Work by Prince Peter Vyazemsky]. *Moskvityanin*, 1848, part 3, No. 5, pp. 40–52; part 4, No. 7, pp. 1–22. (In Russ.)
18. Shevyrev S.P. *O znachenii Zhukovskogo v russkoy zhizni i poezii* [On the Significance of Zhukovsky in Russian Life and Poetry]. Moscow, 1853. 83 p. (In Russ.)
19. Shevyrev S.P. [Autobiography]. *Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavateley Imperatorskogo Moskovskogo universiteta* [Biographical Dictionary of Professors and Teachers of the Imperial Moscow University]. Moscow, 1855, Part 2, pp. 602–622.
20. Shevyrev S.P. *Lektsii o russkoy literature, chitannyye v Parizhe v 1862 godu* [Lectures on Russian Literature, Given in Paris in 1862]. St. Petersburg, Imp. Akad. nauk Publ., 1884. IV, 280, 29 p. (In Russ.)
21. Shevyrev S.P. *Polnoe sobranie literaturno-kriticheskikh trudov* [*The Complete Collection of Literary and Critical Works*]: in 7 vols. Vol. 1–5, ed. by A.N. Nikolyukin. St. Petersburg, Rostok Publ., 2019–2022. (In Russ.)
22. Shevyrev S.P. *Stikhotvoreniya. Dramaticheskiye proizvedeniya. Perevody. Poema* [Poems. Dramatic Works. Translations. Poem]. Intr. article, comp., prepared text and notes by S.V. Berezkina. St. Petersburg, Pushkin House Publishing House, Vita Nova Publ., 2022. 640 p. (In Russ.)
23. [Shevyrev S.P.] *Storia della Letteratura russa per Stefano Sceviref e Giuseppe Rubini*. Firenze, Felice Le Monnier, 1862. XI, 341 p. (In Ital.)

Поступила в редакцию 01.07.2024
Принята к публикации 27.08.2024
Отредактирована 09.09.2024

Received 01.07.2024
Accepted 27.08.2024
Revised 09.09.2024

ОБ АВТОРЕ

Коровин Владимир Леонидович — профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; korovinv@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Korovin — Prof. Dr., Department of Russian Literary History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; korovinv@yandex.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 20–30
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 5, pp. 20–30

К 360-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОЙ («ПЕРВОПЕЧАТНОЙ») БИБЛИИ 1663 ГОДА. МОСКОВСКАЯ БИБЛИЯ И РАЗВИТИЕ БИБЛЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ У СЛАВЯН

МОСКОВСКАЯ БИБЛИЯ 1663 Г.: ТЕНДЕНЦИИ СПРАВЫ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ И ДИАКРИТИКИ

Е.А. Кузьминова, Чан Юйкай

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; elenk2002@mail.ru; Пекинский университет, Пекин, КНР; chang.yukai2015@yandex.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются тенденции императивных исправлений в сфере функционирования вспомогательных графем, осуществленных справщиками Московского Печатного двора при подготовке к изданию Московской («Первопечатной») Библии 1663 г. (МБ) на основе текста Острожской Библии 1581 г. (ОБ). Ключевым фактором, определившим множественность исправлений знаков препинания и диакритики редакторами МБ, является широкий диапазон их немотивированного варьирования в ОБ, что объясняется общей неустойчивостью письменного узуса. Установлено, что в своей программной редактуре вспомогательных графем никоновские справщики демонстрировали однозначную приверженность Грамматике 1648 г. при наличии в ней строго детерминированных правил. Такими надежными лингвистическими инструментами для редакторов МБ стали правила об использовании каморы в целях реализации принципа антистиха над формами род. п. мн. ч. существительных, о постановке исо над ударным гласным в позиции абсолютного начала слова, об употреблении точки с запятой в функции вопросительного знака. Именно благодаря деятельности никоновских справщиков эти прескриптивные указания Грамматики 1648 г. из области теоретических построений внедряются в орфографическую практику и закрепляются в синодальном церковнославянском языке. Вместе с тем и отсутствие кодификации отдельных знаков в Грамматике 1648 г. не стало препятствием для формирования узуальной нормы, сохраняющей стабильность. В ситуации ортологической неопределенности редакторы МБ руководствовались своими собственными лингвистическими представлениями, выработанными в процессе книжно-языковой практики. В частности, они закрепили за двоеточием функцию введения прямой речи, которая впоследствии утвердилась в письменности.

© Кузьминова Е.А., Чан Юйкай, 2024

Ключевые слова: книжная справа; история славянской библейской традиции; церковнославянский язык; вспомогательные графемы; орфографическая норма; грамматическая норма

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-2

Для цитирования: *Кузьминова Е.А., Чан Юйкай.* Московская Библия 1663 г.: тенденции справы знаков препинания и диакритики // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 20–30.

MOSCOW BIBLE OF 1663: TRENDS IN THE BOOK CORRECTION OF PUNCTUATION MARKS AND DIACRITICS

E.A. Kuzminova, Chang Yukai

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; elenk2002@mail.ru; Peking University, Beijing, People's Republic of China; chang.yukai2015@yandex.ru

Abstract: This article examines the trends of imperative corrections in the field of the functioning of auxiliary graphemes carried out by the editors of Moscow Printing Yard in preparation for the publication of Moscow ("First Printed") Bible of 1663 (MB) based on the text of Ostrog Bible of 1581 (OB). The key factor that determined the multiplicity of punctuation and diacritics corrections by the MB editors is the wide range of their unmotivated variation in OB, which is explained by the general instability of the written usage. It has been established that in their programmatic editing of auxiliary graphemes, Nikon's scribes demonstrated an unambiguous commitment to the Grammar of 1648 in the presence of strictly deterministic rules in it. Such reliable linguistic tools for the editors of the MB were rules on the use of circumflex in order to implement the principle of antistich over the forms of nouns of the genitive plural, on setting the psili and oxia over the stressed vowel in the position of absolute beginning of the word, on the use of a semicolon in the function of a question mark. It is thanks to the activities of Nikon's scribes that these prescriptive instructions from the field of theoretical constructions are introduced into spelling practice and fixed in the Synodal Church Slavonic language. At the same time, the lack of codification of individual signs in the Grammar of 1648 did not become an obstacle to the formation of a customary norm that preserves stability. In a situation of orthological uncertainty, the editors of the MB were guided by their own linguistic ideas developed in the process of book and language practice. In particular, they assigned to the colon the function of introducing direct speech, which later became established in writing.

Keywords: book correction; history of the Slavic biblical tradition; Church Slavonic language; auxiliary graphemes; orthographic norm; grammatical norm

For citation: Kuzminova E.A., Chang Yukai. (2024) Moscow Bible of 1663: Trends in the Book Correction of Punctuation Marks and Diacritics. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 5, pp. 20–30.

В настоящее время надежно установлено, что Московская («Первопечатная») Библия 1663 г. (далее МБ) не является буквальным «переизданием», «перепечаткой» на Московском Печатном дворе Острожской Библии 1581 г. (далее ОБ), как полагали ранее [Астафьев 1889: 71; Евсеев 1911: 19; Алексеев 1999: 216; Цуркан 2001: 217 и др.]. Сопоставительное исследование лингвистических параметров этих библейских кодексов позволило доказать, что при подготовке МБ к изданию никоновские справщики во главе с Епифанием Славинецким провели целенаправленную книжную справу, используя в качестве основного источника грамматического регулирования Грамматику 1648 г. — второе, дополненное и переработанное издание грамматики Мелетия Смотрицкого (далее ГМ) [Кузьминова 2017; Кузьминова 2020; Кузьминова 2021; Кузьминова, Чан 2021; Кузьминова, Чан 2023; Чан 2021; Чан 2022]. Осуществленная ими в ходе справы перестройка графико-орфографической системы текста-источника ОБ охватывала и подсистему вспомогательных графем — знаков препинания и диакритики, которые традиционно оставались за пределами внимания исследователей славянской библейской традиции. Между тем в сфере функционирования вспомогательных графем объем справы был максимальным в количественном отношении, а ее результаты — весьма показательными.

Ключевым фактором, определившим множественность исправлений знаков препинания и диакритики редакторами МБ, является широкий диапазон их немотивированного варьирования в ОБ. Притом что деятельность острожской библейской комиссии в целом была направлена на устранение языковых «**ра́зньствїй**», по определению Константина Острожского, т. е. на унификацию языковых элементов как на графико-орфографическом, так и грамматическом уровнях [Кузьминова 2019; Кузьминова 2020], четкие критерии употребления вспомогательных графем при работе над ОБ сформированы и утверждены не были. В результате постановка строчных и надстрочных знаков в ОБ отличается нерегулярностью и бессистемностью. В функции вопросительного знака используется как точка с запятой, ср. **вскую съмоущáеши мѧ**; [Пс 41: 5], **гⷭи, къгда оу҆зриши**; [Пс. 34:17], так и автономная точка: **ѡ҆ кѹдѹ и҆́деши и҆ ка́мо грѧде́ши**. [Быт. 16:8], **кто҆́ въздáсть ѐмѹ**. [Иов. 21:31], и запятая: **гд҃ѣ сáрра жена твоѧ̀**, [Быт. 18:9], **кто҆̀ бо҆́ чи́стъ бѹ́детъ ѡ҆ скверны**, [Иов. 14:4]. В то же время точка с запятой фигурирует не только в конце вопросительных, но и в конце повествовательных предложений, ср. **Лѹ́къ съкрѹ́шиⷮ. и҆ сло́митъ ѻ҆рѹжїе**; [Пс. 45:9], **оу҆множи́сѧ на мѧ непра́вда горды**ᵡ; [Пс. 118:69]. Над одними полноударными словоформами акцентные знаки отсутствуют: только в первых двух псалмах насчитывается 29 таких примеров,

ср. **на совѣтъ** [Пс. 1:1], **вѣтръ** [Пс. 1:4], **на сѹдъ** [Пс. 1:5], **събрашасѧ** [Пс. 2:2], **горѹ стѹю** [Пс. 2:6], **повелѣнїе** [Пс. 2:7], **проси** [Пс. 2:8], **съ трепетомъ** [Пс. 2:11], **прїимѣте** [Пс. 2:12] и др. Над другими — одновременно проставлены и оксия, и вария (оксия при этом может входить в состав исо, т. е. в комбинацию со знаком придыхания), ср. **бо́ѧщеѝсѧ** [Пс. 65:15], **и᾽щѹщеѝ** [Пс. 70:13], **оу᾽бо́ѧтсѧ** [Пс. 39:3], **ѫ᾽зы́кѹ** [Пс. 147:9] и др. Одна и та же словоформа может иметь разные варианты диакритического оформления. Наибольшее число вариантов засвидетельствовано у существительного **имѧ**, представленного (1) без диакритики **имѧ** [Пс. 148:13], (2) с придыханием **и᾽мѧ** [Пс. 19:5], (3) с оксией **и́мѧ** [Пс. 43:20], (4) с исо, т. е. придыханием и оксией, **и᾽́мѧ** [Пс. 5:11], и у притяжательного местоимения **его** (1) без диакритики **на землѝ его** [Пс. 15:3], (2) с придыханием **пѹтѝ е᾽го** [Пс. 36:23], (3) с варией **горѹ стѹю̀ его̀** [Пс. 2:6], (4) с придыханием и варией **на хр᾽а е᾽го̀** [Пс. 2:2], (5) с исо **во́лѧ е᾽го** [Пс. 1:2].

Отсутствие программного подхода к употреблению вспомогательных графем свидетельствует не столько об уровне лингвистической компетенции членов острожской библейской комиссии, сколько об общей ситуации в восточнославянской письменности во второй половине — конце XVI в. Акцентные знаки и знаки препинания, характерные для греческого письма, переносятся на восточнославянскую почву через посредство южнославянских рукописей в начале XV в. Однако строгая норма их употребления в древнерусских рукописях не сформировалась даже в XVI в., что могло быть вызвано рядом обстоятельств. С одной стороны, в ходе второго южнославянского влияния на Русь поступали южнославянские памятники с разными системами вспомогательных графем, а не только с «тырновской», с другой — в различных древнерусских книгописных центрах и у отдельных писцов вырабатывались индивидуальные правила [см. Гальченко 2001: 354–357]. Не способствовала унифицирующим процессам в этой орфографической подсистеме и исходная факультативность строчных и надстрочных знаков в славянской письменности.

Нестабильность узуса получила отражение в синхронных орфографических руководствах и грамматических трактатах, которые демонстрируют существенные расхождения в предписаниях, касающихся даже инвентаря вспомогательных графем. Так, сочинение «**Йнъ оу᾽казъ вкра́тцѣ**» регламентирует четыре надстрочных знака (оксия, вария, камора, псили [знак придыхания]), «**Сила сѹществѹ книжнаго писанїѧ**» — девять (оксь, вария, камура, кендема, апостроф малая, апостроф большая, ерок, исо, о звательное), «**Книга гле́мая бѹквы**» — одиннадцать, «**Ѥ᾽ще соуть и ѝны боуквы**» — пятнадцать [Ягич 1885–1895: 691, 692–693, 726, 731–732]. Правила,

содержащиеся как в этих, так и в других руководствах, носили преимущественно остенсивный характер, т. е. предлагали не алгоритм действий, который должен привести к выбору нужного знака, а перечень примеров, требующий активизации только мнемонических усилий, ср. правила постановки «просодий» в одном из наиболее авторитетных орфографических сочинений «**О҆ є҆́же ка́ко просо́дїѧ достои҃т писати и гла́ти**»: «**варїѧ на҃ си́ми пи́шетсѧ. люба҆, тебе́, сіе́, добро́, тебѣ́, творю҆** <…> **кам᷾ра полага́етсѧ на҃ сими. всѧ́, вы҆, мнѣ́, се́, но́**» [Ягич 1885–1895: 744–45]. Аналогичным образом предъявлялись и знаки препинания: их употребление иллюстрировалось на примере текста псалма без каких-либо рекомендаций, касающихся принципов пунктуации, функций знаков и т. п. Ср. «**всѧ́кое і҆ рѣ́че́нїе и҆ рѣ́чь и҆ сло́во и҃стїнно во᷾мо́же᷾м дрᷯго҃ ѿ дрᷯга́го ра᷾дѣлѧ́ти, ѕапѧтыи́ми и҆ то́чками. си́це. Рѣ́҆х сохраню҆ пᷯти́ мо҆ѧ, є҆́же не согрѣ́ша́ти ѩ҆зы́ко᷾м мои́мъ. положи҃х оу҆сто́мъ мои́мъ храни́ло: внегда҆ въста́ти грѣ́шномᷯ пре҃᷾мно᷾ю҃, ѳнѣ́мѣ҆х и҆ смири́хсѧ, і҆ оу҆молча́хъ ѿ бл҃гъ; и҆ болѣ́знь мо҆ѧ҆ о҆бнови́сѧ, согрѣ́мсѧ ср҃᷾це мое҆ во мнѣ҆. и҆ в пооу҆че́нїи моемъ разгори́тсѧ ѻ҆́гнь** [Пс. 38:2–4]» («**Нача́ло кни́зѣ҆ гла́мей гра᷾матѝка**» РГБ Ф. 299, № 336, л. 94) (ср. «точки» на примере первого псалма [см. Ягич 1885–1895: 747–748, 787, 994–995]).

Не привнесли концептуальной новизны в регламентацию строчных и надстрочных знаков и первые аналитические грамматики церковнославянского языка Лаврентия Зизания 1596 г. (далее ГЗ) и Мелетия Смотрицкого 1619 г. (далее ГС). В отличие от морфологии («этимологии»), которая стала принципиально новым явлением славянской грамматической мысли, трактовка в ГЗ и ГС вспомогательных графем «по духу принадлежала вчерашнему дню» [Мечковская 1985: 15]. При подготовке московского издания грамматики 1648 г. разделы «**ѿ҆ просо́дїи**» и «**ѿ҆ препина́нїихъ стро́чныхъ**» были подвергнуты переработке: иосифовские справщики изменили как состав заданных в ГС знаков, так и отдельные правила Мелетия Смотрицкого по образцам и моделям, восходящим к рукописным орфографическим руководствам [см. Кузьминова 2012: 181–191]. Следствием избирательной стратегии кодификации диакритических и пунктуационных знаков явилась неупорядоченность и эклектичность предписаний ГМ, базирующихся на разнородных критериях.

В силу этого никоновские справщики, демонстрирующие однозначную приверженность нормам ГМ в своей масштабной языковой редактуре библейского свода, могли воспользоваться рекомендациями грамматики в области вспомогательных графем не во всех случаях, а лишь при наличии строго детерминированных правил. В ситуации же ортологической неопределенности они руководство-

валась при решении практических задач книжной справы своими собственными нормативными представлениями, выработанными в процессе книжно-языковой практики и утвержденными московской библейской комиссией.

Так, надежным лингвистическим инструментом служило правило ГМ, регулирующее употребление каморы на основе морфологического критерия. ГМ вслед за ГС регламентирует камору в целях реализации принципа антистиха: в формах «**ѿ҃сѣче́нагѡ роди́тѣ҆нагѡ множестве҆нагѡ**, **ꙗ҆́кѡ**, **человѣ́къ** / **любодѣ́й**» (ГС л. 16, ГМ л. 62), т. е. в формах р. п. мн. ч. существительных мужского рода, омонимичных формам и. п. ед. ч., в которых ставилась оксия, ср. **человѣ́къ**. Таким образом, посредством оппозиции акцентных знаков оксия // камора на орфографическом уровне достигалось разграничение грамматических омонимов и. п. ед. ч. // р. п. мн. ч. существительных, относящихся в ГС и ГМ ко второму склонению: **дрⷭ́гъ** // **дрⷭ҆гъ**, **проро́къ** // **проро҆къ**, **грѣ́хъ** // **грѣ҆хъ**, **сы́нъ** // **сы҆нъ**, **до́мъ** // **дѡ҆мъ** (л. 46–47об., 50–50об., 109–110об.; 57об.–58, 113–113об., 118–118об.), а также «усеченных» прилагательных мужского рода: **ни҃́щъ** // **ни҆щь**, **варна́вль** // **варна҆вль** (л. 78, 84–84об.; 137–137об.) и т. п. В ГМ написание каморы в позиции р. п. мн. ч. было распространено также на имена женского, среднего и общего рода, где этот знак использовался уже не в дифференцирующей, а в маркирующей функции, т. е. не для снятия грамматической омонимии, а для маркирования форм множественного числа: **дѣ҆въ**, **воевѡ҆дъ**, **роⷭ҆къ**, **сердѣ҆́цъ** (л. 94об., 95, 97, 112об.) [Кузьминова 2012: 232–233].

В полном соответствии с данным правилом никоновские справщики вносят императивные исправления, направленные на введение каморы (**оксия → камора** или **отсутствие знака → камора**) в формы р. п. мн. ч. существительных мужского, женского и среднего рода (57 примеров правки в тексте Псалтыри): **вра́гъ твои҆хъ** $ра^{А}$ → **вра҆гъ** [Пс. 8:2], **прежᴬѥ вѣ҆къ** → **вѣ҆къ** [Пс. 54:19], **на мл҃твⷭ҃ ра́бъ твои҆х** → **ра҆бъ** [Пс. 79:4], **и҆спо́лнисѧ золъ дш҃а́ моа҆** → **ѕѡ҆лъ** [Пс. 87:3], **тысѧща лѣ҆тъ** → **лѣ҆тъ** [Пс. 89:4], **ѿ плода҆ дѣ҆лъ твои҆хъ** → **дѣ҆лъ** [Пс. 103:13], **г҃а си́лъ** → **си҆лъ** [Пс. 47:8]. **шⷭ҃мⷭ҃ во́лнъ е҆го** → **вⷭ҆лнъ** [Пс. 64:7], **ѿ глⷭ҃бо́кыᵡ водъ** → **вⷭ҆дъ** [Пс. 68:14], **не прїимⷭ҃тъ ра́нъ** → **ра҆нъ** [Пс. 72:5], **дѣ҆ла́ рⷭ҃къ на́шихъ** → **рⷭ҆къ** [Пс. 89:16], **по сре҆дѣ҆ горъ** → **гⷭ҆ръ** [Пс. 103:10]. Аналогичным образом они используют камору и при раскрытии подтитленных написаний форм р. п. мн. ч. существительных: **паче** $вла^{с}$ **главы моеа҆** → **вла҆съ** [Пс. 68:4], **дш҃ъ** $оу҆бо́гы^{ᵡ}$ **твои**^{ᵡ} → **дⷭ҆шъ** [Пс. 73:19], **поноше́нїе** $ра^{с}$ **твои**^{ᵡ} → **ра҆бъ** [Пс. 88:50], **безако́нїе ѿ҃ц҃ъ е҆го** → **ѻ҆тѣ҆цъ** [Пс. 108:14]. Такой подход к каморе как средству реализации принципа антистиха прочно усваивается в синодальном церковнославянском

языке, ср. **ца́рь** (и. п. ед. ч.) // **ца́рь** (р. п. мн. ч.) [Гаманович 1991: 20; Плетнёва, Кравецкий 2006: 28].

Практическим руководством, предоставляющим четкие инструкции и не допускающим неоднозначности интерпретации, являлось правило ГМ об употреблении исо в позиции абсолютного начала слова над ударным гласным: «**А҆ и҆́со пи́шется в нача́лѣ всегда̀ над҆ гла́снъми пи́сменъ. а҆ си́лу и҆́мать** [т. е. обозначает ударный гласный — *Е.К.*] **та́коже и҆ о҆́ц҃а; та́ку, а҆́ще, а҆́лчетъ, и҆́детъ, о҆́нъ, о҆у҆́бу, та́же, ѣ́детъ**» (л. 62об.). Наиболее вероятными источниками этого предписания в ГМ, отсутствующего, как и сам знак, в ГС, были статьи «**Наказа́нїе ко у҆чи́телем҃ ка́ко и҆́мъ о҆у҆чи́ти дѣте́й гра́мотѣ**» и «**О҆ є҆́же ка́ко проsóдїа҆ достоит҃ писати і҆ гла́ти**» [Кузьминова 2012: 182]. Утвержденные иосифовскими справщиками в ГМ критерии постановки исо сохраняли свою безусловную актуальность для языковой практики никоновских справщиков, о чем свидетельствует регулярность проведенной ими правки **отсутствие знака → исо**, **придыхание → исо**, **оксия → исо**, исчисляемой десятками тысяч примеров (более тысячи только в тексте Псалтыри): **око → о҆́ко** [Пс. 93:9], **юности → ю҆́ности** [Пс. 70:5], **е҆́сть → є҆́сть** [Пс. 3:8, 7:3…], **и҆́хъ → и҆́хъ** [Пс. 2:3…], **и҆скренемъ → и҆́скреннемъ** [Пс. 11:2], **о҆у҆зриши → о҆у҆́зриши** [Пс. 34:17], **о҆у҆хо → о҆у҆́хо** [Пс. 16:6, 17:44, 30:2], **а҆́ко → та́ку** [Пс. 1:3, 1:4…], **а҆́дъ → а҆́дъ** [Пс. 9:17, 48:14], **о҆́комъ → о҆́комъ** [Пс. 100:5], **о҆́строви → о҆́стрѹви** [Пс. 71:10], **и҆́стину → и҆́стину** [Пс. 39:10], **и҆́мени → и҆́мени** [Пс. 43:5, 43:8…], **а҆́мъ → а҆́мъ** [Пс. 49:13]. Эта позиция исо закрепляется в синодальном церковнославянском языке в качестве единственно нормативной [Гаманович 1991: 20; Плетнёва, Кравецкий 2006: 28].

В области оформления фразовых единиц в ГС=ГМ были строго определены функция и позиция точки с запятой как вопроси́тельного знака — «вопросной»: «**Вопро́снам҃ полага́етъс҃а в концѣ̀ глаго́ланїй вопроша́тельныхъ; та́ку, Гд҃и, а҆́ще в сїѐ вре́ма о҆у҆строме́ши ц҃р҃твїе і҆и҃лево**; [Деян. 1:6] **и҆́, рцы́ на́мъ, когда̀ сїа̀ боу҆́дѹтъ; и҆́ что҆́ е҆́сть зна́менїе твоегѡ̀ прише́ствїа и҆́ конча́нъ вѣ́ка**; [Мф. 24:3]» (л. 74). Прескриптивные указания грамматики получили последовательную реализацию в МБ: заданная в исходном тексте ОБ вариативность **точка с запятой // точка // запятая** преодолевается никоновскими справщиками посредством правки **точка → точка с запятой** и **запятая → точка с запятой** во всех без исключения случаях (всего 110 примеров исправлений в Книге Иова): **что҆́ ти могу́ съдѣла́ти. → ... содѣ́лати**; [Иов. 7:20], **почто҆́ бо҆́ и҆з чре́ва въ гро҆́в҃ не҆ снидо́х҃. → ... не снидо́хъ**; [Иов. 10:19], **гдѣ е҆́сть покро́въ сѣ́нїи нечт҃и́выхъ. → ... нечести́выхъ**; [Иов. 21:28], **дыха́нїе же чїе е҆́сть и҆сходя́щее и҆́с тебе. → ... и҆́з тебѐ**; [Иов. 26:4], **кто҆́ же**

ѣ́сть творя́и по҃нб҃ную, и҆ сꙋ́щее всѐ. → ... **всѐ**; [Иов. 34:13]; **что҆̀ понесостѣ́ ѻ҃чи твои́**, → ... **твои́**; [Иов. 15:12], **Почто҆̀ нечести́вїи живꙋ́тъ**, → ... **живꙋ́тъ**; [Иов. 21:7], **С ки҃м совѣща́ешисѧ**, → ... **совѣща́ешисѧ**; [Иов. 26:3], **Кто҆̀ ѣ́сть до́ждю ѿ҆ц҃ъ**, → ... **ѻ҆ц҃ъ**; [Иов. 38:28], **и҆̀с чїего чре́ва и҆́сходи҃тъ ле́дъ**, → ... **ле́дъ**; [Иов. 38:29]. В последующие годы употребление точки с запятой в функции знака вопроса становится строгой нормой церковнославянской письменности [Гаманович 1991: 22; Гальченко, 2001: 352; Плетнёва, Кравецкий 2006: 31].

В отличие от рассмотренных выше диакритических и пунктуационных знаков, двоеточие входило в «область письма без правил» [Бешенкова, Иванова 2016: 5–6]: ко времени издания первых церковнославянских библейских сводов не была сформирована устойчивая правописная традиция его употребления [Гальченко 2001: 348, 352], отсутствовала и его адекватная кодификация в грамматиках. Предложенная в ГС формулировка правила, воспроизведенная без изменений в ГМ, представляла собой не инструкцию, позволяющую установить позицию этого знака, а описание, давая которое Мелетий Смотрицкий оперировал смысловым критерием — «разумом». В отличие от точки, которая является знаком «**соверше́ннаго ра́зꙋма**» (ГС л. 18об., ГМ л. 74), двоеточие служит показателем информативной недостаточности: «**ра́зꙋма… нѐ ѻ҆ꙋ҆̀ в҆ соверше́нїе прише́дша**» (ГС л. 18, ГМ 63об.). Аналогичным образом — как показатель незавершенности высказывания — интерпретировал «двосрочие» в своем правиде-описании и Лаврентий Зизаний: «**Є҆гда҆̀ глаго́лющей, несъве҃ше́ нꙋ рѣ҃чь и҆̀зрече́мъ, ѡ҃ба́че же҆̀ съверше҃нꙋ́шꙋ ѿ҆ ка́же за запато́ю**» (л. 14). Примечательно, что ни в одной из грамматик примеры, иллюстрирующие постановку двоеточия, не приводятся.

Редакторы МБ на основе собственного опыта текстологической нормализации церковнославянского языка в процессе книжной справы закрепляют за двоеточием функцию пунктуационного оформления прямой речи. В ОБ специального знака для выполнения данной функции предусмотрено не было. В конце интродукции, в которой представлена личная или причастная форма глагола, называющая локутивный акт, а также существительное или местоимение, называющее коммуниканта, использовались запятая или точка, а в ряде случаев переход к началу реплики никак не обозначался. В МБ в результате императивных исправлений **точка → двоеточие**, **запятая → двоеточие**, **отсутствие знака → двоеточие** в конце интродукции вводится двоеточие: **и҆ прокла́ть дн҃ь свои гл҃м. да погꙋ́бнетъ дн҃ь** → ... **гл҃м**: [Иов. 3:2], **Рѣ҃ г҃ь є҆лі҆ѳа́сꙋ фемани́тинꙋ. съгрѣши́лъ ѣ́си ты҃** → ... **фемани́тинꙋ**: [Иов. 42:7]; **Гл҃аше бо҃ і҆ѻ́въ, є҆гда како сн҃ове...** → ... **і҆wвъ**: [Иов. 1:5], **Ѿвѣща́ же҆̀ є҆ліѳ**

ѣлиоу́съ, что҃ сѣ̀... → **... ѣліу́съ**: [Иов. 35:1], **Рече гⷭ҃ї҃ ꙗ҃ѵ҃ѵ, бу́рею и҆ о҆́блакомъ, кто҃ се҃ ѣ́сть...** → **... о҆́блакомъ**: [Иов. 38:1]; **рече к немꙋ жена̀ е҆го гл҃а҃ доко́лѣ тръпи́ши...** → **... гл҃ющи**: [Иов. 2:9], **тѣ́мже рѣ́хъ послꙋ́шаите мене...** → **... рѣ́хъ**: [Иов. 32:10], **зане же гл҃е́ши чи́стъ ѣ́смь...** → **... глаго́леши**: [Иов. 33:8]. Впоследствии употребление двоеточия в функции введения прямой речи утверждается в книгопечатании и устанавливается в качестве нормативного в синодальном церковнославянском языке [см. Гаманович 1991: 22, 250–251].

Таким образом, программная языковая редактура, осуществленная при подготовке издания МБ, способствовала стабилизации нормы употребления вспомогательных графем. Во многом именно благодаря деятельности никоновских справщиков прескриптивные указания Грамматики 1648 г. из области теоретических построений внедряются в орфографическую практику. Вместе с тем и отсутствие кодификации отдельных знаков в грамматике не является препятствием для формирования в ходе справы узуальной нормы, сохраняющей стабильность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
2. *Астафьев Н.* Опыт истории Библии в России. СПб., 1889.
3. *Гальченко М.Г.* Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности (Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV — первой половины XV в.) // Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. (Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Т. I). М., 2001. С. 325–382.
4. *(Гаманович) Алипий, иером.* Грамматика церковно-славянского языка. М., 1991.
5. *Евсеев И.Е.* Рукописное предание славянской библии. СПб., 1911.
6. *Кузьминова Е.А.* Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М., 2012.
7. *Кузьминова Е.А.* Грамматика 1648 г. как регулятор библейской книжной справы второй половины XVII века // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2017. № 5. С. 21–46.
8. *Кузьминова Е.А.* Острожская Библия 1581 г. и Московская Библия 1663 г.: лингвистические аспекты книжной справы // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 411–417.
9. *Кузьминова Е.А.* Спорные вопросы библейской книжной справы XVI–XVII вв. // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2021. № 1. С. 30–43.
10. *Кузьминова Е.А., Чан Ю.* Диакритика как объект книжной справы (на материале Псалтыри в составе Московской Библии 1663 г.) // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5 (90). С. 391–394.
11. *Кузьминова Е.А., Чан Ю.* Московская Библия 1663 г.: формирование принципов книжной справы // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2023. № 1. С. 24–36.

12. *Мечковская Н.Б.* Архаическое и новое в лингвистическом сознании одной эпохи (к характеристике восточнославянских грамматик XVI–XVII вв.) // Slavica Tartuensia. 1985. № 1. С. 15–24.
13. *Плетнёва А.А., Кравецкий А.Г.* Церковнославянский язык. М., 1996.
14. *Цуркан Р.К.* Славянский перевод Библии: происхождение, история текста, важнейшие издания. СПб., 2001.
15. *Чан Ю.* Лингвистические аспекты книжной справы Псалтыри в составе Московской Библии 1663 г. // Филология и культура. 2021. № 3. С.30–37.
16. *Чан Ю.* Московская Библия 1663 г.: тенденции и принципы книжной справы на орфографическом уровне // Казанская наука. 2022. № 3. С. 73–77.
17. *Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895. С. 289–1023.

REFERENCES

1. Alekseev A.A. Tekstologija slavjanskoj Biblii [Textology of the Slavic Bible]. Saint Petersburg, *Dmitrij Bulanin Publishing House,* 1999. 254 p. (In Russ.)
2. Astaf'jev N. Opyt istorii Biblii v Rossii [Experience of the History of the Bible in Russia]. Saint Petersburg, 1889. 180 p. (In Russ.)
3. Chan Ju. Lingvisticheskie aspekty knizhnoj spravy Psaltyri v sostave Moskovskoj Biblii 1663 g. [Linguistic Aspects of the Book Correction of Psalter as Part of the Moscow Bible 1663]. *Filologija i kul'tura.* 2021, no. 3, pp. 30–37. (In Russ.)
4. Chan Ju. Moskovskaja Biblija 1663 g.: tendencii i principy knizhnoj spravy na orfograficheskom urovne [The Moscow Bible of 1663: Trends and Principles of Book Correction at the Spelling Level]. *Kazanskaja nauka*. 2022, no. 3, pp. 73–77. (In Russ.)
5. Curkan R.K. Slavjanskij perevod Biblii: proishozhdenie, istorija teksta, vazhnejshie izdanija [Slavic Translation of the Bible: Origin, History of the Text, the Most Important Publications]. Saint Petersburg, *KOLO Publ.*, 2001. 318 p. (In Russ.)
6. Evseev I.E. Rukopisnoe predanie slavjanskoj biblii [Handwritten Tradition of the Slavic Bible]. Saint Petersburg, 1911. 32 p. (In Russ.)
7. Gal'chenko M.G. Vtoroe juzhnoslavjanskoe vlijanie v drevnerusskoj knizhnosti (Grafiko-orfograficheskie priznaki vtorogo juzhnoslavjanskogo vlijanija i hronologija ih pojavlenija v drevnerusskih rukopisjah konca XIV — pervoj poloviny XV v.) [The Second South Slavic Influence in the Old Russian Literature (Graphic and Orthographic Signs of the Second South Slavic Influence and the Chronology of Their Appearance in the Old Russian Manuscripts of the End of the 14th — First Half of the 15th Century.)]. *Knizhnaja kul'tura. Knigopisanie. Nadpisi na ikonah Drevnej Rusi. (Trudy Central'nogo muzeja drevnerusskoj kul'tury i iskusstva imeni Andreja Rubleva. T. I).* Moscow, *UNIK, ALETEIJA Publ.*, 2001, pp. 325–382. (In Russ.)
8. (Gamanovich) Alipij. Grammatika cerkovno-slavjanskogo jazyka [Grammar of the Church Slavonic Language]. Moscow, *Hudozhestvennaja literature Publ.,* 1991. 272 p. (In Russ.)
9. Kuz'minova E.A. Razvitie grammaticheskoj mysli Rossii XVI–XVIII vv. [The Development of Grammatical Thought in Russia of the 16th–18th Centuries]. Moscow, *MAKS PRESS*, 2012. 468 p. (In Russ.)
10. Kuz'minova E.A. Grammatika 1648 g. kak reguljator biblejskoj knizhnoj spravy vtoroj poloviny XVII veka [Grammar of 1648 as a Regulator of the Biblical Book Correction of the Second Half of the 17th Century]. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology.* 2017, no. 5, pp. 21–46. (In Russ.)

11. Kuz'minova E.A. Ostrozhskaja Biblija 1581 g. i Moskovskaja Biblija 1663 g.: lingvisticheskie aspekty knizhnoj spravy [The Ostrog Bible of 1581 and the Moscow Bible of 1663: Linguistic Aspects of the Book Correction]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. 2020, no. 4 (83), pp. 411–417. (In Russ.)
12. Kuz'minova E.A. Spornye voprosy biblejskoj knizhnoj spravy XVI–XVII vv. [Controversial issues of the Biblical Book Correction of the 16th–17th Centuries]. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology.* 2021, no. 1, pp. 30–43. (In Russ.).
13. Kuz'minova E.A., Chan Ju. Diakritika kak obekt knizhnoj spravy (na materiale Psaltyri v sostave Moskovskoj Biblii 1663 g.) [Diacritics as an Object of Book Correction (Based on the Material of the Psalter as Part of the Moscow Bible of 1663)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. 2021, no. 5 (90), pp. 391–394. (In Russ.)
14. Kuz'minova E.A., Chan Ju. Moskovskaja Biblija 1663 g.: formirovanie principov knizhnoj spravy [Moscow Bible of 1663: Formation of the Principles of Book Correction]. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology.* 2023, no. 1, pp. 24–36. (In Russ.)
15. Mechkovskaja N.B. Arhaicheskoe i novoe v lingvisticheskom soznanii odnoj jepohi (k harakteristike vostochnoslavjanskih grammatik XVI–XVII vv.) [Archaic and New in the Linguistic Consciousness of One Epoch (To Characterize the East Slavic Grammars of the 16th–17th Centuries)]. *Slavica Tartuensia*. 1985, no. 1, pp. 15–24. (In Russ.)
16. Pletnjova A.A., Kraveckij A.G. Cerkovnoslavjanskij jazyk [Church Slavonic Language]. Moscow, *Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*, 1996. 192 p. (In Russ.)
17. Jagich I.V. Rassuzhdenija juzhnoslavjanskoj i russkoj stariny o cerkovnoslavjanskom jazyke [Arguments of the South Slavic and Russian Antiquity about the Church Slavonic Language]. *Issledovanija po russkomu jazyku* [*Research on the Russian language*]. Vol. 1. Saint Petersburg, Tipografija Imperatorskoj akademii nauk, 1885–1895, pp. 289–1023. (In Russ.)

Поступила в редакцию 28.05.2024
Принята к публикации 01.06.2024
Отредактирована 07.08.2024

Received 28.05.2024
Accepted 01.06.2024
Revised 07.08.2024

ОБ АВТОРАХ

Кузьминова Елена Александровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; elenk2002@mail.ru

Чан Юйкай — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник факультета русского языка Института иностранных языков Пекинского университета; chang.yukai2015@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elena Kuzminova — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; elenk2002@mail.ru

Chang Yukai — PhD, Junior Researcher, Faculty of Russian Language, School of Foreign languages, Peking University; chang.yukai2015@yandex.ru

ЦИТАТЫ ИЗ ВЕТХОГО ЗАВЕТА В СОСТАВЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА ПРОПОВЕДЕЙ ПЕТРА СКАРГИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Т.В. Пентковская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; slav_fil@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается церковнославянский перевод проповедей Петра Скарги в сборнике ГИМ, Син. 1202 второй половины XVII в., выполненный книжниками московского Чудова монастыря, и реконструируются этапы работы над ним. В фокусе работы находится цитирование ветхозаветных фрагментов, которое составляет первую часть каждой проповеди Скарги. Часть проповедей вошла в сборник в двух версиях, которые отражают разные этапы работы над текстом. Первоначальный перевод был выполнен, вероятно, Епифанием Славинецким до его кончины в 1675 г. В области ветхозаветного текста его характеризует сохранение чтений Скарги в тех случаях, когда его вариант расходится с чтениями польских Библий. Вторая версия перевода представляет собой кардинальную ревизию предыдущей. Она принадлежит ученику Епифания Евфимию Чудовскому. В исправлениях редактор стремится уйти от буквального отражения особенностей польского текста ветхозаветных цитат. Конечной целью редактуры было устранение следов иноконфессионального происхождения текста и его адаптация к церковнославянским переводам с греческого языка чудовской книжной школы. Важную роль в этом процессе играла Московская Библия 1663 года.

***Ключевые слова*:** Петр Скарга; проповеди; Библия; Епифаний Славинецкий; Евфимий Чудовский; церковнославянские переводы с польского языка; редактура

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ, грант № 24-28-00240 «Культурно-языковое взаимодействие в предпетровскую эпоху: переводы с польского языка книжников московского Чудова монастыря».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-3

Для цитирования: *Пентковская Т.В.* Цитаты из Ветхого Завета в составе церковнославянского перевода проповедей Петра Скарги второй половины XVII в. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 31–42.

© Пентковская Т.В., 2024

QUOTATIONS FROM THE OLD TESTAMENT AS PART OF THE CHURCH SLAVONIC TRANSLATION OF PIOTR SKARGA'S SERMONS OF THE SECOND HALF OF THE 17th CENTURY

Tatiana V. Pentkovskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; slav_fil@mail.ru

Abstract: The article examines the Church Slavonic translation of Peter Skarga's sermons, made by the bookmen of the Moscow Chudov monastery, in the manuscript from the State Historical museum, Sin. 1202 of the second half of the 17th century, and reconstructs the stages of work on it. The focus of the work is the quoting of Old Testament fragments, which forms the first part of each sermon by Skarga. Some of the sermons were included in the manuscript in two versions, which reflect different stages of work on the text. The original translation was probably made by Epiphanius Slavinetsky before his death in 1675. In the field of the Old Testament text, it is characterized by the preservation of Skarga's readings in cases where his version differs from the readings of the Polish Bibles. The second version of the translation is a cardinal revision of the previous one. It was performed by Epiphanius' disciple Euthymius Chudovsky. In the corrections, the editor seeks to avoid a literal reflection of the features of the Polish text of the Old Testament quotations. The ultimate goal of the revision was to eliminate traces of the different confessional origin of the text and adapt it to Church Slavonic translations from the Greek language of the Chudovsky book circle. The Moscow Bible of 1663 played an important role in this process.

Keywords: Piotr Skarga; sermons; Bible; Epiphanius Slavinetsky; Euthymius Chudovsky; Church Slavonic translations from Polish; translation revision

Funding: The research was carried out as a part of the Russian Science Foundation Project no. 24-28-00240 "Cultural and Linguistic Interaction in the Pre-Petrine Era: Translations from Polish by the Scribes of the Moscow Chudov Monastery".

For citation: Pentkovskaya T.V. (2024) Quotations from the Old Testament as Part of the Church Slavonic Translation of Piotr Skarga's Sermons of the Second Half of the 17th Century. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 31–42.

Библия, изданная на Московском Печатном дворе в 1663 г. (далее — МБ), явилась результатом книжной справы, в ходе которой ее язык приводился в соответствие с системой норм московского издания грамматики церковнославянского языка Мелетия Смотрицкого 1648 г. Об авторитетности этого издания Св. Писания свидетельствует тот факт, что оно легло в основу вышедшей в 1751 г. Елизаветинской Библии [Кузьминова 2019: 479].

Известны случаи использования текста МБ в парабиблейской литературе. Считается, что МБ использовалась в гравированной Библии Василия Кореня 1692–1696 гг. (РНБ, V 4.2.; инв. 1593), в которой первые 20 листов соотносятся с четырьмя главами книги Бытия, а еще 16 листов — с Апокалипсисом. Книга Бытия «создана из текста московской Библии 1663 года со вставками из краткой и толковой Палеи по принципу Палеи русской редакции», причем ряд фрагментов демонстрирует весьма существенное расхождение с МБ. Тексту МБ следует Апокалипсис [Сакович 1983: 14, 17; Плетнева 2013: 227].

Задачей настоящей статьи является рассмотрение редакторской работы в области ветхозаветного текста в церковнославянском переводе проповедей в составе сборника ГИМ, Син. 1202 (XVII в.) и, в частности, вопроса о степени привлечения и характере использования МБ при цитировании библейских фрагментов. Этот сборник на 293 листах состоит из двух частей. Листы 1–78 заняты поучениями Феодора Студита. Далее следуют 50 воскресных поучений, которые представляют собой перевод проповедей Петра Скарги, предназначенных для организованного им благотворительного братства св. Варвары в Кракове. При этом братстве по итальянскому образцу были устроены беспроцентные ссудные кассы для бедняков. Проповеди вместе с уставом братства милосердия впервые были изданы в 1588 г. в Кракове [Roczniak 2007: 53–96; Корзо 2021: 239, 242][1]. В составе этого и последующих изданий, в частности, в издании 1610 г., находится также трактат «Kazanie o Miłosierdziu», переведенный на церковнославянский язык чудовским книжным кругом под названием «Слово о милости» [Пентковская 2016: 100–111]. Язык перевода проповедей — церковнославянский, с украинизмами [Горский, Невоструев 1859, № 160]. Перевод первых 25 проповедей Скарги переписан дважды, в двух вариантах (обозначим их как Син. 1202/1 и Син. 1202/2), что позволяет проследить характер внесенной в первоначальный вариант редакторской правки. Эта правка принадлежит Евфимию Чудовскому, который сначала вносил точечные лексико-грамматические изменения в Син. 1202/1, а потом еще раз кардинально редактировал текст Син. 1202/2, переписанный уже с учетом исправлений первого этапа [Горский, Невоструев 1859: 365].

[1] Bractwo Milosierdzia W Krakowie V S. Barbary Zaczęte Roku Pańskiego 1584. Miesiąca Oktobra [...] : Do ktorego [...] wydane iest naprzod Kazanie o Miłosierdziu, y o zaleceniu y przedsiewzieciu Bractwa tego ; Ktemu przydane są tegoż Bractwa powinności y porządki, y Czytania z Pisma S. z Doktorow, y z Żywotow Swiętych, o miłosierdziu y iałmużnie [...] ; Confirmatio Fraternitatis Misericordiae. https://jbc.bj.uj.edu.pl/dlibra/publication/391285/edition/371983?language=en. (дата обращения: 12.01.2024).

Фрагменты Ветхого Завета находятся в 33-х недельных чтениях, а фрагменты Нового Завета — в 17. Таким образом, книги Ветхого Завета цитируются Скаргой почти в три раза чаще, чем Нового, вероятнее всего, из-за особенностей тематической выборки. Это могут быть как выписки целостных фрагментов, так и монтаж цитат. Все фрагменты книг Ветхого Завета содержат редакционную правку. Приведем эти книги в порядке убывания чтений из них. Так, 8 раз встречаются выписки из книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова (18 нед. 12:3; 19 нед. 1:5; 20 нед. 4:3–8; 21 нед. 4:10; 11:35; 22 нед. 14: 13–17; 23 нед. 17:18, 19; 24 нед. Сирах 29:1, 12–14; 29 нед. 12:1); 5 раз из книги Притчей (14 нед. 3:3, 11:17, 28; 15 нед. 3:9, 10, 27, 28; 16 нед. 11: 26; 14: 31; 17 нед. 19:17; 21:13; 43 нед. 14:21); 5 раз из Второзакония (35 нед. 22:4; 39 нед. 14:28, 29; 40 нед. 15:7, 11; 41 нед. 24:10–13; 42 нед. 24:19, 20); трижды из Псалтыри (11 нед. 36:25; 12 нед. 40: 1–4, 108:15–16; 13 нед. 111:5, 9); по два раза из книги Товит (10 нед 4:7–12; 11 нед. 12:8), Исайи (25 нед. 54:7, 10; 26 нед. 54:10, 11), 3-й книги Царств (30 нед. 17:10-16; 31 нед. 18:13), Исхода (35 нед. 23:5; 36 нед. 22:21–24), дважды из книги Левит (37 нед. 19:9, 10; 38 нед. 35:35–38); по одному разу из книги Екклесиаст (18 нед. 11:1), Иезекииля (27 нед. 18:7), Даниила (28 нед. 4:24 Скарга), 4-й книги Царств (32 нед. 4:42–44), Иова (34 нед. 31:16–20).

Библейские книги, фрагменты которых вошли в проповеди, имеют разную историю текста на церковнославянской почве. Ряд цитируемых библейских книг восходит к мефодиевскому переводу к. IX в.: 3 и 4 Царств, Иова, Притчей, Екклесиаста, Иисуса Сирахова. К переводам, возникшим в эпоху царя Симеона, относят книги пророков Исайи, Иезекииля (главы 1–44, 47–48), Даниила, а также Восьмикнижие, куда входят в том числе книги Исход, Левит и Второзаконие. Книга Товита была переведена с латыни при работе над Геннадиевской Библией в к. XV в. Псалтырь стабилизировала свой вид в редакции митр. Киприана, в которой вошла в Геннадиевскую Библию. Ее несохранившаяся копия, полученная из Москвы, легла в основу издания Острожской Библии 1581 г. (далее — ОБ), в которой отдельные тексты, переведенные с латыни, были переведены заново с греческого. Работа острожских редакторов над текстами Геннадиевской Библии при этом была комплексной, с использованием нескольких источников, объем и степень последовательности привлечения которых были различными для разных библейских книг. Немаловажную роль в этой редактуре играли и чешская Библия Мелантриха, а также польская Брестская Библия, которые выполняли посредническую роль между латинским и церковнославянским переводом. Языковая же нормализация была подчинена представ-

лениям острожских книжников о грамматической и лексической норме церковнославянского языка. ОБ с определенной редакторской переработкой была напечатана в Москве в 1663 г. [Ромодановская 2005: 584–588; Вернер 2022: 152–153].

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих ход работы над библейским текстом при переводе и редактуре проповедей в Син. 1202. Прежде всего, это фрагмент Псалтыри — одной из наиболее востребованной книг Св. Писания, полностью включенной в богослужение Православной Церкви.

13 неделя Син. 1202/1 **ѱа**: **раг**. **Сей блженъ чл҃къ у гда бга и в людех, иже има в себѣ милосе́дие, и в заи́м дае́т, сицевы́ вовѣки не има́ти быти посрамленъ, ниже по́вижи; расточи да у́боги и пребывати вѣдет правда его вовѣки; Крѣпость его** [о испр. на ѡ] **славно** [о испр. на ѡ] **вознесена вѣдет**; — To wdźięczny człowiek (u P. Bogá y u ludźi) ktory ma w ſobie miłośierdźie y pożycza. Táki ná wieki nie będźie poſromocony áni obálony. Roſproßył y dał ubogim / y trwáć będźie ſpráwiedliwość iego ná wieki / á moc iego ſławnie podwyzßoná będźie. На поле: Pſal: 111 (с. 170).

Текстологические сопоставления библейского текста в проповедях с полными польскими библейскими переводами XVI в. показывают, что Петр Скарга при цитировании мог изменять библейский текст в соответствии со своими задачами (в частности, он вводит в него написанное в скобках). Для сравнения приведем здесь текст первой полной печатной католической Библии Леополиты 1561 г., к которому Петр Скарга мог обращаться благодаря общей конфессиональной принадлежности[2]: Uczeſny tho człowiek ktory zlituie ſie á pożycża: będzie roſkładał mowy ſwe przed ſądem / bo ná wieki nie będzie poruſſon... Rozproſſył / rozdał ubogim: ſpráwiedliwość iego trwa ná wiek wiekow: rog iego wywyſſon będzie w chwale (с. 573). Однако этот вариант с переводом Скарги имеет немного общего. В то же время необходимо отметить, что восточнославянский переводчик Син. 1202/1 в целом точно следует чтениям Скарги.

Син. 1202/2 **ѱа**: **раг**. **Сей блженъ чл҃къ оу гда бга и в ~~люде~~ чл҃вкъ, иже има в ~~себѣ~~ милосе́дїе, и в заимъ даетъ, сицевый вовѣки не иматъ быти посрамленъ, ниже по́вижимъ, расточи даде ~~ѹбогимъ и пребывати вѣдет~~** [ы испр. на ѹ; на поле: **-детъ**] **правда егѡ вовѣки** [и испр. на ъ] **. крѣпость егѡ ~~славнѡ~~ вознесена ~~вѣдет~~ высится въ славѣ**.

[2] Biblia to jest Księgi Starego i Nowego Zakonu na polski język z pilnością według łacińskiej Biblii od Kościoła chrześcijańskiego powszechnego przyjęty, nowo wyłożona. Kraków, 1561. https://polona.pl/preview/7d8559f0-640c-418b-87a6-0fbede4e166f.

В отличие от первого варианта перевода, в который внесена только орфографическая правка, второй вариант содержит лексико-грамматические изменения. Для оценки этих изменений обратимся к МБ: Пс. 111:5, 6, 9 **Бл҃гъ мѫжъ щедрѧ и дая, оустроитъ словеса своѧ на сѹдѣ: ꙗкѡ въ вѣкъ не подвижитсѧ... Расточи, даде оубогимъ, правда єгѡ пребываетъ в҃ вѣкъ вѣка. рогъ єгѡ возн҃есетсѧ въ славѣ** (л. 246об.) — (5) χρηστὸς ἀνὴρ ὁ οἰκτίρων καὶ κιχρῶν οἰκονομήσει τοὺς λόγους αὐτοῦ ἐν κρίσει ὅτι εἰς τὸν αἰῶνα οὐ σαλευθήσεται... (9) ἐσκόρπισεν ἔδωκεν τοῖς πένησιν ἡ δικαιοσύνη αὐτοῦ μένει εἰς τὸν αἰῶνα τοῦ αἰῶνος τὸ κέρας αὐτοῦ ὑψωθήσεται ἐν δόξῃ.

Очевидно, что во многом изменения, внесенные Евфимием Чудовским, направлены на сближение с каноническим церковнославянским текстом Библии и в конечном итоге с византийской традицией: **вовѣки** ná wieki → **вовѣкъ вѣка** εἰς τὸν αἰῶνα τοῦ αἰῶνος; **крѣпость** moc → **рогъ** τὸ κέρας; **славно** ſławnie → **въ славѣ** ἐν δόξῃ.

В русле московского варианта церковнославянского языка находится изменение аориста **дастъ** dał → **даде** ἔδωκεν. Форма аориста от основы **дад**-, введенная во избежание омонимии с формой презенса, отмечается уже в период афоно-тырновской книжной справы. Она же характерна для Максима Грека (в частности, в совместном со старцем Силуаном переводе Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея) [Пентковская 2015: 30–31]. В МБ форме основного текста **дастъ** 3 л. ед. ч., перешедшей из Острожской Библии, регулярно соответствует маргинальная глосса **даде** для аориста ἔδωκεν[3]. В Новом Завете второй половины XVII в. Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (далее — НЗЕ) во всех случаях читается именно **даде** [Махова 2019: 102–103]. В середине XVIII в. Варлаам Лащевский и Гедеон Сломинский, монахи и преподаватели Духовной Академии, вызванные из Киева в Петербург для работы над Елизаветинской Библией, исправили сохранявшийся в МБ приставочный глагол **вдастъ** на **вдаде** в Мф. 21:33 [Бобрик 2010: 445]. В то же время в югозападнорусской традиции аористные формы с приращением продолжают считаться нормативными. Хорошо известен идеологический конфликт между московскими и югозападнорусскими книжниками из-за формы аориста с приращением **оумрѣтъ**, из новозаветного текста перешедшей в «Учительное Евангелие» украинского книжника Кирилла Транквиллиона, которую в Москве восприняли как форму презенса [Успенский 2002: 363]. Поэтому форму **дастъ** в Син. 1202/1 можно рассматривать не только как

[3] Форма **дастъ** (без глоссы) читается в ОБ и в 111:9 (л. 22об.). Наличие данного расхождения в ОБ и МБ указывает на то, что Евфимий ориентировался в своей правке именно на московское издание.

архаичную, но и как соответствующую региональной югозападнорусской норме церковнославянского языка, учитывая имеющиеся в этом переводе некоторые другие грамматические украинизмы, отмеченные А.В. Горским и К.И. Невоструевым.

Отдельного комментария требует исправление **вознесена бѹдетъ** podwyzßoná będźie → **возвысится** ὑψωθήσεται. Здесь аналитический пассив правится на синтетический, что отвечает греческой форме, но, кроме того, при правке изменяется корень глагола. В церковнославянских переводах XI–XIV вв. оба глагола — **възнестисѧ** ‘подняться (вверх)’, ‘вознестись на небо, подняться ввысь’ и **възвыситисѧ** ‘подняться выше, быть поднятым высоко’ — могут использоваться для передачи глагола ὑψόω и его производных [СДРЯ XI–XIV вв., вып. 2: 26, 91]. Однако в зависящем от Епифаниева «Лексикона греко-славено-латинского» «Лексиконе треязычном» Ф.П. Поликарпова каждому глаголу соответствует свой набор греческих и латинских эквивалентов: **возношѹсѧ**, ἀναφέρομαι, ἀνάγομαι, ἀλλαζωνέω, ſurſum ſumor, ſurſum feror (л. 54об.); **возвышаю**, ἀνυψόω, ἐπαίρω, αἰωρέω, exalto (л. 53) [Поликарпов 1704]. Ср. ГИМ, Син. греч. 383, Лексикон греко-славяно-латинский Епифания Славинецкого, XVII в.: ἀνάγομαι, ἀναφέρομαι — **въношѹсѧ** (л. 58, л. 68), ἀνυψόω — **вѣвышаю**, но также и **въношѹ** (л. 91об.).

В то же время чтение **возвысится** находит поддержку и в польских библиях, с которыми Евфимий был знаком, ср. wywyżßy ſię (Псалтырь 1594 г. издания Библии Вуйка, с. 205[4]; то же Брестская Библия 1563 г., с. 323[5]; то же Библия Симона Будного 1572 г., с. 314), Библия Вуйка 1599 г. wywysßy ſię (с. 631). В Библии Леополиты тот же корень, но другая форма: wywyſſon będzie. Чтение **пребѹдетъ** также больше отвечает варианту МБ **пребываетъ** μένει. Вместе с тем исправление Евфимия согласуется и с чтениями полных польских библий: trwáć będźie: trwa (Псалтырь 1594 г. издания Библии Вуйка, с. 205; то же Библия Вуйка 1599 г., с. 631; Брестская Библия 1563 г., с. 323; то же Библия Симона Будного 1572 г., с. 314; то же Библия Леополиты 1561 г., с. 573). Не исключено поэтому согласование и с польскими источниками в том случае, если они не противоречат церковнославянско-греческой традиции, однако эта версия требует дополнительной проверки на более широком материале.

Те же принципы редактуры наблюдаются и в следующем случае. 17-я неделя: Син. 1202/1 **Пѹсти хлѣбъ твой Потекѹщи вода**;

[4] https://www.dbc.wroc.pl/dlibra/doccontent?id=10951&from=FBC. Дата обращения 31.03.2024.

[5] https://web.archive.org/web/20180612143359/http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=2752&from=&dirids=1. Дата обращения 31.03.2024.

Подо҆го҃м҃бо времени wбрѧщеши его. На поле: **екѓлисиаст҃а҃і**. Puść chleb twoy po płynących wodách: bo po długim cząśie naydźieß go (c. 175).

Син. 1202/2 **Пѹсти хлѣ҃б твои потекѹщи҃х҃ вода҃х҃; подолгомъ бо҃х҃ времени wбрящеши его**. Сверху над словосочетанием **потекѹщи҃х҃ вода҃х҃** написано **на лице воды** (л. 189). Это соответствует чтению МБ: **Посли хлѣбъ твой на лице водѣ. ꙗкѡ во множествѣ днiй wбрѧщеши его** (л. 264), то же ОБ (л. 44) — ἀπόστειλον τὸν ἄρτον σου ἐπὶ πρόσωπον τοῦ ὕδατος ὅτι ἐν πλήθει τῶν ἡμερῶν εὑρήσεις αὐτόν[6].

Ту же цитату содержит «Слово о милости»: Син. 716 **Сїе совѣтѹетъ тебѣ м҃рецъ, гл҃яй: Посли хлѣбъ твой на лице воды, во множествѣ днeй wбрящеши его**. На поле: **еккли҆, а҃і҃** (л. 38). То же КПЛ 290/145 (л. 429об.), Барс. 459 (л. 169об.) — Toć rádźi Mędrzec / mowiąc: Poſyłay chleb twoy po płynącey wodzie, bo po długim cząśie naydzieß gi. На поле: Eccle: 11 (c. 121). Разночтения рукописей «Слова» показывают, что наиболее близкий к польскому оригиналу вариант содержится в рукописи Киево-Печерской лавры:

посли: КПЛ 290/145 **посылай** (л. 429 об.). Син. 483 **посылай**, над зачеркнутым написано **сли** (л. 894об.);

на лице: КПЛ 290/145 ˇ**по плывѹщей**ˇ. На поле ˇ**на лице**ˇ (л. 429об.). Син. 483 ~~**по пловѹщей**~~, над зачеркнутым написано **на лице**. На поле **на лице** (л. 894об.);

во множествѣ: КПЛ 290/145 **по многихъ бо днехъ** (л. 429об.). В Син. 483 -**жествѣ** написано по затертому (л. 894об.);

его: КПЛ 290/145 **той** (л. 429об.).

А.В. Горский и К.И. Невоструев установили, что рукопись Син. 483, написанная рукой Евфимия Чудовского, является черновиком Син. 716 [Горский, Невоструев 1862: 246–250]. В этой рукописи была проведена редактура, результаты которой отражают Син. 716 и Барс. 459. Исправления, как и в проповедях Син. 1202/2, были направлены на сближение с церковнославянский Библией.

Отметим, что текст Еккл. 11:1, приводимый Скаргой, различается в воскресных поучениях и в «Kazaniu o miłosierdziu» (puść: poſyłay, po płynących wodách: po płynącey wodzie; go: gi). Определение причины этого расхождения (например, цитирование по памяти или использование разных источников) остается за рамками данной работы. Чтения полных польских библий XVI в. не обнаруживают сходство с версиями Скарги в нескольких ключевых точках: Библия Леополиты 1561 г. Puść chleb twoy ná wody ćiekące / bowiem po niemáłym cżáſie naydzieß gi (изд-е 1577, л. 401 об.), БВ 1599, появившаяся позже первого издания проповедей Скарги, во многом за-

[6] https://azbyka.ru/biblia/?Eccl.11:1. Дата обращения 31.03.2024.

висит от БЛ: rzucay... ná wody ćiekącé... ji (с. 686). Ср. тж. Брестская Библия 1563 г.: Rozmiátuy chleb twoy ná wodę [в сноске: przez wody] / bo po niemałych cżáſiech naydźieſz gi (с. 350).

Несмотря на определенные различия исходного польского текста, перевод в Син. 1202/1 и в «Слове о милости» изначально ориентирован именно на польский вариант и передает характерные для него чтения. В результате редакторской правки эти чтения заменяются на чтения, характерные для церковнославянской Библии.

Рассмотренный материал показывает, что принципы редактуры библейского текста Евфимия Чудовского в переводе проповедей Скарги во многом совпадали с принципами его редакторской работы над Новым Заветом в переводе Епифания Славинецкого. И в том, и в другом случае привлекались библейские/новозаветные источники на разных языках: церковнославянском, греческом, польском. Важно отметить при этом, что в переводах Скарги Евфимий осуществлял адаптацию первоначального варианта перевода на лингвотекстологическом уровне к церковнославянской традиции. Это находит культурологическую параллель в адаптации иконографических образцов западноевропейских гравированных Библий (Библии Пискатора, Библии Борхта, Библии Мериана и др.), которые использовались в храмовой росписи, иконах и гравюрах русских мастеров [Бусева-Давыдова 2020: 28–39; Сакович 1983: 16–17]. Важнейшим средством такой адаптации иноконфессионального текста в переводах проповедей Скарги служила Московская Библия, к которой обращался Евфимий Чудовский при цитировании ветхозаветного текста. Обращение к этому авторитетному изданию сочеталось с вероятным привлечением многоязычных лексиконов, а также со следованием собственному представлению чудовского книжника о норме переводных церковнославянских текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бобрик М.А.* Языковая правка четьего текста Евангелия от Матфея перед изданием Библии 1751 года (по материалам Синодального архива) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: 2006–2008. М.: Древлехранилище, 2010. С. 440–469.
2. *Бусева-Давыдова И.Л.* Библия Пискатора в русских иконах и фресках XVII–XVIII веков // Theatrum biblicum. Библия Пискатора 1643 года из собрания Государственной Третьяковской галереи. М.: ГТГ, 2020. 524 с. С. 28–39.
3. *Вернер И.В.* Переводческие стратегии острожских редакторов в III (IV) книге Ездры // Острожская Библия и развитие библейской традиции у славян. М.: МАКС Пресс, 2022. 220 с. С. 137–153.
4. Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел 2. Писания святых отцов. Часть 2. Писания

догматические и духовно-нравственные. М.: Синодальная типография, 1859. 366 с.
5. *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. 2. Прибавления. М.: Синодальная типография, 1862. 844 с.
6. *Корзо М.А.* Скарга Петр // Православная энциклопедия. Т. 64. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2021. С. 239–243.
7. *Кузьминова Е.А.* Острожская Библия // Православная энциклопедия. Т. 53. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2019. С. 477–479.
8. *Махова М.В.* О маргинальных глоссах в Новом Завете Московской Библии 1663 года и их источниках // Stephanos. 2019. № 2 (34). С. 101–110. DOI 10.24249/2309-9917-2019-34-2-101-110 http://www.stephanos.ru/index.php?cp=901&getNum=53
9. *Пентковская Т.В.* Евангелие от Матфея в составе перевода Бесед старца Силуана: к вопросу об источниках комментируемого текста // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 2. С. 7–41.
10. *Пентковская Т.В.* «Слово о милости» книжного круга Епифания Славинецкого: проблемы и перспективы изучения // Stephanos. 2016. № 5 (19). С. 100–111. http://stephanos.ru/index.php?cp=472&getNum=38
11. *Плетнева А.А.* Сотворение мира в версии Библии Кореня: вопросы языка и текста // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2012–2013). М.: Древлехранилище, 2013. С. 226–239. 282 с.
12. *Поликарпов-Орлов Ф.П.* Лексикон треязычный. сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М.: Синодальная типография, 1704. 403 л., 4°. РГБ, МК Кир. 4°. https://kp.rusneb.ru/item/reader/leksikon-treyazychnyy-sirech-recheniy-slavenskih-ellinogrecheskih-i-latinskih-sokrovishche
13. *Ромодановская В.А.* Геннадиевская Библия // Православная Энциклопедия. Т. 10. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2005. С. 584–588.
14. *Сакович А.Г.* Народная гравированная книга Василия Кореня 1692–1696. М.: Искусство, 1983. 167 с.
15. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. (СДРЯ). Т. I–XIII –. М., 1988–2023–.
16. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002. 560 с.
17. *Roczniak W.* Piotr Skarga, Philanthropist of the Counter-Reformation // The Polish Review, 2007. No. 1 (52). Pp. 37–100.

REFERENCES

1. Bobrik M.A. Yazykovaya pravka chet'yego teksta Yevangeliya ot Matfeya pered izdaniyem Biblii 1751 goda (po materialam Sinodal'nogo arkhiva) [Linguistic Correction of the Fourth Text of the Gospel of Matthew Before the Publication of the Bible in 1751 (Based on Materials from the Synodal Archive)]. In: *Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka*: *2006–2008* [Linguistic Source Studies and History of the Russian Language: 2006–2008]. Moscow: Drevlekhranilishte Publ., 2010, pp. 440–469. (In Russ.)
2. Buseva-Davydova I.L. Bibliya Piskatora v russkikh ikonakh i freskakh XVII–XVIII vekov [Piscator's Bible in Russian Icons and Frescoes of the 17th–18th Centuries]. In: *Theatrum biblicum. Bibliia Piskatora 1643 goda iz sobraniia Gosudarstvennoi Tret'iakovskoi galerei* [Theatrum Biblicum. The Piscator's Bible of 1643 from the Collection

of the State Tretyakov Gallery]. Moscow, GTG Publ., 2020. 524 p. Pp. 28–39. (In Russ.)
3. Verner I.V. Translation Strategies of Ostrog Editors in the III (IV) Book of Ezdra. In: *Ostrog Bible and the Development of the Slavic Biblical Tradition*. Moscow, MAKS Press Publ., 2022. 220 p. Pp. 137–153.
4. Gorskij A.V., Nevostruev K.I. *Opisanie slavjanskih rukopisej Moskovskoj Sinodal'noj biblioteki. Otdel 2. Pisanija svjatyh otcov. Chast' 2. Pisanija dogmaticheskie i duhovno-nravstvennye* [Description of the Slavic Manuscripts of the Moscow Synodal Library. Section 2. The Writings of the Holy Fathers. Part 2. Dogmatic and Spiritual and Moral Writings]. Moscow, Moscow Synodal Printing House, 1859. 366 p. (In Russ.)
5. Gorskij A.V., Nevostruev K.I. *Opisanie slavjanskih rukopisej Moskovskoj Sinodal'noj biblioteki. Otdel 2. Pribavleniya* [Description of the Slavic Manuscripts of the Moscow Synodal Library. Section 2. The Writings of the Holy Fathers. Part 2. Additions]. Moscow, Moscow Synodal Printing House, 1862. 844 p. (In Russ.)
6. Korzo M.A. Skarga Piotr. In *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 64. Moscow, Church and Academic Center "Orthodox Encyclopedia", 2021, pp. 239–243. (In Russ.)
7. Kuzminova E.A. Ostrog Bible. In *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 53. Moscow: Church and Academic Center "Orthodox Encyclopedia", 2019, pp. 477–479. (In Russ.)
8. Makhova M.V. [On the Marginal Glosses in the New Testament of the Moscow Bible of 1663 and Their Sources]. In: *Stephanos*. 2019, no. 2 (34), pp. 101–110. (In Russ.) DOI 10.24249/2309-9917-2019-34-2-101-110 http://www.stephanos.ru/index.php?cp=901&getNum=53
9. Pentkovskaya T.V. Yevangeliye ot Matfeya v sostave perevoda Besed startsa Siluana: k voprosu ob istochnikakh kommentiruyemogo teksta [The Gospel According to St. Matthew as Part of the Translation of Monk Siluan's Disputations: Towards the Issue of the Sources of a Text Commented on]. In: *Moscow State University Bulletin*. 2015, no. 2, pp. 7–41. (In Russ.)
10. Pentkovskaja T.V. «Slovo o milosti» knizhnogo kruga Epifanija Slavineckogo: problemy i perspektivy izuchenija ['The Word for Mercy' by Epiphanius Slavinetsky Literary Environment: Problems and Prospects of Study]. In: *Stephanos*, 2016. no. 5 (19), pp. 100–111 (In Russ.) http://stephanos.ru/index.php?cp=472&getNum=38
11. Pletneva A.A. Sotvoreniye mira v versii Biblii Korenya: voprosy yazyka i teksta [The Creation of the World in the Koren's Bible Version: Issues of Language and Text]. In: *Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka (2012–2013)* [Linguistic Source Studies and History of the Russian Language]. Moscow, Drevlekhranilishte Publ., 2013, pp. 226–239. 282 p. (In Russ.)
12. Polikarpov-Orlov F.P. *Leksikon treyazychnyy. sirech' recheniy slavenskikh, yellino-grecheskikh i latinskikh sokrovishche* [The Trilingual Lexicon That Is, the Treasure of the Slavic, Greek and Latin Words]. Moscow: Synodal Printing House, 1704. 403 p. (In Church Slavonic.)
13. Romodanovskaya V.A. Gennadiyevskaya Bibliya [The Gennadian Bible]. In: *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 10. Moscow: Church and Academic Center "Orthodox Encyclopedia", 2005, pp. 584–588. (In Russ.)
14. Sakovich A.G. *Narodnaya gravirovannaya kniga Vasiliya Korenya 1692–1696* [Folk Engraved Book of Vasily Koren 1692–1696]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1983. 167 p. (In Russ.)
15. *Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv.* [Dictionary of the Old Russian Language of the 11th–14th Centuries]. Moscow, 1988–2023–. (In Russ.)

16. Uspenskiy B.A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* [History of the Russian Literary Language (11th–17th Centuries)]. Moscow: Aspekt Press, 2002. 560 p. (In Russ.)
17. Roczniak W. Piotr Skarga, Philanthropist of the Counter-Reformation. In: *The Polish Review*, 2007, no. 1 (52), pp. 37–100.

Поступила в редакцию 28.05.2024
Принята к публикации 27.08.2024
Отредактирована 10.09.2024

Received 28.05.2024
Accepted 27.08.2024
Revised 10.09.2024

ОБ АВТОРЕ

Пентковская Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; slav_fil@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana V. Pentkovskaya — Prof. Dr., Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University; slav_fil@mail.ru

«ИЗБРАНИЕ ОТ ЗАКОНА МОИСЕЕВА» И СЛАВЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Е.В. Белякова

Институт российской истории РАН, Москва, Россия; elbel@ list.ru

Аннотация: «Избрание от Закона Моисеева» (Nomos Mosaikos) представляет собой выборку из Исхода, Чисел, Левита, Второзакония в 50 главах, известную в греческой письменности с X века. По предположению А. Шминка, памятник был создан патриархом Фотием для славян. Древнейшим славянским списком Избрания является Иловицкая Кормчая 1262 г. В 1282 г. памятник вошел в состав Новгородско-Синодальной Кормчей, но в ней отражен уже второй этап редактирования текста. Первый этап сохранился в рукописях Владимиро-Волынской группы Кормчих. В статье поставлен вопрос, происходило ли редактирование Избрания под влиянием перевода Восьмикнижия. Новая редакция перевода была сделана при включении текста в Печатную Кормчую в 1649–1653 гг. В подготовке издания Кормчей принимал участие Евфимий Чудовский. Справщик определил главы ветхозаветных книг и произвел замены текста Сербской редакции Кормчей в основном по Острожской Библии. В статье определены главы, подвергшиеся наибольшим и наименьшим исправлениям и поставлены вопросы о способах работы справщика с текстом и о причинах выбора разных лексем. Так как библейский перевод содержал в ряде случаев более архаичные лексемы, чем перевод Иловицкой Кормчей, то справщик частично сохранил лексемы Иловицкой Кормчей. Делал он замены недостаточно последовательно, но стремился к большей понятности текста. В двух случаях обнаружены замены, совпадающие с Библией 1663 г., но отсутствующие в тексте Острожской Библии.

Ключевые слова: «Избрание от Закона Моисеева»; переводы Ветхого Завета; Кормчая, Острожская Библия

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-4

Для цитирования: *Белякова Е.В.* «Избрание от Закона Моисеева» и славянские переводы Ветхого Завета // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 43–56.

© Белякова Е.В., 2024

"THE SELECTION FROM THE LAW OF MOSES" (NOMOS MOSAIKOS) AND SLAVIC TRANSLATIONS OF THE OLD TESTAMENT

Elena Belyakova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; elbel@list.ru

Abstract: "The Selection from the Law of Moses" (Nomos Mosaikos) is a compilation from Exodus, Numbers, Leviticus, Deuteronomy in 50 chapters, known in Greek writing since the 10th century. According to A. Shmink, the text was written by Patriarch Photius for the Slavs. The oldest Slavic copy of the Selection is the Ilovitskaya Kormchaya of 1262. The monument became part of the Novgorod-Synodal Kormchaya as early as 1282, but it already reflected the second stage of editing the text. The first stage is preserved in the manuscripts of the Vladimir-Volyn group of Kormchaya. The article raises the question of whether the editing of the Nomos Mosaikos was influenced by the translation of the Octateuch. A new edition of the translation was made when the text was included in the Printed Kormchaya in 1649–1653. Evfimy Chudovsky took part in the preparation of the publication of the Kormchaya. The editor identified the chapters of the Old Testament books and made changes to the text of the Serbian edition of the Kormchaya, mainly based on the Ostrog Bible. The article identifies the chapters that have undergone the greatest corrections and raises questions about the ways the proofreader worked with the text and his reasons for choosing different lexemes. Since in some cases the biblical translation contained more archaic lexemes than the translation of the Ilovitskaya Kormchaya, the proofreader partially preserved the lexemes of the Ilovitskaya Kormchaya. He did not make the substitutions consistently enough, but strived for greater clarity of the text. In two cases, replacements were found that coincided with the Bible of 1663, but were absent from the text of the Ostrog Bible.

Keywords: "The Selection from the Law of Moses"; translations of the Old Testament; Kormchaya; Ostrog Bible

For citation: Belyakova E.V. (2024) "The Selection from the Law of Moses" (Nomos Mosaikos) and Slavic Translations of the Old Testament. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 5, pp. 43–56.

«Избрание от Закона, Богом данного израильтяном Моисеом» (далее ИЗМ) остается, как правило, вне внимания библеистов. Этот памятник представляет собой известную в греческой письменности выборку из Исхода, Чисел, Левита и Второзакония, объединенную в 50 тематических глав. Каждая глава имеет свое название и может включать от 1 до 3 эксцерптов. Греческий текст был опубликован впервые в 1677 г. Ж.Б. Котельером [Cotelerius 1677: I. 1–27]. Научное издание греческого текста и классификация его 39 списков была

представлена в совместной статье Л. Бургманна и Трояноса [Burgmann, Troianos 1979]. Наиболее ранние греческие списки относятся к X в. А. Шминк выдвинул гипотезу о том, что текст был составлен патриархом Фотием в IX в. и был адресован специально славянам [Schminck 2018: II. 261–266]. Однако никаких следов перевода памятника на славянский до XIII в. мы не имеем.

В славянской традиции ИЗМ был включен в состав Сербской редакции Кормчей как 48 глава. Наиболее ранний славянский список памятника находится в Иловицкой Кормчей 1262 г. Перевод ИЗМ делался, по-видимому, в процессе работы над созданием Сербской редакции. Цибранска-Костова, изучая лексику перевода, пришла к выводу, что перевод делался непосредственно с греческого без использования славянских переводов Пятикнижия, однако определенное соотношение с этими переводами имеется [Цибранска-Костова 2016: 140–146].

ИЗМ вошло и в состав датируемой 1282 г. Новгородской Кормчей, которая принадлежит к Ранней русской редакции, возникшей на основе Древнеславянской и Сербской редакций [Шапов 1978: 159–206]. Как показывает исследование, текст ИЗМ подвергся в русской версии редактированию. Первый этап редактирования отражен в рукописях Владимиро-Волынской группы, второй — в рукописях Новгородско-Варсонофьевской группы [Баранкова, Белякова 2020: 28–32]. Общими для этих групп являются следующие особенности в тексте ИЗМ: 1) начиная с 3-й главы названия глав пропущены, далее оставлены только указания на библейские книги; 2) в главах 1, 3, 6, 9 произведены сокращения.

При дальнейшем редактировании, отраженном в Новгородско-Варсонофьевской группе и Мериле Праведном, были произведены сокращения в главах 12, 16, 17, 18, 19, 21–25, 48, 49. Эти сокращения носят иногда не вполне обычный характер: текст не просто опускается, но иногда заменяется на обобщения: «всю ниву или виноград попасет» заменяется на «все попасено будет» (гл. 18 — Исх. 22:5), «юнец или осля» на «скотину» (гл. 19 — Исх. 21:33), «мужа или женоу» на «человека» (гл. 21 — Исх. 21:28). Последовательно проведена в Новгородско-Варсонофьевской группе замена «свидетель» на «послух» в 48 и 49 гл.

Можно ли объяснить эти замены влиянием переводов Восьмикнижия? Необходимо отметить, что переводы славянского Восьмикнижия остаются изученными недостаточно. Только книга Исход издана как в паремийном варианте [Пичхадзе 1998], так и в четьем [Вилкул: 2015]. А.А. Пичхадзе предложила деление списков на три группы: южнославянские списки, русские и промежуточные [Пичхадзе 1996: 11]. В особую группу выделяет Т. Вилкул списки редакции

хронографов. Как показывают исследования, чтения в этих книгах были взаимопроникающими [Вилкул 2015: 5; Желязкова 2016: 226–228].

Наиболее близким по времени и месту происхождения к Новгородскому списку 1282 г. (ГИМ. Син. 132, далее Н) можно считать фрагмент книги Исход в составе Пушкинского сборника XIV в. (РГАДА Ф. 135. Оп. V-1. Ед. хр. 1, **далее — П**). М.Н. Тихомиров ошибочно определил этот текст как ИЗМ [Тихомиров 1961: 16–17]. Но сравнение текстов показывает, что эта выборка из Книги Исход была сделана независимо от ИЗМ. В нее вошли главы из книги Исход 19: 1–9, 20: 1,12, 15, 21–26; 21; 22: 1–28. Перевод Пушкинского сборника близок к переводу «Лаврского пятикнижия» (РГБ. ТСЛ фунд. № 1 — **далее Т**), который относится к «промежуточной» или «хронографической» группе [Вилкул 2015: 14]. Как показывает сопоставление, изменения в составе ИЗМ в списке Н не зависят от этого перевода.

Исх. 21: 28–32.

И. Гл. 21. Аще юн҃ць прободет рогомь моужа или женоу и оумреть, камениемь да побиень будеть юн҃ць тьь, и изѣдетьсе меса его. Г҃нь же его без вины боудеть. <…> Аще же цѣноу избавления наложить на нь, да вдасть избавление за д҃шоу свою. Елико аще наложить на нь. аще сн҃а комоу или дьщерь прободеть по оправданию. семоу да створеть емоу (л. 252).

Н. Аще оунець прободеть чл҃вка и оумреть, каменимь да побьенъ боудеть и изѣдять мяса его. Гс҃нъ же его без винъ боудеть. <…> Аще ли цѣноу избавления наложить на нь, аще сн҃а или дщерь комоу по оправданию семоу, да створять емоу (л. 333а).

П. Аще оубодеть волъ мужа или жену, а умреть, каменьемь да ся побьеть волъ. Да не ядять мяса его А гн҃ъ вола чистъ будеть. <…> Аще ли виру задежють ему и дасть виру за дш҃ю свою, елико задежють ему, аще ли с҃нъ или дещерь оубодеть (л. 91об.).

Т. Аще оубодетъ волъ жену или мужа, ти оумретъ. камениемъ да побьется волъ. И да не ядятъ мяса го. А гн҃ъ вола чистъ да будет. <…> Аще ли виру задежутъ ему, да дасть виру за дш҃у свою, елико задежутъ ему (л. 76).

«Вира» — судебный штраф за убийство, неизвестный другим славянским языкам и часто встречающийся в Русской Правде [Горский 2019: 48–52], тем удивительнее его проникновение в лексику библейских книг.

Появление лексемы «послух» в 48 и 49 главах ИЗМ в Новгородско-Варсонофьевской группе Кормчих нельзя признать случайным, так как оно имелось уже в библейском переводе, распространенном на Руси. При этом редактор не производил других замен в данной главе:

Втор. 17: 6–7.

И. Прѣдь двѣма или трьми свѣдѣтели оумреть хотеи оумрѣти. Не оумреть единомоу свѣдѣтельствоующоу, и роука свѣдѣтель да боудеть на немь прѣжде всѣхь оумрьтвити его, и роука всѣхь люди послѣжде. Измѣте лоукавьство от вась самѣхь (л. 255).

Н. Средѣ двѣма или трьми послоухъ оумреть хотяи оумрети. Не оумреть одиномоу послоушьствоующю, и роука послоухъ боудеть на немь преже всѣхъ, егда оумрети емоу, и роуцѣ всѣхъ люди послѣ же. Измѣте лоукавьство от васъ самѣхъ (л. 336 об).

Т. Пред 2-ма или 3-ми послухи оумреть, оумирая, и да не оумреть единѣмь послухом. Рука же послуха да будеть на немь, первое оубити руки всѣхъ люди послѣжде. Изверьжете злое от себе самѣхъ (л. 146).

Переводчик ИЗМ не употреблял слова «послух». Словарь к Иловицкой Кормчей не составлен, но можно отметить, что «послух» употреблен в 75-м апостольском правиле (И. л. 55об.). Это правило было заимствовано из Древнеславянской редакции, в которой лексема «послух» встречается неоднократно [Максимович 2010: 1.215]. Для древнерусской книжности XIII в. лексема «послух» имела очень важное значение и, вероятно, являлась маркером. Так, в Мериле Праведном (далее — **МП**) есть главы: «О послусѣхъ и о числѣ ихъ» (л. 70об.–80об.), в которых постоянно встречается эта лексема и производные от нее. В эту главу в МП была включена и глава 49 ИЗМ (л. 71об.).

На Руси были распространены и Начальная русская редакция Кормчей, и Сербская Кормчая. Как показывает исследование и приведенные ниже примеры, в составе Кормчих Сербской редакции текст ИЗМ не претерпевал каких-либо редакционных изменений. Кормчая Сербской редакции Даниловского извода была использована при подготовке Печатной Кормчей (далее — **ПК**) [Белякова, Мошкова, Опарина 2017: 187–195]. В состав ПК ИЗМ вошло как глава 45. Памятник был помещен в блок глав, содержащих византийское законодательство. Основным источником для этой части служила Воскресенская Кормчая Даниловской редакции (ГИМ, Воскресенское собр. 28 — **далее В**). Набор делался не прямо с рукописи в 12^0, а текст был сначала переписан и этот список сохранился в архиве Синода (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 548).

На особую редакцию этой главы в ПК впервые обратила внимание Цибранска-Костова в уже упомянутом исследовании. Она отметила, что некоторые изменения в лексике приближают эту главу к переводам библейских книг. Она привела таблицу, в который были сопоставлены 11 эксцерптов из ИЗМ в редакции И, Н, МП и ПК. Исследовательница подчеркнула, что в основе Н и МП лежит пере-

вод И и только в ПК имеется новая редакция текста. Цибранска-Костова выдвинула несколько предположений о происхождении новой редакции в составе ПК: 1) в ПК отразились наслоения, накопленные в текстах за период существования на Руси; 2) для ПК был сделан новый перевод текста; 3) в ПК отразился текст библейского перевода [Цибранска-Костова 2016: 158]. Первую гипотезу нужно отвергнуть, потому что, как уже было отмечено, исследование списков Сербской редакции Кормчей на Руси показывает удивительную устойчивость состава входящих в нее текстов. В Даниловской редакции Сербской Кормчей, хотя состав сборника был значительно расширен, главы из основного состава Сербской Кормчей не редактировались. Но необходимо отметить, что в собрании РГАДА находится еще один список Даниловской редакции (РГАДА. Ф. 181 № 1593 — **далее А**), две маргиналии которого совпадают с чтением ПК, но при этом отличаются от текста в Острожской Библии (**далее О**). Это замена в гл. 24 «за близнеца» на «за таиные уды» (А л. 365), в то время как в О «за лоно» и в 50 гл. «вь локани» на «лукавно» (А л. 368об.) (см. ниже).

Мы проделали сопоставление текстов ИЗМ в ПК, И, В, О и Библией 1663 г. Как неоднократно указывалось, в 1649 г. на Печатном дворе справщиком стал Евфимий Чудовский, и он принимал непосредственное участие в работе над изданием Кормчей, но невозможно доказать, что именно он работал над этой главой. Справщику было необходимо совершить очень трудоемкую работу — определить номера глав библейских книг, из которых были взяты эксцерпты, и поместить их на поле. Трудно даже представить, сколько времени должна была занять у него эта работа: отыскать текст в 3–4 строки в одной из четырех библейских книг. Греческие рукописи не могли ему помочь: в них в тексте ИЗМ указания давались на «зачала». Не мог он пользоваться и печатными изданиями, т. к. первое печатное издание ИЗМ вышло в 1677 г. В руках у справщиков находился Воскресенский список Кормчей, где содержались только указания на названия библейских книг. Итак, на первом этапе справщик отыскивал цитаты в библейских книгах. Скорее всего, справщик имел под руками печатную Острожскую Библию. Найдя текст в Библии, справщик оказался, по-видимому, в непростом положении, т. к. увидел многочисленные расхождения в тексте. При этом библейский текст часто содержал более архаичные лексемы, чем текст в Кормчей. Неизвестный справщик почти не изменил названия глав в ИЗМ, но стал исправлять текст глав по О. Ошибся он один раз в поисках соответствующего текста, в 34 главе, поместив вместо Лев. 20:19 строки из Лев. 18: 12–13.

И. О согрѣшившиимь сь теткою. От Левитика 34. Срамоты сестры о҃ца твоего или мт҃ре твое не открыеши, своиство бо открывша грѣхь понесета (л. 254).

В. О съгрѣшившем с теткою. От Левитика. 34. Срамоты сестры отца твоего или мт҃ре твоеа не открыеши, своиство бо открывша грѣхъ понесета (л. 396об.).

О. Стыдѣния же сестры отца твоего и сестры мт҃ри твоея да не открыеши, оужичьство бо откры грѣхъ отнесутъ (л. 54об.).

ПК. Стыдѣния сестры о҃ца твоего не открыеши, из дому бо о҃ца твоего есть и стыдѣния сестры матере твоея да не открыеши, оужика бо матери ти есть (л. 369об.).

В 42 главе были помещены два эксцерпта: из Исхода (Исх. 22:19) и Левита (Лев. 20:15). Но так как в тексте было указано только «от Левитика», то справщик пропустил часть из Исхода и включил только фрагмент из Левита.

42 гл.

И. О творещихь блоудь сь скотомь. От Левитика. 42 Всакь спеи сь скотиною смрьтию да оумреть. И иже дасть ложе свое вь четврѣногыхь, смрьтию да оумреть и самь, и скотина (л. 254).

В. О творящим блоуд съ скотом. От Левитика 42. Всякъ спяи съ скотиною, смр҃тию оумретъ. И иже аще дасть ложе свое в четвероногыих, смр҃тию оумретъ и сам, и скотина (л. 397об.).

О. (Исх. 22:19) И потомъ всего съ скотом бывающа, смр҃тию оубиета (л. 35об.). (Лев.20:15) И иже аще дасть ложе свое четвероножному, смр҃тию да оумрета, четвероножное да побиется (л. 54об.).

ПК. О творящемъ блоудъ со скотомъ. От Левитика. 42. Иже аще дасть ложе свое четвероножному, смертию да оумретъ, четвероножное же да побиется (л. 370об.).

В главах 32, 33, 37, 38 текст библейского стиха был выписан справщиком до конца, поэтому получились дополнительные по сравнению с И слова:

Гл. 37.

И. О поимшимь дьщерь жены свое. От Левитика 37. Иже аще поиметь женоу и дьщерь ее, безаконие есть. Огнемь да сьжегоуть и того, и тою (л. 254).

В. О поимшимъ дщерь жены своеа. От Левитика 37. Иже аще поимет женоу и дщерь ея, безаконие ес. Огнемъ да съжгоут и того, и тоую (л. 397).

О. И иже аще поиметъ жену и мт҃рь ея, безаконие есть, въ огни да съжгут его и ихъ, и да не будетъ безаконие в васъ (л. 54об.).

ПК. О поимшемъ дщерь съ материю ея. От Левитика. 37. Иже аще поиметъ женоу и матерь ея, беззаконие есть, во огни да сожгоутъ его и ихъ. И да не будетъ беззаконие в васъ (л. 370).

Как мы видим, справщику пришлось изменить и заглавие, так как он увидел несоответствие текста из Библии заглавию. Заглавие было изменено и в 32 главе, так как тексты указывали на разные степени родства:

И. О сотворшимь блоудь сь своею дьщерию или сь вноукою. От Левитика. 32. Срамоты дщере сн҃а твоего или дьщере твое не открыеши.

В. О сотворшем блоуд со своею дщерию или съ вноукою. От Левитика 32. Срамотоу дщере своего с҃на или дщери твоеа не открыеши (л. 396об.).

О. Стыдѣния дщери с҃на твоего, или дщери дщери твоея, да не открыеши стыдѣния ихъ, яко твое стыдѣние есть (л. 53об.).

ПК. О сотворшемъ блоудъ съ своима вноукама. От Левитика 32. Стыдѣния дщере сына своего или дщери дщери твоея, да не открыеши, яко твое стыдѣние есть.

Как видим, здесь редактор воспроизвел текст О без каких-либо изменений. Таких глав немало в редакции ПК: 5,6, 7.1, 7.2, 16.1, 16.2, 17, 33, 37, 38, 40, 43, 49.1, 49.2. Иногда, заменив текст, справщик давал на полях разночтения по И. Больше всего их в гл. 25 к «необѣщанну» (девицу) дано разночтение на поле: «обручену». «Обручена» дано как разночтение в этой же главе и к «совѣщану» (ПК л. 368об.), к выражению «возбраняя возбранитъ» дано разночтение «отрицая отречется», вместо «подругъ» («жену подруга своего») — «ближняго», вместо «обидитъ» — «изнасилитъ». Но только в этой главе печатный лист пестрит разночтениями, в дальнейшем редактор просто оставляет в тексте отдельные слова или словосочетания из редакции И.

В некоторых главах в имевшемся у справщика тексте заменено было только одно слово, напр. в кратких подглавах из Декалога (2.1–10). Так, в 2.1 «от дому работы» (И. л. 249об.; В. л. 390об.) было заменено в соответствии с О (л. 24) на «от дому работнаго» (ПК. л. 363об.). В 2.2 справщик оставил «идола», но заменил «доле» на «низу»:

И. Не створиши себѣ идола ни всякого же подобия, елика соуть на нб҃си горѣ, не елика на земли долѣ, ни елика вь водахь подь землею, не поклониши се имь, ниже послоужиши имь (л. 249об.–250).

В. Не сътвориши себѣ идола ни всякого ж подобиа, елико суть на нб҃си горѣ и елико на земли долѣ, и елика в водах под землею, не поклонишися им, ниж послужиши им (л. 390об.).

О. Ни сътвори себѣ кумира, и всякого подобиа, еже на нб҃си горѣ, и елико на земли низу, и елико въ водахъ и под землею, да ся не поклониши имъ, ни да послужиши имъ (л. 34).

ПК. Не сотвори себѣ идола, и всякого подобиа, еже на нб҃си горѣ, и елико на земли низу, и елико в водахъ и под землею, да ся не поклониши имъ, ни да послоужиши имъ.

В переводе запретов в И. использовано 2 лицо ед. ч., справщик заменяет его на императив, соответствующий О.:

И. 6. Не оубиеши; 7. Прѣлюбы не створиши; 8. Не оукрадеши (л. 250).

В. 6. Не оубиеши. 7. Прелюбы не сътвориши. 8. Не оукрадеши (л. 391).

О. Не оубии; не любодѣи; не укради (л. 34).

ПК. 6 Не оубии. 7. Не любодѣи. 8. Не оукради (л. 363об.).

В 9-й заповеди «не свѣдѣтельствоуеши» заменяется в соответствии с О. на «не послушествоуи».

Как мы уже отмечали, замена «свидѣтель», «свидѣтельствовать» на «послух», «послушествовать» характерна для Новгородско-Варсонофьевской группы. Но в Декалоге редактор Н тем не менее оставил тоже написание, что и в И, так что это изменение, как и другие, происходили в соответствии с О, а не с Новгородско-Варсонофьевской группой, в которой данная заповедь воспроизводится следующим образом: «не сведитель боудеши на ближняго свѣдительства ложна» (Н. л. 330). «Послушествуи» употреблено и в Геннадиевской Библии.

Особенно много замен «свидетеля» на «послух» в 48 и 49 главе, хотя в заглавиях их редактор оставил лексему «свидѣтель».

В. О свидѣтельствѣх и о презрѣниихъ. от Числъ.48. Всякъ поразивыи д҃шю, свидѣтели да оубиютъ оубившаго. И свѣдѣтель единъ не свѣдтельствоуетъ на д҃шю оумрети еи (л. 398).

ПК. О свидѣтелехъ, и о презрѣниихъ, от Числъ, 48. Всякого оубившаго доушю, судия по словесемъ пред послухи да оубиетъ. Послоухъ же единъ да не послоушествует на душю, еже оумрети ей.

К числу глав с минимальными заменами относятся главы 26, 27, 31, 35, 50.1. Но в главах 26, 27, 31 все-таки произошла замена одного слова.

Гл. 27 (*Исх.* 21: 22–23).

В. О женѣ, оударенеи от биющихся,и и извергшеи дѣтище. От Исхода 27. Аще два моужа биета ся и оуразита женоу <u>въ чревѣ имящоу</u>. и изыдетъ младенець еа не изверженъ <u>тщетою отщетится</u> и ако же аще наложит на нь моуж жены тоа вдасть съ тщанием. Аще же въобразилося боудетъ дас д҃шоу за д҃шю (л. 396).

О. Аще бююще два мужи, и оуразита жену <u>не праздну</u>, изыдетъ младенец ея не обличенъ <u>желѣдбою да жьлѣдетъ</u>, яко же задежет мужъ жены с подобою да отдастъ цѣну. Аще ли обличенъ будетъ, да дастъ д҃шу за д҃шу (л. 34об.–35).

ПК. О женѣ оударенньй от биющихся, и извергшей дѣтище. От Исхода 27. Аще два мужа биетася, и оуразита женоу <u>не праздну</u>, и изыдетъ младенецъ ея не воображенъ, <u>тщетою да отщетится</u>. И еже аще наложитъ нань моужь жены тоя, да отдасть цѣну со тщаниемъ. Аще ли вообразился будетъ, да дастъ доушю за душю (л. 369).

Выражение «**желѣдбою да жьлѣдетъ**» не было понятно книжникам. В словаре И.И. Срезневского к словам «желѣдба» и «желѣдва»

(«жалоба, желѣнь, печалование») приводится только этот же пример из книги Исход [Срезневский 1989: 850]. Книжники пытались его переосмыслить, что отражено в южнославянском списке Восьмикнижия XV в. ГИМ собр. Барсова 5: «Аще которается два мужа, и оударита жену не празну и изыдет младенець ея не съврьшен, лѣчбою да лѣкоуют ею, яко же въздвигнутися женѣ съ подбием. Аще ли съвръшен будет младенецъ, да дас дг҃шю за дг҃шю» (л. 62–62об.). Т. е. здесь непонятное выражение было заменено.

В Библии 1663 г. на поле напротив «желѣдбою да жьлѣдетъ» проставлено: «отщѣтением отщетится» (Л. 27 об.). Не может ли это быть влиянием ИЗМ? В гл. 11 (Исх. 22:26) справщик заменил слова «до заходу солнца» (О л. 28) на «до захождения солнца» (ПК л. 365). Это совпадает и с чтением Библии 1663 г. (л. 28), поэтому эту замену нельзя считать случайной.

В ряде случаев перевод отдельных слов и выражений редактор считал в Кормчей более правильными, чем в О.

В гл. 3 он оставляет «тоземецъ» (в И. «тоземльць») вместо «земецъ» О.; в гл. 9 сохранено «мерила праведные», возможно потому, что это словосочетание уже вошло в русскую культуру:

Гл. 9 (Лев. 19: 35–36).

И. О мѣрилѣхь и о ставилѣхь праведныхь. От Леветика 9. Не створите неправды вь соудѣ, вь мѣрилѣхь и вь ставилѣхь, и вь извѣсѣхь. Извѣси праведнии и мѣрила праведна, и прьсть праведна да боудеть (л. 250об.).

В. О мѣрилех и о ставилѣх праведных от Левитика 9. Не створите не правды в судѣ, въ мѣрилѣх, и въ ставилѣх, и въ извѣсѣх. Извѣси правг҃дни и мѣрила првг҃дна и прьсть праведна да боудетъ вамъ (л. 391об.–392).

О. Да не сътворите неправды въ судѣ, въ мѣрилехъ, и въ стоялехъ и въ превѣсех, присно правдивы мѣры и судъ праведенъ да будетъ въ васъ (л. 54–54об.).

ПК. О мѣрилѣхъ и о ставилѣхъ праведныхъ. От Левитика 9. Не сотворите неправды в судѣ в мѣрилѣ и в стоялѣхъ, и в превѣсѣхъ, но правдивы мѣры, и мѣрила праведна, и соудъ праведенъ да боудетъ въ васъ (л. 364об.).

В гл. 10 в И. лексема «наследие» имеется в заглавии и 4 раза употреблена в тексте, что соответствует греческому «κληρονομία». Писец Н поместил маргиналию: «а се о задницѣ» (л. 329), т. е. употребил древнерусский термин, но не стал вносить его в текст, оставив «наследие». О. употребляет термин «причастие» в значении «наследство», что не характерно для древнерусской письменности. Но последовательности в замене лексемы в этой главе в ПК нет.

Гл. 10 (Числ. 27: 6, 8–11).

И. О наслѣдницѣх. От Числь. 10. Реч Гⷭ кь Моисѣови сн҃омь изл҃евомь, вьзг҃леши гл҃е. Чл҃вкь аще оумреть и с҃на не боудеть оу него, да вьземеть наслѣдие его дьщи его. Аще же не будеть оу него дьщере, дасть се наслѣдие его брату его, аще же не будуть оу него братия, дадите наслѣдие его братоу о҃ца его. Аще же не боудеть вь о҃ца его брата, дасть се наслѣдие его ближнемоу от родоу его и от племени его наслѣдить, яже суть его (л. 250об.).

О. Чл҃къ аще умрет и не будет с҃на ему, да възложить причастие его на дщерь его. Аще ли дщери не будет ему, да дасть часть его брату его. Аще ли не будет брата ему, да дасте часть брату отца его. Аще ли не будет брата отца его, да дасть часть оужицы его или ближнему его от племени его причастити я (л. 74–74об.).

ПК. О наслѣдницѣх. От Числъ. 10. (на поле: Чис 27). Рече Гдь къ Моисеови, къ сыновом израилевымъ да речеши гл҃я, человѣкъ аще оумретъ, и сына не боудетъ оу него, да возметъ наслѣдие его дщи его. Аще не боудетъ оу него дщери, да дастъ ся наслѣдие брату его. Аще же не будет оу него брата, да дасте часть брату отца его, аще ли не будет брата отца его, да дасте наслѣдие оужицы его, или ближнему его от племени его причастити я (л. 364об.–365).

В этой главе интересно и то, что в ПК дан архаичный вариант с употреблением лексемы «оужица».

Можно отметить также, что редактор заменяет и слово «оуньць» на «теля» и «волъ» (гл. 15, 19) в соответствии с текстом О. Но в гл. 21, которая имеет то же заглавие, что и в И — «О юнцѣ, прободшем рогом человѣка или вола», редактор ПК 11 раз употребляет слово «волъ», но в конце главы оставляет 3 раза слово «юнецъ» («Юнецъ въ юнца мѣсто», «оумерыи же юнец» л. 367об. в О «волъ в вола мѣсто», «мр҃твыи же волъ»). Это свидетельствует о том, что справщик не пытался последовательно унифицировать лексику.

Очень немного случаев, когда справщик дает вариант, не совпадающий ни с И, ни с О. Вместо «близньц» (гл. 24. Втор. 25:11) («за близньца») (В. л. 395об.) он написал «тайный уд», в то время как в О переведено «лоно». Как было уже отмечено, это исправление имеется как маргиналия в рукописи Кормчей Даниловской редакции из РГАДА.

Сложной для понимания текста была 50 глава (Лев. 19:31, Лев. 20: 6, 27), где говорилось о чревовещателях. В И было переведено как «Не послѣдствоуете въ лъканѣх влъшествоующих» (л. 255), в О — «Да не послѣдуите оутробным баснем» (л. 54об.), в ПК — «Не послѣдствуите лукавно волшествоущимъ» (л. 371об.). Лексема «локань» не была известна в русской письменности, и предложенная в А маргиналия «лукавно (волшествующие)» (л. 368 об.) показалась справщику более понятной, чем «утробные басни».

Таким образом, в ПК, несомненно, не новый перевод, а вполне сознательная работа справщика ПК по «исправлению» текста ИЗМ в соответствии с печатным текстом Библии, известным ему по Острожскому изданию. Справщик не пошел по пути простой замены текста. Это связано с тем, что многие выражения в библейском переводе были более архаичны, чем в Кормчей. Он выбирал тот перевод, который казался ему правильным, оставляя те лексемы и выражения, которые были понятными или уже вошли в русскую культуру. Он не привлекал греческий текст при внесении исправлений. Возможно, что работа над ИЗМ могла оказать влияние на исправление Библии 1663 г.

Работа справщика при подготовке издания ПК показывает, как изменилось отношение к библейскому тексту под влиянием европейских печатных изданий. Уже недостаточно указать библейскую книгу — надо непременно указать главу текста. Кроме того, печатный библейский текст обладал уже большим авторитетом, чем имевшийся в рукописной Кормчей. Справщик стремился к понятности текста. Этот принцип «понятности» очень важен для книжной культуры XVII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баранкова Г.С., Белякова Е.В.* К вопросу о происхождении Кормчей Ранней русской редакции // Славянское и балканское языкознание. Вып. 20. Палеославистика-3. М., 2020. С. 13–29. DOI 10.31168/2658-3372.2020.1.01.
2. *Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М-СПб., 2017.
3. *Вилкул Т.Л.* Книга Исход. Древнеславянский полный (четий) текст по спискам XIV–XVI вв. М., 2015.
4. *Горский А.А.* Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб., 2019.
5. *Желязкова В.* Паримейные чтения в четьих списках Книги Исход // Studia Ceranea. 2016. № 6. С. 225–240.
6. *Максимович К.А.* (сост.) Византийская Синтагма 14 титулов без толкований в древнеболгарском переводе. Славяно-греческий, греческо-славянский и обратный (славянский) словоуказатели // Forschungen zur Byzantinischen Rechtsgeschichte. Frankfurt am Main, 2010. B. 27. Hb. 1.
7. *Пичхадзе А.А.* Из истории четьего текста славянского Восьмикнижия // ТОДРЛ. Т. 49. Л., 1996. С. 10–21.
8. *Пичхадзе А.А.* Книга «Исход» в древнеславянском Паремийнике // Ученые записки российского православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 4. М., 1998. С. 5–60.
9. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Репринтное изд. М., 1989.
10. *Тихомиров М.Н., Милов Л.В.* (ред.) Закон Судный людем пространной и сводной редакции. М., 1961.
11. *Цибранска-Костова М.* Старият завет като юридически източник. София, 2016.
12. *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.
13. *Burgmann L., Troianos Sp.* Nomos Mosaikos // Forschungen zur Byzantinischen Rechtsgeschichte. B. 4. Fontes Minores III. Frankfurt am Main, 1979. S. 126–167.

14. *Cotelerius Johannes Baptista*, ed. Ecclesiae graecae monumenta. Paris, 1677. T. 1.
15. *Schminck A.* Bemerkungen zum sog. «Nomos Mosaikos» // Schminck A. Ausgewählte Schriften zur byzantinischen Rechtsgeschicht e und Kulturgeschte. / Forschungen zur Byzantinischen Rechtsgeschichte. Band 35. Frankfurt am Main, Löwenklau-Gesellschaft, 2018. Teil 2.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

А — Кормчая Даниловского вида Сербской редакции. РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 1593.
В — Воскресенская Кормчая — ГИМ. Воскресенское собр. 28.
И — Иловицкая Кормчая: Законоправило или Номоканон Светога Саве. Иловички препис 1262. Година. Фототипија. / М. Петровић. Дечје Новине, 1991.
МП — Мерило Праведное: Мерило праведное по рукописи XIV века / Издано под наблюдением и со вступительной статьей академика М.Н. Тихомирова. М., 1961.
Н — Новгородско-Синодальная Кормчая. ГИМ. Син. 132, 1282 г.
О — Острожская Библия — Библиа, сиречь книги Ветхаго и Новаго Завета. 1581. Фототипическое переиздание текста с издания 1581 г. М., Л., 1988.
П — Пушкинский сборник. РГАДА Ф. 135. Оп. V-1. Ед. хр. 1.
ПК — Печатная Кормчая — Кормчая. М., 1653.
Т — «Лаврское пятикнижие» РГБ. ТСЛ. Ф. 304 (фунд.) № 1.

REFERENCES

1. Barankova G.S., Belyakova E.V. K voprosu o proiskhozhdenii Kormchej Rannej russkoj redakcii [On the Origin of the Early Russian Version of Kormchaya]. *Slavic and Balkan linguistics. Paleoslavistika-3,* 2020, no. 20, pp. 13–29. (In Russ.)
2. Belyakova E.V., Moshkova L.V., Oparina T.A. Kormchaya kniga: ot rukopisnoj tradicii k pervomu pechatnomu izdaniyu [The Kormchaya Kniga: From the Manuscript Tradition to the First Printed Edition]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnyh initsiativ, 1997. 496 p. (In Russ.)
3. Vilkul T.L. *Kniga Iskhod. Drevneslavyanskij polnyj (chetij) tekst po spiskam XIV–XVI vv.* [Book of Exodus. Ancient Slavic Complete (Chetiy) Text Based on the Lists of the 14th–16th Centuries]. Moscow, Kvadriga, 2015. 366 p. (In Russ.)
4. Gorskij A.A. Russkoe srednevekovoe obshchestvo: istoriko-terminologicheskij spravochnik [Russian Medieval Society: Historical and Terminological Reference Book]. Saint Petersburg, «Izd-vo Olega Abyshko», 2019. 416 p. (In Russ.)
5. Zhelyazkova V. Parimejnye chteniya v chet'ih spiskah Knigi Iskhod [Paroemia Readings in Non-liturgical (Chetiy) Copies of the Book of Exodus]. *Studia Ceranea*. 2016, no. 6, p. 225–240. (In Russ.)
6. Maksimovich K.A. *Vizantijskaya Sintagma 14 titulov bez tolkovanij v drevnebolgarskom perevode. Slavyano-grecheskij, grechesko-slavyanskij i obratnyj (slavyanskij) slovoukazateli* [Byzantine Syntagma of 14 Titles Without Interpretations in the Old Bulgarian Translation. Slavic-Greek, Greek-Slavic and Reverse (Slavic) Word Indicators]. In: Forschungen zur Byzantinischen Rechtsgeschichte. Frankfurt am Main: Löwenklau-Gesellschaft, 2010. B. 27. Hb. 1. Ch. 1. 353 p. (In Russ.)
7. Pichkhadze A.A. Iz istorii chet'ego teksta slavyanskogo Vos'miknizhiya [From the History of the Fourth Text of the Slavic Octateuch]. In: *Proceedings of the Department of Old Russian Literature.* 1996, v. 49, pp. 10–21. (In Russ.)
8. Pichkhadze A.A. Kniga «Iskhod» v drevneslavyanskom Paremijnike [The Book of Exodus in the Old Slavic Paremiynik]. In*: Scientific notes of the Russian Orthodox University ap. John the Evangelist.* 1998, no. 4, pp. 5–60. (In Russ.)

9. Sreznevskij I.I. Slovar' drevnerusskogo yazyka [Dictionary of Old Russian Language]. Moscow, Kniga Publ., 1989. (In Russ.)
10. Tihomirov M.N., Milov L.V. (eds.) *Zakon Sudnyj lyudem prostrannoj i svodnoj redakcii*. Moscow, AN SSSR, 1961. 286 p. (In Russ.)
11. Cibranska-Kostova M. Stariyat zavet kato yuridicheski iztochnik [The Old Testament as a Legal Source]. Sofiya: Valentin Trayanov Publ., 2016. 326 p. (In Bulg.)
12. Shchapov Ya.N. Vizantijskoe i yuzhnoslavyanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv. [Byzantine and Southern Slavic Legal Legacy in Ancient Russia of 11th–13th Centuries]. Moscow, Nauka, 1978. (In Russ.)
13. *Burgmann L., Troianos Sp.* Nomos Mosaikos // Forschungen zur Byzantinischen Rechtsgeschichte. B. 4. Fontes Minores III. Frankfurt am Main, 1979. S. 126–167. (In German)
14. *Cotelerius Johannes Baptista*, ed. Ecclesiae graecae monumenta. Paris, 1677. T. 1. (In Latin)
15. *Schminck A.* Bemerkungen zum sog. «Nomos Mosaikos» // Schminck A. Ausgewählte Schriften zur byzantinischen Rechtsgeschicht e und Kulturgeschte. / Forschungen zur Byzantinischen Rechtsgeschichte. Band 35. Frankfurt am Main, Löwenklau-Gesellschaft, 2018. Teil 2. (In German)

SOURCES OF EXAMPLES

A — Kormchaya Danilovskogo vida Serbskoj redakcii. RGADA, f. 181, op. 1. № 1593.
V — Voskresenskaya Kormchaya — GIM. Voskresenskoe sobr. 28.
I — Ilovickaya Kormchaya: Zakonopravilo ili Nomokanon Svetoga Save. Ilovichki prepis 1262. Godina. Fototipija. / M. Petroviћ. Dechje Novine, 1991. 400+L c.
MP — Merilo Pravednoe: Merilo pravednoe po rukopisi XIV veka / Izdano pod nablyudeniem i so vstupitel'noj stat'ej akademika M.N.Tihomirova. M., 1961.
N — Novgorodsko-Sinodal'naya Kormchaya. GIM. Sin. 132, 1282 g.
O — Ostrozhskaya Bibliya — Biblia, sirech' knigi Vethago i Novago Zaveta. 1581. Fototipicheskoe pereizdanie teksta s izdaniya 1581 g. M., L., 1988.
P — Pushkinskij sbornik. RGADA F. 135. Op. V-1. Ed. hr. 1.
PK — Pechatnaya Kormchaya — Kormchaya. M., 1653.
T — «Lavrskoe pyatiknizhie» RGB. TSL, f. 304 (fund.) № 1.

Поступила в редакцию 28.05.2024
Принята к публикации 27.08.2024
Отредактирована 10.09.2024

Received 28.05.2024
Accepted 27.08.2024
Revised 10.09.2024

ОБ АВТОРЕ

Белякова Елена Владимировна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российский истории РАН; elbel@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena Belyakova — PhD, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; elbel@list.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 57–66
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 5, pp. 57–66

СЕНТЯБРЬСКИЕ ПРАЗДНИКИ И ПАМЯТИ СВЯТЫХ В МЕСЯЦЕСЛОВАХ БИБЛИЙ ОСТРОЖСКОЙ И МОСКОВСКОЙ И ДРУГИХ КИРИЛЛИЧЕСКИХ СТАРОПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЯХ С ЕВАНГЕЛЬСКИМ ТЕКСТОМ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Е. Остапчук

Христианская богословская академия, Варшава, Польша;
j.ostapczuk@chat.edu.pl, jostap@wp.pl

Аннотация: Статья посвящена предварительному исследованию сентябрьских праздников и памятей святых в месяцесловах кириллических старопечатных изданий двух Библий (Острожской и Московской) и семи Новых Заветов, выпущенных до 1663 года. Проведена типологическая классификация присутствующих в них месяцесловов, и исследованные источники разделены на три богослужебные группы. Исследование подтвердило, что в границах анализируемого текста Московская Библия 1663 года является точной перепечаткой Острожской 1581 года. Богослужебная традиция острожских изданий, впервые отраженная в Новом Завете 1580 года, влияла на другие старопечатные издания, выпущенные в Вильнюсе (ок. 1600 года и в 1623 и 1641 годах), Кутейне (в 1652 году) и Киеве (в 1658 году). Богослужебная традиция небогослужебных библейских и новозаветных изданий отличается от традиции, отраженной в напрестольных Евангелиях-тетр.

Ключевые слова: Острожская, Московская Библия; Новый Завет; Евангелие-тетр; сентябрь; праздник; святой

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-5

Для цитирования: *Остапчук Е.* Сентябрьские праздники и памяти святых в месяцесловах Библий Острожской и Московской и других кириллических старопечатных изданиях с евангельским текстом. Предварительные замечания // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. № 5. С. 57–66.

SEPTEMBER'S FEASTS AND SAINTS IN MENOLOGIA OF OSTROG AND MOSCOW BIBLES AND IN OTHER CYRILLIC EARLY PRINTED EDITIONS WITH GOSPEL TEXT. PRELIMINARY REMARKS

J. Ostapczuk

Christian Theological Academy, Warsaw, Poland;
j.ostapczuk@chat.edu.pl, jostap@wp.pl

© Остапчук Е., 2024

Abstract: The article is devoted to preliminary research of feasts and saints present in menologia of Cyrillic early printed editions of two Bibles (Ostrog and Moscow) and seven New Testaments, issued before the year 1663. All menologia present in sources under consideration were typologically classified and all studied editions were divided into three liturgical groups. The present study proved that within the limits of the surveyed text, the Moscow Bible of 1663 is a close reprint of Ostrog one issued in 1581. The liturgical tradition of the Ostrog editions, for the first time reflected in the 1580 New Testament, influenced other early printed editions issued in Vilnius (c.1600 and 1623 and 1641), Kutein (1652) and Kiev (1658). The liturgical tradition of non-liturgical Bibles and New Testament editions differs from the one attested in liturgical Tetraevangelia.

Keywords*:* Ostrog, Moscow Bible; New Testament; Tetraevangelion; September; feast; saint

For citation: Ostapczuk J. (2024) September's Feasts and Saints in Menologia of Ostrog and Moscow Bibles and in Other Cyrillic Early Printed Editions with Gospel Text. Preliminary Remarks. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 5, pp. 57–66.

В славянской рукописной и старопечатной традициях книги, содержащие текст Священного Писания, предназначались для совершения богослужений или частного чтения верующими.

К первой группе принадлежат апракосы и богослужебные тетры. В апракосах евангельский и(ли) апостольский текст, разделенный на богослужебные зачала, был расположен согласно порядку их чтения за богослужениями. В тетрах все евангельские и/или апостольские[1] книги находятся в обычном порядке, а их текст разбит на церковные зачала и снабжен введенными в текст или помещенными на полях богослужебными указаниями. В конце тетров помещался справочный богослужебный аппарат[2], т. е. система указаний, необходимая для поиска соответствующего чтения, или перикопы. Его присутствие в богослужебном типе книги вполне понятно и не подлежит сомнению. Апракосы и богослужебные тетры изготовлялись специально для использования на богослужениях.

Ко второму типу книг принадлежат Новый Завет и Библия [Пентковский 1990: 74]. Учитывая объем текста Священного Писания, они являются более обширными, чем апракосы и тетры. Их использование за богослужениями из-за величины, т. е. размеров и веса — особенно Библии, — было неудобно, например, при совершении

[1] Аналогично для Евангелия-тетр, содержащего четыре (гр. τέτταρα) Благовестные книги, был искусственно создан термин Апостол-тетр (см. [Алексеев 1999]); последний содержал более четырех книг, т. е. Деяния Апостольские и двадцать одно Послание Апостольское.

[2] В нем выделяются две главные части: месяцеслов и синаксарь.

треб, а из-за уставных указаний в зависимости от обряда даже невозможно, например, во время совершения малого входа[3]. Тем не менее, как в рукописных, так и старопечатных Новых Заветах и Библиях в тексте Священного Писания или рядом с ним находятся богослужебные указания (см. [Горский, Невоструев 1964: 143; Пентковский 1990: 77]). Один справочный богослужебный аппарат, сочетающий данные о евангельских и апостольских чтениях, помещался перед или после Апокалипсиса, либо два отдельные — для Евангелия и Апостола — были расположены после соответствующих книг или в самом конце.

Цель настоящей статьи — исследование богослужебной традиции, отраженной в Библии 1663 года, т. е. в старопечатном издании, не предназначенном изначально для совершения богослужений, и его соотношения с другими кириллическими старопечатными изданиями, содержащими евангельский текст и предшествующими Московской Библии, т. е. выпущенными до 1663 года.

Исследование было ограниченно первой частью месяцеслова, т. е. сентябрем, и поэтому может считаться только предварительным. Полученные результаты должны быть подтверждены — они могут быть и опровергнуты — исследованием всех двенадцати частей месяцеслова всех кириллических старопечатных изданий Евангелий-тетр, Нового Завета (выпускаемого иногда с книгой Псалмов) и Библий.

В исследовании были использованы:

– **два** издания **Библии**: Острожской 1581 года и — считавшейся ее перепечаткой [Горский, Невоструев 1964: 159] — Московской 1663 года;

– **семь** изданий **Нового Завета** выпущенных в Остроге в 1580 году, Вильнюсе ок. 1600 года и в 1623 и 1641 годах, Евье в 1611 году, Кутейне в 1652 году и Киеве в 1658 году.

Тем самым изучению подверглись все древнейшие кириллические старопечатные издания Библий и Новых Заветов, выпущенные в разных типографиях до 1663 года. Дополнительно использованы результаты исследования месяцесловов всех 111 кириллических старопечатных богослужебных Евангелий-тетр[4].

[3] Так называемый «малый вход», для которого можно было использовать только Евангелие, имеет место на литургии оглашенных. Иногда он называется еще «вход с Евангелием».

[4] Перечень всех кириллических старопечатных богослужебных Евангелий-тетр см. [Ostapczuk, Dzierżanowska 2023].

В кириллических старопечатных напрестольных Евангелиях-тетр[5], издаваемых специально для совершения богослужений, были выявлены два типа месяцесловов [Ostapczuk 2022]:

– неполный, т. е. содержащий перечень праздников и памятей святых только на избранные дни двенадцати месяцев;

– полный, т. е. содержащий перечень памятей святых и праздников на все дни двенадцати месяцев.

Первый тип месяцеслова присутствует в изданиях богослужебных Евангелий-тетр, выпущенных до 1652 г.[6], и всех львовских[7], а второй — в изданиях, напечатанных после 1652 г. в Москве, Киеве и Почаеве.

Исследование двух указанных изданий **Библии** и семи **Новых Заветов**, считавшихся книгами, предназначенными изначально не для совершения богослужений, а для частного чтения, показало, что во всех них **присутствует исключительно полный месяцеслов**. Это странно, так как для изданий напрестольных Евангелий, выпущенных до 1652 года и предназначенных изначально для совершения богослужений, характерен неполный месяцеслов. В месяцесловах богослужебных Евангелий-тетр указано меньшее количество дней, а значит, святых и праздников, чем в месяцесловах небогослужебных библейских и новозаветных исследуемых изданий.

В Острожской и Московской Библиях в сентябре присутствуют все 30 дней, в которых перечисляется 58 святых[8] и праздников. В московских и виленских изданиях богослужебных Евангелий-тетр, выпущенных в XVI в.[9], указано на 7 дней[10] и 22 почитаний меньше.

Евангельский месяцеслов рукописной Геннадиевской Библии 1499 года, которая считается источником Острожской [Ісаєвич 1983: 105; Пентковский 1990: 79], тоже неполный[11]. На сентябрь в нем

[5] К исследованию желательно в будущем привлечь и все кириллические старопечатные издания богослужебного Апостола.

[6] Клинцовское издание 1786 года является перепечаткой московского 1648 года (см. [Вознесенский 1994: 31 {No 85}; Емельянова 2010: 263–265 {No 169}]).

[7] Во Львове после 1652 года Евангелия-тетр печатались еще шесть раз — в 1665, 1670, 1690, 1704, 1722 и 1743 годах.

[8] Не учитывались указания на группы святых, например, трех (пострадавших вместе с Вавилой Антиохийским) или восьмидесяти четырех младенцев (пострадавших вместе с Вавилой Никомидийским), почитаемых 4 сентября.

[9] Т. е. в изданиях московских, выпущенных в 1553/1554, 1558/1559 и 1563/1564, и виленских, напечатанных в 1575 и 1600 годах (см. [Ostapczuk, Dzierżanowska 2023: 476–478 и указанную там литературу]).

[10] В сентябре отсутствуют следующие дни: 12, 17–19, 21, 25 и 27.

[11] Он был даже назван «очень кратким» [Горский, Невоструев 1964: 145]. Апостольский месяцеслов в Геннадиевской Библии тоже неполный [Горский, Невоструев 1964: 156].

указано на 8 дней[12] и 37 почитаний[13] меньше, чем в Острожской и Московской Библиях.

Трудившиеся в острожской типографии издатели, готовя к изданию полный текст Ветхого и Нового Заветов, соединили два месяцеслова, евангельский и апостольский, разделенные в Геннадиевской Библии[14], в один, сочетающий данные о евангельских и апостольских богослужебных чтениях. Такой евангельско-апостольский месяцеслов был введен в острожское издание Нового Завета (вместе с книгой Псалмов), выпущенное в 1580 году[15].

Подавляющее **большинство** праздников и памятей святых **присутствует** в месяцесловах исследуемых Библий и Новых Заветов, как и во всех богослужебных Евангелиях-тетр. Среди них — на примере сентября — можно указать не только так называемые двунадесятые праздники, например Рождество пресвятой Богородицы (8 сентября) или Воздвижение Честного и Животворящего Креста (14 сентября), но и много других праздников и почитаний святых, например, начало индикта, т. е. нового года (1 сентября), св. Симеона Столпника (1 сентября), св. Маманта (2 сентября), св. Анфима (3 сентября) и т. д.

Исследование сентябрьских почитаний в двух Библиях и семи Новых Заветах показало присутствие в них нескольких памятей, которые не встречаются ни в одном богослужебном издании напрестольного Евангелия-тетр[16]. Среди них:

---

[12] В сентябре отсутствуют следующие дни: 7, 12, 17–19, 21, 25 и 27.

[13] В двух отдельных — для Евангелия и Апостола — месяцесловах в Геннадиевской Библии, которые находятся после Евангелия и Апостола, отсутствуют памяти русских и сербских святых, как и праздник Покрова Пресвятой Богородицы [Горский, Невоструев 1964: 145.156].

[14] См. [Горский, Невоструев 1964: 145, 152].

[15] Евангельско-апостольский месяцеслов был впервые введен в созданный предположительно в 1355 году в Константинополе Чудовский Новый Завет, но среди восточных славян он не получил широкого распространения [Пентковский 1990: 77].

[16] Другие небольшие расхождения в тексте месяцеслова подтверждают выделение исследованных кириллических старопечатных библейских и новозаветных изданий в одну группу, а Евангелий-тетр — во вторую. Как примеры можно указать:

– называние Моисея (4 сентября) *великим* пророком в источниках первой группы (и только двух Евангелиях Михаила Слезки 1644 и 1665 годов) и *святым* пророком — в изданиях второй группы;

– именование праздника 6 сентября «Чудом небесного архистратига Михаила» в источниках первой группы и вспоминанием (или памятью) чуда архангела Михаила (бывшего) в Хонех — в изданиях второй;

– вместо указания евангельского чтения мученику Созонту (7 сентября), что имеет место в изданиях второй группы, в старопечатных библейских и новозаветных изданиях присутствует информация о совершении на литургии службы общей мученикам;

– память трех младенцев, пострадавших вместе с мучеником Вавилой Антиохийским (4 сентября)[17];

– память св. Вавилы Никомидийского и пострадавших с ним 84 младенцев (4 сентября);

– св. мучеников Ермона и Евтихия (4 сентября);

– св. священномученика Симеона, сродника Господня (почитается в неделю после Воздвижения Честного и Животворящего Креста).

Большинство этих памятей очень редко встречается и в рукописных месяцесловах. Св. Вавила Никомидийский с младенцами вспоминается только в 13 из почти 180 исследованных О. Лосевой рукописных восточнославянских Евангелиях и Апостолах XI–XIV веков (см. [Лосева 2001: 146]). Свв. Ермон и Евтихий, а в сущности — свв. Ермония и Евтихия, дочери ап. Филиппа диакона, указаны: первая в трех рукописях, а вторая только в одной исследуемой О. Лосевой (см. [Лосева 2001: 145–146]). Память св. Симеона, сродника Господня, празднуется 27 апреля — согласно студийскому уставу, или 18 сентября — по уставу Великой Церкви в Константинополе. Эти две даты подтверждены многими восточнославянскими рукописными памятниками [см. Лосева 2001: 157, 326]. Помещение памяти св. Симеона под 21 сентября — что характерно для рукописей синайского происхождения — не встречается в славянских источниках [см. Лосева 2001: 158]. Почитание св. Симеона в ближайшую неделю после Воздвижения Честного и Животворящего Креста тоже возможно — на что указывает устав Великой Церкви в Константинополе[18]. Этот факт был подтвержден восемью восточнославянскими месяцесловами XI–XIV веков (см. [Лосева 2001: 154]). Только в месяцеслове одной исследованной О. Лосевой восточнославянской рукописи встречаются все три праздника. Это Апостол, хранящийся в Российской государственной библиотеке, собрание Фад., № 56, датированный нач. XV века (ок. 1417 года). Детальное исследование отно-

– добавление богослужебных указаний только в старопечатных библейских и новозаветных изданиях: в день памяти св. Софии и детей ее, Веры, Надежды и Любови (17 сентября) — «служба празднику и святым», в день памяти преподобного Евмения, епископа Гортинского (18 сентября), — «служба празднику и святому».

[17] В восточнославянских рукописных Евангелиях, датируемых XI–XIV веками, св. Вавила упоминается вместе в тремя младенцами (см. [Лосева 2001: 145]), а в южнославянских необязательно [Дограмаджиева 2010: 65, 217]

[18] Это богослужебное указание может быть связано с ошибкой. К помещаемым после 15 или 16 сентября богослужебным указаниям на субботу и неделю после праздника Воздвижения в случае отсутствия дней 16 и 17 или только 17 память св. Симеона — указана в источнике под 18 сентября — легко могла быть присоединена к неделе после праздника Воздвижения (помещаемой после субботы). Следовательно, полный месяцеслов острожских изданий Нового Завета 1580 года и Библии 1581 года был составлен на основе неполного месяцеслова.

шений памятей в месяцеслове этого рукописного Апостола и в месяцесловах исследованных двух Библий и семи Новых Заветов может дать интересные результаты.

Часть сентябрьских памятей и праздников, наличествующих в двух исследованных Библиях и семи Новых Заветах, в месяцесловы богослужебных изданий напрестольных Евангелий начали попадать позже, т. е. после 1580 года, когда впервые был выпущен Новый Завет (с книгой Псалмов). Среди таких почитаний:

– памяти св. мученика Евдоксия и пострадавших с ним (6 сентября), св. мученика Северьяна Севастийского (9 сентября) и отдание праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста (21 сентября), которые в месяцесловах богослужебных Евангелий-тетр встречаются начиная только с 1653 года; в московских изданиях они последний раз были указаны в 1694 году, а в киевских — в 1759[19];

– памяти св. Автонома (12 сентября), свв. мучениц Софии и трех ее дочерей — Веры, Надежды и Любови (17 сентября), св. Трофима, Савватия и Доримедонта (19 сентября), св. апостола Кодрата (21 сентября), св. мученика Каллистрата и дружины его (27 сентября), которые в месяцесловах богослужебных Евангелий-тетр встречаются начиная только с 1653 года; эти почитания отсутствуют в месяцесловах всех львовских Евангелий-тетр;

– память преподобного Евмения, епископа Гортинского (18 сентября), начала вводиться в московские Евангелия-тетр с 1653 года; она присутствует в месяцесловах всех львовских (начиная с древнейшего издания 1636 года), киевских и почаевских евангельских напрестольных изданиях;

– память преподобной Евфросинии Александрийской (25 сентября), которая в месяцесловах московских Евангелий-тетр встречается начиная уже с 1606 года; она отсутствует во всех виленских и львовских евангельских изданиях.

Богослужебная традиция четырех новозаветных изданий, выпущенных в Вильнюсе в 1623 и 1641 годах, в Кутейне в 1652 году и Киеве в 1658 году, немного отличается от богослужебной традиции, отраженной в двух Библиях — острожской и московской, и трех древнейших Новых Заветах — из Острога в 1580 году, Вильнюса ок. 1600 года и Евье 1611 года. В месяцесловах острожских изданий Библии (1581 года) и Нового Завета (1580 года), как и московской Библии и первого виленского, равно как и евьевского Нового Заветов, отсутствуют следующие праздники и две памяти[20]:

[19] Они отсутствуют в киевских Евангелиях-тетр, изданных в 1733 и 1746 годах.

[20] Другие небольшие расхождения в тексте месяцесловов подтверждают возможность разделения исследованных кириллических старопечатных библейских

– собор пречистой Богородицы в Миасинех (1 сентября)[21],
– память Иисуса Навина (1 сентября)[22],
– успение св. Иоанна Златоуста (14 сентября)[23].

В одном новозаветном издании, выпущенном в Киеве в 1658 году, были подтверждены два почитания, которые отсутствуют в исследованных двух Библиях и всех других Новых Заветах. Это дни памяти убиения св. князя Глеба (5 сентября) и успения Киприана, митрополита киевского (16 сентября). Первая наличествует только в месяцесловах двух киевских напрестольных Евангелий-тетр, выпущенных в 1697 и 1712 годах. Вторая не встречается ни в одном из 111 кириллических старопечатных богослужебных Евангелий-тетр.

Заключение

Это предварительное исследование, ограниченное одной из двенадцати частей месяцесловов двух Библий — острожской и московской, и семи Новых Заветов, напечатанных до 1663 года, с привлечением результатов изучения месяцесловов старопечатных напрестольных Евангелий-тетр, дало интересные результаты. Оно актуализировало необходимость исследования богослужебных указаний, присутствующих в старопечатных изданиях Священного Писания, т. е. Библиях и Новых Заветах, изначально не предназначенных для совершения церковных служб.

Исследование подтвердило, что в границах анализируемого текста Московская Библия 1663 года является точной перепечаткой Острожской 1581 года.

Исследование доказало, что:

– богослужебная традиция Острожской Библии, отраженная в старшем на один год острожском новозаветном издании 1580 года [Пентковский 1990: 79–80], влияла на другие старопечатные издания Новых Заветов, выпущенные в Вильнюсе (ок. 1600 года и в 1623 и 1641 годах), Кутейне (в 1652 году) и Киеве (в 1658 году);

и новозаветных изданий на две вышеуказанные группы. В качестве примеров можно указать название св. Маманта (2 сентября) «гагронским» и добавление в названии памяти св. апостола Кодрата (21 сентября) слов «иже в Магнисии» только в новозаветных изданиях, выпущенных после 1620 года.

[21] Праздник собора пречистой Богородицы в Миасинех присутствует в месяцесловах двух львовских богослужебных Евангелий-тетр 1644 и 1665 годов и в московских изданиях начиная с издания 1685 года.

[22] Память Иисуса Навина присутствует в месяцесловах двух львовских изданий богослужебных Евангелий-тетр, выпущенных в 1644 и 1665 годах, и только в трех московских — 1685, 1688 и 1694 годов.

[23] Праздник успения св. Иоанна Златоустаго присутствует еще в трех киевских Евангелиях-тетр, выпущенных в 1737, 1752 и 1759 годах.

– богослужебная традиция исследованных двух библейских и семи новозаветных изданий, выпущенных до 1663 года, может быть разделена на три главные группы:

а) два издания Острожской и Московской Библий и три Новых Завета, выпущенные в Остроге в 1580 году, в Вильнюсе ок. 1600 года и Евье в 1611 году,

б) два издания из Вильнюса 1623 и 1641 годов и Кутейна 1652 года,

в) киевское издание 1658 года;

– богослужебная традиция библейских и новозаветных исследуемых изданий, изначально не предназначенных для совершения богослужений, заметно отличается от богослужебной традиции, отраженной в напрестольных Евангелиях-тетр того же времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
2. *Вознесенский А.В.* Предварительный список старообрядческих кириллических изданий XVIII века. СПб., 1994.
3. *Горский А., Невоструев К.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел первый: Священное писание (Москва, 1855). Wiesbaden, 1964 (Monumenta Linguae Slavicae Dialcecti Veteris Fontes et Dissertationes, Ed. R. Aitzemüller, J. Matl, L. Sandik, Tom II).
4. *Дограмаджиева Е.* Месецословните четива в славянските ръкописни Евангелия XI–XVII в. София, 2010 (Кирило-Методиевски студии, Кн. 19).
5. *Емельянова Е.А.* Старообрядческие издания кирилловского шрифта конца XVIII — начала XIX в.: Каталог. М., 2010.
6. *Ісаєвич Я. Д.* Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні. Львів, 1983.
7. *Лосева О. В.*, Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.
8. *Ostapczuk J.*, Klasyfikacja typologiczna Menologionów w cyrylickich starych drukach liturgicznych Ewangelii tetr // Н. В. Николаев (отв. ред.). Польза зело великая: сборник научных статей к 60-летию Андрея Владимировича Вознесенского. Санкт-Петербург, 2022. С. 41–48.
9. *Ostapczuk J., Dzierżanowska B.*, Early Printed Editions of Cyrillic Liturgical Tetraevangelia. A Catalogue. Rocznik Teologiczny 2023, 65 (3): 465–514.
10. *Пентковский А.М.* Лекционарные таблицы русских библейских кодексов // А.А. Алексеев (отв. ред.). Острожская Библия: сборник статей. М., 1990. С. 74–80.

REFERENCES

1. Alekseev A.A. *Tekstologia slavianskoi Biblii* [Textology of Slavonic Bible]. Saint Petersburg, Rossiiskaia Akademia Nauk, 1999. 253 p. (In Russ.)
2. Gorskij A., Nevostruev K. *Opisanie slavjanskich rukopisej Moskovskoj sinodal'noj biblioteki* [Description of the Slavic Manuscripts of the Moscow Synodal Library]. Otdel pervyj: Sviashchennoie pisanie (Moskva, Sinodalnaia Tipografia, 1855). Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1964. [2], VIII, 844 p. (Monumenta Linguae Slavicae Dialcecti Veteris Fontes et Dissertationes, Ed. R. Aitzemüller, J. Matl, L. Sandik, Tom II). (In Russ.)

3. Dogramadžieva E. *Mesecoslovnite četiva v slavănskite răkopisi Evangeliaă (XI–XVIII v.).* Sofia, Bălgarska Akademia Naukite, 2010. 552 p. (Kirilo-Metoievski studii, Kn. 19). (In Bulg.)
4. Emel'anova E.A. *Staroobradcheskie izdania kirillovskogo shrifta konca XVIII — nachala XIX v.: Katalog* [Old Believer Editions of the Cyrillic Font of the Late 18th — early 19th Century: A Catalogue]. Moscow, Paskov Dom, 2010. 499 p. (In Russ.)
5. Isaievich Ia. D. *Pershodrukar Ivan Fedorov i vynyknennia drukarstva na Ukraini*. Lviv, Vydavnyctvo pri Lvivskomu Univseriteti, 1975. 156 p. (In Ukr.)
6. Loseva O. V. *Russkie mesiaceslovy XI–XIV vekov* [Russian Menologia of the 11th–14th Centuries]. Moscow, Pamiatniki Istoricheskoi Mysli. 2001. 421 p. (In Russ.)
7. Ostapczuk J. Klasyfikacja typologiczna Menologionów w cyrylickich starych drukach liturgicznych Ewangelii tetr. In: *Pol'za zelo velikaia: sbornik nauchnyh statei k 60-letiu Andreia Vladimirovicha Voznesenskogo*. Sost. N. V. Nikolaiev. Saint Petersburg, Rossiiskaia nacionalnaia biblioteka, 2022. 238 p. (In Polish)
8. Ostapczuk J., Dzierżanowska B. Early Printed Editions of Cyrillic Liturgical Tetraevangelia. A Catalogue. *Rocznik Teologiczny*. 2023, 65 (3), pp. 465–514.
9. Pentkovskij A.M. *Lekcionarnie tablicy russkih bibleiskih kodeksov* [Lectionary Tables of Russian Biblical Codes]. In: Ostrozhskaia Biblia: sbornik statei. Sost. A.A. Alekseev. Moskva, Akademia Nauk SSSR, 1990. 87 p. (In Russ).
10. Voznesenskij A.V. Predvaritelnyi spisok staroobriadcheskih kirillicheskih izdanij XVIII veka [Preliminary List of Old Believers Cyrillic Publications of the 18th Century]. Saint Petersburg, Hronograf, 1994. 78 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 28.05.2024
Принята к публикации 27.08.2024
Отредактирована 11.09.2024

Received 28.05.2024
Accepted 27.08.2024
Revised 11.09.2024

ОБ АВТОРЕ

Ежи Остапчук — доктор теологических наук (doctor habilitatus), профессор, теологический факультет, Христианская теологическая академия в Варшаве; j.ostapczuk@chat.edu.pl; jostap@wp.pl

ABOUT THE AUTHOR

Jerzy Ostapczuk — dr hab., prof. ucz., Faculty of Theology, Christian Theological Academy in Warsaw; j.ostapczuk@chat.edu.pl; jostap@wp.pl

ГЛОССИРОВАНИЕ ИЛИ ВАРИАТИВНОСТЬ: О ПОДХОДАХ ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО И АРСЕНИЯ САТАНОВСКОГО К ПЕРЕВОДУ АТЛАСА БЛАУ

Н.В. Николенкова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; natanik2004@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается одна из особенностей перевода Атласа Блау, выполненного Епифанием Славинецким с латинского языка в 50-х гг. XVII в. В работе показано, как Славинецкий и его соратники отказываются от одного из самых главных принципов своей переводческой работы — широкого использования маргинальных глосс. Такой отказ связан с желанием максимально передать внешний облик латинского оригинала, где на поля вынесены подзаголовки каждой главы. Мы покажем, какой тип глосс использовался переводчиками на начальном этапе работе, а какие оказались отражены в беловых экземплярах, так как, вероятно, книжники считали их наиболее важными. Рассмотрим глоссы, принадлежность которых первоначальному переводу доказывается только из сохранившихся списков одной из частей Атласа — «Ввождения в Космографию». Кроме того, мы проиллюстрируем индивидуально-авторский подход переводчика второго тома, Арсения Сатановского, к глоссированию перевода частей «Галлия» и «Франция», для которого характерно создание лексико-энциклопедических глосс, свидетельствующих о высокой образованности и широком кругозоре этого книжника.

***Ключевые слова*:** Епифаний Славинецкий; Атлас Блау; переводы с латинского; церковнославянский язык XVII в.; лексические глоссы

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-6

Для цитирования: *Николенкова Н.В.* Глоссирование или вариативность: о подходах Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского к переводу Атласа Блау // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 67–76.

© Николенкова Н.В., 2024

GLOSSING OR VARIATION: ON THE APPROACHES OF EPIPHANY SLAVINETSKY AND ARSENY SATANOVSKY TO ATLAS BLAU TRANSLATION

N.V. Nikolenkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; natanik2004@mail.ru

Abstract: The article examines one of the features of the translation of the Blau Atlas made by Epiphanius Slavinetsky from Latin in the 1650s. The work shows how Slavinetsky and his associates abandon one of the most important principles of their translation work — the widespread use of marginal glosses. This refusal is due to the desire to convey as much as possible the appearance of the Latin original, where the subheadings of each chapter are included in the margins. We will show what type of glosses were used by the translators at the initial stage of work, and which ones were reflected in the white copies, since the scribes probably considered them the most important. Let us consider the glosses, the belonging of which to the original translation is proven only by materials from the surviving copies of one of the parts of the Atlas — "Introduction to Cosmography". In addition, we will illustrate the individual author's approach of the translator of the second volume, Arseny Satanovsky, to glossing the translation of the parts "Gaul" and "France", which is characterized by the creation of lexical-encyclopedic glosses, indicating the high education and broad outlook of this scribe.

***Keywords*:** Epiphanius Slavinetsky; Atlas Blau; translations from Latin; Church Slavonic language of the 17th century; lexical glosses

For citation: Nikolenkova N.V. (2024) Glossing or Variation: On the Approaches of Epiphany Slavinetsky and Arseny Satanovsky to Atlas Blau Translation. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 5, pp. 67–76.

В середине XVII в. в Москву попадает изданный в Амстердаме в мастерской знаменитых голландских картографов Виллема и Яна Блау географический атлас *Theatrum orbis terrarium, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum* (1645–1650 гг.); перевод текста осуществляется Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и книжником Исайей. Основная работа велась в 1652–1654 гг.; в Синодальном собрании ГИМ сохранились черновые и беловые экземпляры перевода, в котором отразились как характерные черты Чудовской книжной школы, так и особенности, свойственные только этому труду.

Одной из ярких особенностей работы чудовских книжников является обильное глоссирование, то есть включение микротекста — синонима-толкования какого-либо слова. Большая часть глосс представляет собой «результат подбора наиболее точного смыслового соответствия чтению оригинала, являясь так называемым "адапти-

рующим эквивалентом" при "адаптирующем переводе", когда семы, неактуальные для переводящего языка, заменяются актуальными» [Пентковская 2016: 26–27]. Глоссы разных типов обнаруживаются во всех изученных на сегодняшний день переводах Епифания Славинецкого и его соратников, в том числе в московском издании Библии 1663 г., редактура которой проводилась под руководством Епифания.

Вариативность в подходе к переводу с латинского языка представлена уже в одном из самых ранних трудов Епифания (в соавторстве с Арсением Сатановским), которым стал **Лεѯiконъ латински(й) ꙁ Калепина преложе(н)ны(й), на славенски(й) лѣта ѿ со(ꙁ)данiя мира ≠ꙁрн҃** [Німчук 1973]. Уже на первой его странице из 38 слов только 13 имеют соответствия с одним вариантом перевода (ЛСлЛ, 61). Таким образом, множество лексем латинского оригинала могли иметь вариативные глоссы (произвольники), не исключалось появление лексикографических глосс, глосс-латинизмов и глосс-грецизмов.

Начиная работать над переводом Атласа, Славинецкий и Сатановский обильно глоссируют текст. Автограф черновика начальной части Атласа до нас не дошел, но он сохранился в нескольких списках второй половины XVII в.[1], сопоставление которых с беловиком (рукопись Син. 19 из собрания ОР ГИМ) однозначно говорит в пользу данной гипотезы. Так, во всех сохранившихся списках предложены варианты к первому слову названия, данного в беловике: **Позорище всем вселенным или Атласъ новый въ немже начертанiа и wписанiа всѣх странъ издана сѵ̑ть** (в списках Q.XVII.6 (РНБ), Син. 642 (ГИМ) к **позорище** предложены произвольники **позра́чище**, **зрѣлище**, **ꙁерца́ло**; в Q.XVII.31 (РНБ) **ꙁерца́ло** вынесено в заголовок, добавлена глосса-латинизм **театрѵ̑**^{м}; причем для последнего слова это всего второй из отмеченных в XVII в. примеров использования, более поздний был зафиксирован в переводе Космографии 1670 г. («поставил [царь] театрумъ, то есть каменное зѣло высокое здание со многими теремы, для всяких комеди, то есть дѣйственных потѣх», в значении 'театр как место') [СлРЯ XI-XVII, 29: 261]). В нашем случае используется форма, восходящая к устойчивому *teatrum orbis terrarium* как 'мировое поприще, весь мир' [ЛРС: 770].

В листе-заглавии беловика Син. 19 книжники от глоссирования отказались, существенно уменьшено число маргинальных глосс на первых листах введения («Вхождения в Космографию»), далее они полностью исчезают с полей беловика. Причиной такого решения

[1] История перевода Атласа Блау подробно изложена в наших работах об этом памятнике книжности: https://istina.msu.ru/workers/2758216/?ysclid=ltl5f0jjbi129908783.

мы считаем форму оригинала Атласа Блау — латинский текст содержит огромное число записей на полях. Таким образом выделяются разделы глав, то есть идет навигация по содержанию. Н.А. Казакова назвала эти подглавки «фонариками» [Казакова 1987: 166]. На первом листе первой главы Introductio таких навигационных ссылок подряд четыре, в небольшой 5-й главе — сразу девять. Увеличение их числа вынесением маргинальных глосс усложнило бы чтение текста; кроме того, было бы потеряно внешнее сходство латинского издания и церковнославянского перевода. Славинецкий и Сатановский вместе с основным писцом беловика Син. 19 принимают решение отказаться от маргинальных глосс еще потому, что лишены возможности графически разделить с высокой степенью точности название раздела и глоссу. В результате данного решения на полях главы 1 Син. 19 мы встречаем только 5 глосс, тогда как в списках их число выше: в Q.XVII.31 (РНБ) мы насчитали 30 глосс разного рода, в том числе, например, буквенную замену **мат**{**ѳ**}**ематики**. Все сохраняемые писцом беловика глоссы — произвольники, глоссы лексикографического типа; грамматические отсутствуют, так как писец беловика уверен в грамматических знаниях переводчиков.

Сохраняемой во всех списках глоссой-грецизмом будет названная еще А.И. Соболевским **ѡ срѣдѣ Міра → кентрѣ** (Син. 19, л. 1; в рукописи РГБ ф. 722 № 315 на л. 6 ошибочно **шкéтров**; как часто бывает в списках, автор этой рукописи не понял, к какому слову основного текста отнесена глосса, да и слово переписал с ошибками). Общей будет глосса на л. 1об. Син. 19: **имже движéніемъ день иноць Востóкъ и Зáпадъ** {**вхо**^{д} **изахо**^{д}} **звѣздъ очесам**^{и} **нáшимъ ви́дима явлм́ются** (Q.XVII.31, л. 2; РГБ № 315, л. 7об.).

Глоссирование в самом начале перевода ВВК может быть связано с первоначальным колебанием в передаче латинской лексемы; в итоге переводчик оставляет один из двух вариантов. Так, в первом же предложении главы 1 читаем: *Mundum*, quo omne id quod oculis conspicuum est, nempe cœlum & Terra, comprehenditur, Græci dixere κόσμον → **Свѣтъ** {***міръ***}, **имже все то, еже очесы зри́мо есть, си́рѣчь Нб̃о и землѧ, Грéки нарекóша** κόσμον (Син. 19, 1; то же во всех списках, кроме Q.XVII.6). Первоначальный выбор лексемы является регионализмом [Ганич, Олійник 1990: 490; Sondel 1997: 643]; в Лексиконе Памвы Берынды эта пара иллюстрируется словарной статьей «**міръ**: **Свѣтъ, илѝ сéй свѣтъ**» [Німчук 1961: 64]. Вариант ***міръ*** для перевода *mundus, i* далее становится основным; регионализм зафиксирован еще один раз: Omnes autem illæ sphæræ simul intra 24 horas circa polos & axem *Mundi* circumvolvuntur → **Всѝ же оны Крꙋ́зи**

кѹпнw в҃ к҃д часа̀ окрестъ Поліовъ и Оси свѣ́та wбтека́ютъ (Син. 19, 1об.); глоссы ни в одном из списков нет.

Регионализм фиксируется также в перечислении зодиакальных знаков в главе 3 «**Ѡ четырехъ кр҃гах҃ болшихъ**». Перевод Славинецкого несколько отличен от традиционного в памятниках XV–XVI вв., где знак Libra передавался как **гаремь**/ **вѣсы** [Николенкова 2016: 134–135]. В Атласе отмечен вариант **вага** (Син. 19, 3); в польском Libra, -æ → waga [Sondel 1997: 576]; в списках эта лексема может оказаться маргинальной глоссой, а в сам перечень попадает **вѣсы** (Q,XVII.31, 4; в Q,XVII.36, 16об. — только **вѣсы**, глоссы нет); может быть и наоборот — **вѣсы** глоссирует **вага** (РГБ № 315, 12об.).

Есть случаи, когда регионализму соответствует глосса-грецизм: **Топографіею же собственное и частное wписаніе частей Хорографіи**: **такоже есть града нѣкоегw, села, града, *вежи*, или иныѫ частицы** (Син. 19, л.1) ← aut per Topographium vero propria & particularis description partium Chorographiæ, ut Urbis cujusdam, Pagi, Arcis, *Turris*, aut alterius particulæ (Introd.). В беловике оставлен лишь вариант ***вежи***, в списках лексема глоссируется грецизмом **пи́рги** (№ 315 л. 6; Q.XVII.31 л. 1об.), введение которого в книжный язык принадлежит авторству Епифания Славинецкого.

Результатом отказа от маргинальных глосс становится решение о внесении толкований непосредственно в основной текст в виде внутритекстовых глосс. Способ внесения подсказан уже в названии (Theatrum orbis terrarium, *sive* Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum), в переводе используется союз **или** в пояснительном значении ‘то есть’. В грамматике латинского языка sive входит в conjunctiones disjunctivae и ставится (наряду с vel) между понятиями однозначащими, но различными лишь по названию [Соболевский 2009: 380]. В заглавии Атласа Блау такими однозначными оказываются лексемы Theatrum и Atlas, в переводе **позорище** и **Атласъ**. Второе фиксируется в СлРЯ XI–XVII только в значении ‘ткань’ [СлРЯ XI–XVII, 1: 57]; как ‘собрание карт’ встречается позже, в письмах и бумагах Петра I за 1700 г. («изволь съ первою посылкою прислать ко мнѣ атласъ» [СлРЯ XI–XVII, 27: 230]. Славинецкий подбирает в качестве аналога этой лексеме «ученый» церковнославянизм, расшифровка значения которого требует высокой образованности от читателя. Кроме значения ‘зрелище’ у **позорище** отмечено значение ‘сборище, собрание’, например в Изборнике 1076 года: «*позориштю же вьсея вьселеныя* прѣстояштю» [СлРЯ XI–XVII, 16: 124][2]. Если при-

[2] «καὶ τοῦ *θεάτρου* παρόντος τῆς οἰκουμένης»; это фрагмент из гомилий Иоанна Златоуста (На Послание к римлянам, беседа 15). Беседы на Послания св. апостола Павла, напечатанные в типографии Киево-Печерской лавры в 1623 г., были

нять такую дефиницию, то равнозначность двух соединенных «или» понятий очевидна.

В латинском оригинале достаточно много примеров, где какое-либо название сопровождается вариантом-уточнением, демонстрирующим, что один и тот же объект может иметь различные номинации: Tertia Magellanica, *sive* terra Australis & Incognaa dicta (Orbis terrarum 1a) → **Трéтіѧ Магеллáнскаѧ**, ***или*** **землѧ Полýденнаѧ и невѣ́дома нарече́нна** (Син. 19, 8об.); Ad Arctoam *sive* Borealem mundi partem referri possunt (Orbis terrarum 1b) → **Къ Сѣ́верноu *или*** **Бореи́скоu Міра ча́сти ѿносити́сѧ могýтъ** (Син. 19, 9); Hyperboreum, & Cronium, & Concretum *sive* Glaciale, ac Pigrum dictum (Orbis terrarum 1c) → **Гіпервореи́ское, и Кроніи́ское, и Хлáдное *или*** **лдовáтое, и лѣнúвое нарече́нно** (9об.).

По аналогии переводчики вводят такой же способ уточняющей информации (внутритекстовых глосс) без опоры на латинский источник: ORBIS TERRARUM (Orbis terrarum 1a) → **КРЎГЪ ЗѢМНЫЙ ИЛИ ВСЕЛЕННАѦ** (8об); Arctoa (Orbis terrarum 1b) → **Арктоа, илѝ Сѣ́веръ** (9); Bengalensis sinus (Orbis terrarum 1c) → **Бангаленское нѣ́дро, илѝ розли**^{в} (9об). Иногда Славинецкий предлагает перевод топонима: Superato promontorio Bonæ spei occurrit Oceanus Æthiopicus, inde Atlanticus ad Hispaniæ usque promontorim Artabrum, vulgo Cabo de Roca (Orbis terrarum 1c) → **Прешéдшýже го́рЎ надморскýю Бонеспе́и, *или*** **бл҃гіѧ наде́жды в҃пЎтше́ствЎеми Окіанъ Ѳѳіопскіи, ѿтЎдЎ Атлантіцкіи даже догіспáнскіѧ надморскіѧ горы́ Артáбра, обще Капо де рока** (9об.).

Однако уже в следующих главах и далее во всем массиве перевода от внутритекстовых глосс переводчики отказываются. Вариативность продолжает сохраняться, для одной и той же латинской лексемы в разных главах предлагаются, к примеру, транслитерация или перевод, но соотносимыми с помощью глосс эти слова не будут. К примеру, в переводе Славинецкого может сохраниться заимствование: **Послѣ́дýютъ абіе къвостóкЎ, мóре Серское, Хине́нское, и глЎбóкость мóрѧ Гіппадскагѡ, обцеже *Архіпелагъ* ст҃а́гѡ Лáзара** (Син. 19, 9об.) ← Sequuntur mox ad Orientem, Mare Sericum, Chinense, & pelagus Hippadis, vulgo *Archipelagus* S. Lazari (Orbis tterrarium 1c). Сатановский во 2-м томе предлагает авторский композит: **Ктомý толи́кими вездѣ́ островы́ покраплѧетсѧ мóре, ꙗкѡ *Морена́лникъ* бы́ти ви́дитсѧ, и островвъ мíръ** (Син. 112, 182об.) ← Prætetea tot passim Insulis conspergitur mare, ut *Archipelagus* esse videatur, & Insu-

хорошо знакомы книжниками круга Епифания и использованы, например, при подготовке перевода Нового Завета [Пентковская 2017].

larum mundus (2a); при этом использует редкую, но возможную для чудовских книжников перестановку корней.

Славинецкий тоже предлагает либо оставить заимствование с начальным archi-: **высоча́ишемѹ Царства Свє́дскагѡ *Архітектѹ*** (Син. 19, 38об) ← supermum Regni Sueciæ *Architectum* (Gothia 14d); либо создать кальку: **Граж҃дане навсѧ́къ дє́нь бо́лее и бо́лее здан҃іѧ своѧ попро́писа *началозда́тельства* назида́ютъ** (Син. 19, 90об.) ← Cives indies magis magisque ædisicia sua ex præscripto *Architecturæ* exstruunt (Glogaw 11a).

Таким образом, вариативность в переводе сохраняется, но не оформляется; читатель XVII в. мог обнаружить ее только при знании классических языков и при привлечении латинского источника.

Глоссы энциклопедического характера, которые, как нам представляется, могли использоваться в начале работы над текстом, почти не сохранились в беловике. Приведем один из немногих примеров: Quia enim rotunda est Terræ (in planis scilicet locis) marisque superficies; oculus super eam elevatus, non plus spatii potest comprehendere, quàm rectæ quæ ad contactum globi unique ex oculo egrediuntur, abscindunt: prout notum est & exploratum omnibus in disciplinis *Opticis* vel leviter modò exercitatis (Introd. ad cosmogr.) → **Є҆лма́вш окрѹгло є҆сть зємлѝ [пач҆е́же напло́скихъ мѣ́стахъ] и мо́рѧ нали́чіе; ꙗкѡ нан҆е́гѡ возд҆вижє́нии, невѧщше мѣ́ста мо́жетъ wсѧгнѹ́ти, па́че еликѡ лѹ́чи зри́тельныѧ к҆́прикосновє́нію кр҆ѹга ѿ оч҆е́съ исходѧ́щіѧ, ѿс҆ѣка́ютъ, ꙗкѡже вѣ́домо є҆сть к҆́искѹшє́ннѡ всѣмъ воѹч҆е́ніихъ *оптічскихъ* {си́рѣчь, еже *трѹ́бкою зрителною* назе҆млѝ ив҆мо́ри зрѣ́ти}, ащє и ма́ла wбѹч҆е́ннымъ** (Син.19, 4). Интерес в данном случае представляет и глосса, и само прилагательное, так как традиция изучения лексики относит появление термина «оптика, оптический» и словосочетания «труб(к)а зрительная» к середине XVIII в., языку М.В. Ломоносова, тогда как наш перевод почти на 100 лет старше.

Доказательством большего использования глосс в начале работы над переводом будет начальная треть беловика Син. 112, переведенная Сатановским и переписанная неизвестным югозападнорусским книжником. Этот книжник неточно понимает общие принципы работы над беловыми экземплярами, поэтому сохраняет в своем фрагменте значительное число глосс, в первую очередь лексикографического характера. Так, он объясняет латинское *Coenobia* (глава Francia) → **Киновіѧ** {**wбщежилища име́ ѯ҃ѳ҃ имы**} (14об.).; *Archimagirus* → **Архимагиръ** {**сирѣчь началствовалникъ**} (8об.).

Приведем пример толкования глоссы-грецизма, использованной для замены латинизма оригинала: Universitas quamdam *galeri* speciem exhibere videtur, quo caput tantae urbis quasi tegatur & ornetur» (Fran-

cia 5c) → **Соборство нѣкіи *Камелаки* {Камелаки сирѣчь *шапки*} wбразъ показáти видѝтсѧ, еже глава̀ толи́каго града, аже прокриваéтсѧ, и ꙋдобрѧéтсѧ** (Син. 112, 14). В латинском тексте, по-видимому, использована метафора: *galerus, i* ('меховая шапка, парик') здесь имеет значение 'купол'. На наш взгляд, речь идет о воздвигнутом в 1642 г. над церковью университета (Сорбонны) барочном куполе, оказавшемся некоей доминантой над городом Парижем; на картах Парижа начала XVII в. видно, что город имеет ровный ландшафт, возвышаются лишь шпили готических соборов, купол выделился на этом фоне. Любопытно, что оба ученых книжника не знают, по всей видимости, понятия «университет»[3], переводят группу однокоренных слов следующим образом: «univers(us), собо(р)ни(й), всякъ, wбщи(й); universe, universim, соборнѣ; universitas, соборъ; universalis, соборни(й), wбщи(й)» [Німчук 1973: 417].

В этой части сохранилось несколько энциклопедических глосс, например объяснение способа посадки деревьев: Vallium laudatissima ea est, quam Querimont vocant, arboribus, longe lateque in quincuncem dispositis, consita, ambulantium recessus ordinarius (13a) → **Ꙋдоліамы хвалѧнѣишаѧ сіа естъ, юже Кверимонтъ нарѣчꙋ, древесы̀ многомѣстнѣ въ шатоꙋггіе {шатоꙋггіе въ дре́вы̀ есть егда третее дре́во двою ра́ны̀ wстоѧніемъ противꙋ са́жденo сицевъ wбра́зꙋ ꙋ изобразꙋю} съчине́нними наса́жде́на, ходѧщыхъ wшє̀ствіе чино́ное** (Син. 112, 32об.).

Мы полагаем, что сначала переводчики следовали традиционной для себя стратегии, предлагая варианты перевода и объясняя непонятные лексемы. Такой характер работы предполагал использование маргинальных глосс, однако, как отмечено, этому мешали технические условия — облик латинского оригинала. Поэтому сначала переводчики перешли к использованию внутритекстовых глосс, но в результате отказываются и от них. Скорее всего, помешал этому и большой объем Атласа Блау.

[3] Вхождение слова «университет» в русский язык связывают с серединой XVIII в. и организацией первого русского университета. НКРЯ первым употреблением считает «Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах» (В.Н. Татищев, 1733): «в Англии первую коллегию, или университет, в Оксфорте в 872 году учреждением короля Альфреда получила». Полагаем, что перевод лат. universitas, atis, а не ввод заимствования «университет» (при частотном «академия») говорит об отсутствии у киевских книжников представления о характере этого учебного заведения. А значит, мы, вероятно, можем исключить высказываемое многими предположение, что Славинецкий и Сатановский учились в каком-либо университете Западной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ганич Д.І., Олійник І.С.* Російсько-український і українсько-російський словник. Київ, 1990.
2. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 2003.
3. *Казакова Н.А.* Русский перевод XVII в. труда Блау «Theatrum orbis terrarium sive Atlas novus» // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 17. 1987. С. 161–178.
4. *Николенкова Н.В.* Русская географическая терминология во «Ввождении в Космографию»: Лингвистический аспект // Историческая география. Том 3. М., 2016. С. 108–145.
5. *Німчук В.В.* Лексикони Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського / Підготував до видання В. Німчук. Київ, 1973.
6. *Німчук В.В.* Лексикон словеноросьский Памви Беринди / Підготовка тексту і вступна стаття В.В. Німчука. Київ, 1961.
7. *Пентковская Т.В.* Адаптирующие глоссы в поздних церковнославянских переводах с греческого // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2016. № 1. С. 26–45.
8. *Пентковская Т. В.* Беседы Иоанна Златоуста на Деяния и Послания апостольские как источники перевода Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2017. № 6. С. 7–31.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975 — наст. время.
10. *Соболевский С.И.* Грамматика латинского языка. СПб., 2009.
11. *Sondel J.* Słownik łacinsko-polsski dla prawników i histotyków. Kraków, 1997.

REFERENCES

1. Ganich D.I., Olijnik I.S. *Rosijs'sko-ukrains'kij i ukrains'ko-rosijs'kij slovnik* [Russian-Ukrainian and Ukrainian-Russian Dictionary]. Kyiv, 1990. (In Ukr.)
2. Dvoreckij I.H. *Latinsko-russkij slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow, 2003. (In Russ.)
3. Kazakova N.A. Russkij perevod XVII v. truda Blau «Theatrum orbis terrarium sive Atlas novus» [Church Slavonic Translation of the Atlas Blaeu: Unresolved Issues]. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*, 1987, no. 17, pp. 161–178. (In Russ.)
4. Nikolenkova N.V. Russkaya geograficheskaya terminologiya vo «Vvozhdenii v Kosmografiyu»: Lingvisticheskij aspekt // [Russian Geographical Terminology in "Introduction to Cosmography": Linguistic Aspect]. *Istoricheskaya geografiya*. B. 3, Moscow, 2016, pp. 108–145. (In Russ.)
5. Nimchuk V.V. *Leksikony Ye. Slavynets'koho ta A. Korets'koho-Satanovs'koho* [Lexicons by E. Slavinetsky and A. Koretsky-Satanovsky]. Pidhotuvav do vydannya V. Nimchuk. Kyiv, 1973. (In Ukr.)
6. Nimchuk V.V. *Leksikon slovenoros'skij Pamvi Berindi* [Slovenian Lexicon Pamvi Berindi]. Pidgotovka tekstu i vstupna stattya V.V.Nimchuka. Kyiv, 1961. (In Ukr.)
7. Pentkovskaya T.V. Adaptiruyushchie glossy v pozdnih cerkovnoslavyanskih perevodah s grecheskogo [Adapting Glosses in Later Church Slavonic Translations from Greek]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 9: Filologiya, 2016, no. 1, pp. 26–45. (In Russ.)
8. Pentkovskaya T.V. Besedy Ioanna Zlatousta na Deyaniya i Poslaniya apostol'skie kak istochniki perevoda Novogo Zaveta knizhnogo kruga Epifaniya Slavineckogo [Conversations of John Chrysostom on the Acts and Epistles of the Apostles as Sources for the Translation of the New Testament of the Book Circle of Epiphanius Slavi-

netsky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 9: Filologiya, 2017, no. 6, pp. 7–31. (In Russ.)
9. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language 11-17 centuries.]. M., 1975 — nast. vremya. (In Russ.)
10. Sobolevskij S.I. *Grammatika latinskogo yazyka* [Latin Grammar]. Saint Petersburg, 2009. (In Russ.)
11. Sondel J. *Słownik łacinsko-polsski dla prawników i histotyków*. Kraków, 1997. (In Pol.)

Поступила в редакцию 28.05.2024
Принята к публикации 27.08.2024
Отредактирована 11.09.2024

Received 28.05.2024
Accepted 27.08.2024
Revised 11.09.2024

ОБ АВТОРЕ

Николенкова Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; natanik2004@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia Nikolenkova — Associate Professor; Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; natanik2004@mail.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 77–93
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 5, pp. 77–93

ЦИТАТЫ ИЗ ПСАЛТЫРИ В «ПОСЛАНИИ К МАРКЕЛЛИНУ ОБ ИСТОЛКОВАНИИ ПСАЛМОВ» АФАНАСИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО В ПЕРЕВОДЕ ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО

И.В. Вернер

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; inna.verner@mail.ru

Аннотация: Многочисленные цитаты из псалмов в «Послании к Маркеллину», впервые переведенном на церковнославянский язык с латинского Епифанием Славинецким, представляют интерес как с точки зрения потенциальных славянских источников перевода, так и в отношении механизма цитирования библейского текста. Текстологический анализ цитат не подтверждает высказанную в научной литературе версию о наличии у Славинецкого не дошедшего до нас раннего болгарского перевода сочинения Афанасия Александрийского. Большинство псалтырных цитат наиболее близки к чтениям четвертой редакции Псалтыри, а часть из них демонстрирует очевидную связь с историей справы библейских книг в середине XVII в. В статье показано, что единичные чтения ранних редакций Псалтыри в переводе Епифания связаны не с потенциальным древним переводом, но с различием псалмов, функционировавших в составе Псалтыри и в иных служебных текстах (Минее, Октоихе, Триоди, Ирмологии). Поскольку текст Псалтыри целиком прочитывается за богослужением, именно литургическое посредство оказывается основным фактором, определяющим механизм цитирования псалмов как в славянском средневековье, так и в раннее Новое время. Отклонения от стандартного текста Псалтыри в «Послании к Маркеллину» связаны с воспроизведением псалмов по «словесной памяти» церковной службы, в которой был задействован также феномен семантико-синтаксического параллелизма — повторяемости синтагм, стихов и строф библейского текста. В статье проанализированы примеры влияния на воспроизведение цитат как внутреннего параллелизма Псалтыри, так и параллелизма внешнего, интертекстуального, связанного со взаимодействием разных служебных текстов. Влияние латинского источника и индивидуальных языковых предпочтений переводчика на облик цитат при этом оказывается несопоставимо малым.

Ключевые слова: цитаты; редакции церковнославянской Псалтыри; переводы с латыни; Епифаний Славинецкий

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-7

Для цитирования: *Вернер И.В.* Цитаты из Псалтыри в «Послании к Маркеллину об истолковании псалмов» Афанасия Александрийского в переводе Епифания Славинецкого // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 77–93.

© Вернер И.В., 2024

QUOTATIONES FROM THE PSALTER IN THE "EPISTLE TO MARCELLINUS ON THE INTERPRETATION OF THE PSALMS" BY ST. ATHANASIUS IN THE EPIPHANIUS SLAVINETSKY'S TRANSLATION

I.V. Verner

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; inna.verner@mail.ru

Abstract: Numerous quotations from the psalms in the "Epistle to Marcellinus", first translated from Latin into Church Slavonic by Epiphanius Slavinetsky, are of interest both from the point of view of potential Slavic sources of translation and in relation to the mechanism of quoting the biblical text. Textual analysis of the quotations does not confirm the scholarly hypothesis that Slavinetsky had in his disposal an early Bulgarian translation of the work of Athanasius of Alexandria that has not reached us. Most of the Psalter quotations are close parallels to the readings of the fourth edition of the Psalter, and some of them demonstrate an obvious connection with the history of biblical books correction in the mid-17th century. The article shows that single readings of the early editions of the Psalter in Epiphanius's translation are associated not with a potential ancient translation, but with the difference between the psalms that functioned as part of the Psalter and as part of other liturgical texts (Menaion, Oktoehos, Triodion, Hirmologion). Since the text of the Psalter is read in its entirety during the liturgy, it is the liturgical medium that turns out to be the main factor determining the mechanism of psalms quotation both in the Slavic Middle Ages and in Early Modern times. Deviations from the standard text of the Psalter in the "Epistle to Marcellinus" are associated with the reproduction of the psalms from the "verbal memory" of the church service, which also involved the phenomenon of semantic-syntactic parallelism — the repetition of syntagmas, verses and stanzas of the biblical text. The article analyzes examples of the double influence on the reproduction of quotations. It comprises both internal parallelism of the Psalter and external, intertextual parallelism associated with the interaction of different liturgical texts. The influence of the Latin source and the individual language preferences of the translator on the appearance of quotations turns out to be incomparably small.

Keywords: quotations; Church Slavonic Versions of the Book of Psalms; translations from Latin; Epiphanius Slavinetsky

For citation: Verner I.V. (2024) Quotations from the Psalter in the "Epistle to Marcellinus on the Interpretation of the Psalms" by St. Athanasius in the Epiphanius Slavinetsky's Translation. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 5, pp. 77–93.

«Послание к Маркеллину об истолковании псалмов» (далее Послание), будучи одним из пяти переведенных Епифанием Славинецким текстов Афанасия Александрийского и единственным

среди них подлинным сочинением Афанасия, впервые было напечатано в изданной в Москве в 1649 г. Псалтыри с восследованием[1]. В Псалтыри 1652 г. оно было издано еще раз, а затем вошло в Московскую Библию 1663 г. В последней Послание стало единственным парабиблейским текстом, размещенным непосредственно перед Псалтырью, отдельно от большого блока паратекстов, открывающих издание. Это расположение Послание сохранило и в Елизаветинской Библии 1751 г., однако в последней текст был существенно отредактирован.

За пределами изданий Московского Печатного двора перевод Славинецкого также имел до сих пор не исследованную историю в рукописных и печатных текстах. Известно, что в XVIII в. Послание неоднократно воспроизводилось в старообрядческих изданиях Псалтыри с восследованием [Литвиненко, Грицевская 2017: 20–21]. Рукопись РГБ, ф. 173.IV № 86 содержит Послание вместе с частью других предисловных статей Псалтыри. Краткие извлечения из Послания были обнаружены нами также в сборнике статей о символах веры, принадлежащих Евфимию Чудовскому (ГИМ, Син. 396, л. 66–67 и 111–112). Этот список, вероятно, неполон.

Послание в переводе Славинецкого уже привлекало внимание исследователей. И. Грицевская и В. Литвиненко рассматривали текст в рамках комплекса из пяти переведенных Епифанием сочинений Афанасия Александрийского и пришли к выводу, что четыре из них («Вопросоответы ко князю Антиоху», «Вопросы о божестве и воплощении Сына Божия», «Речения и толкования притчей евангельских» и «Слова против ариан») были переведены с греческого текста двуязычного издания Иеронима Коммелина (Гейдельберг, 1600–1601 гг.) либо Иоанна Пискатора (Париж, 1627 г.) [Грицевская, Литвиненко 2020: 87]; последнее издание было указано в качестве оригинала Епифания еще А.В. Горским и К.И. Невоструевым [Горский, Невоструев 1859: 42–44]. Два из этих сочинений Афанасия — «Вопросоответы ко князю Антиоху» и «Слова против ариан» — имели богатую традицию древнего славянского перевода, на которую опирался Епифаний наряду с греческим источником. Напротив, другие два текста, «Вопросы о божестве и воплощении Сына Божия» и «Речения и толкования притчей евангельских», были переведены Епифанием впервые непосредственно с греческого текста. Переводы этих четырех сочинений Афанасия были выполнены Епифанием

[1] Послание напечатано в изданной в октябре 1649 г. Псалтыри на вставных листах с отдельной нумерацией. Поскольку известно, что Епифаний Славинецкий приехал в Москву в июле 1649 г., нельзя исключать, что перевод был выполнен еще до приезда в Москву, а непосредственно перед изданием мог быть лишь отредактирован.

существенно позднее перевода Послания: «Слова против ариан» были опубликованы в Сборнике переводов Славинецкого в 1665 г., а остальные три текста вошли в изданную в 1656 г. «Скрижаль».

Послание было единственным текстом из этого комплекса, переведенным с латыни. Литвиненко и Грицевская объясняют этот факт тем, что двухтомная билингва Афанасия была привезена в Москву из Новгорода Арсением Греком в 1652 г., а в 1649 г. у Епифания могло быть издание Послания только в латинском переводе Петра Нанния. Для подтверждения латинского оригинала авторы сравнили два фрагмента перевода с греческим и латинским текстом и продемонстрировали, что в случаях отклонения латинского текста от греческого славянский перевод следует за латинским [Грицевская, Литвиненко 2020: 102–103].

Существовало несколько латинских переводов Послания к Маркеллину. Частично его греческий текст был переведен Анжело Полициано и напечатан в Болонье в 1492 г. Известен также перевод Йоганна Рейхлина, впервые опубликованный в 1515 г. в Тюбингене. Перевод голландца Петра Нанния (1496–1557) вошел в состав четырехтомного собрания сочинений Афанасия Александрийского, первое издание которого на латинском языке вышло из печати в Базеле в 1556 г., второе и третье там же в 1564 г. и 1581 г. Следующие переиздания четырехтомника Афанасия увидели свет в Париже в 1608 г. и в 1612 г., а затем в Кельне в 1617 г.

Текстология Послания подтверждает, что латинским оригиналом Епифания Славинецкого не могла быть парижская греко-латинская билингва 1627 г. В этом тексте исправлена ошибка в обозначении и цитировании псалмов 137 и 71, которая присутствует в тексте Epistolae ad Marcellinum начиная с первого латинского издания в переводе Петра Нанния 1556 г. и до кельнского издания 1617 г. включительно (латинский текст билингвы Коммелина 1601 г. также содержит ошибку). В этих изданиях после слов ut nobis liceret dicere in 137 пропущен стих 137-го псалма dominus retribuet pro me, а следом приведена цитата из 71-го псалма без обозначения его номера. Эту ошибку воспроизводит и славянский перевод, в котором под номером 137 цитируется 71-й псалом: **да лѣть бѫдетъ намъ глаголати, во рл҃з мъ: И спасетъ сн҃ы оубогихъ, и смиритъ клеветника**. Еще одной общей ошибкой латинских изданий, перенесенной в славянский перевод, является указание на 140-й псалом вместо 40-го: **и р҃м: бл҃женъ разѹмѣваѩй на нища и оубога** — & 140. Beatus qui intelligit super egenum & pauperem.

Напротив, некоторые ошибочные указания латинского текста исправлены в славянском тексте. Так, два параллельных псалма, 6-й и 37-й, приведены подряд с верными номерами: **s҃: Гд҃и да не гаростїю**

твоею wбличиши мене. и л҃з: Гд҃и да не гаростїю твоею wбличиши мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажеши мене. Однако в первом латинском издании 1556 г. приведены номера 6 и 17 (так же и в последующих изданиях до билингвы 1627 г. включительно, кроме второго издания 1564 г., где на полях обозначен только номер 6-го псалма). Исправлена и общая ошибка латинских текстов в указании на 29-й псалом вместо 49-го: **м҃ѳ҃, ѱаломъ: Бг҃ъ бг҃wмъ гд҃ь гла҃** — 29. Deus deorum Dominus locutus est.

Установление конкретного латинского издания, ставшего источником перевода Епифания, является задачей отдельного исследования. Вопроса же о возможных славянских источниках перевода Послания недавно касалась П. Пенкова, проанализировавшая методы аллегорического толкования в переводах Преславской книжной школы (в том числе в «Словах против ариан», переведенных Константином Преславским) и в «Послании к Маркеллину» [Пенкова 2023]. Исследовательница пришла к выводу, что в переводе Послания сочетаются разные языковые пласты, архаический и современный XVII в., что должно указывать на использование какой-то неизвестной нам рукописи болгарского происхождения. В доказательство наличия такого текста у Епифания были приведены орфографические, грамматические и синтаксические особенности перевода Послания, которые, впрочем, входят в число стандартных характеристик цсл. языка XVII в. и никак не выделяют Послание среди иных книг Московской Библии 1663 г.

В центр внимания настоящего исследования помещены цитаты из Псалтыри, составляющие значительную часть текста Послания. Текстология и язык цитируемых псалмов, с нашей точки зрения, являются более надежными доказательствами в вопросе о существовании древнего славянского антиграфа. Кроме того, интерес представляет сам механизм цитирования библейского текста при наличии латинского печатного источника (или списка с него). Этот механизм, как будет показано ниже, указывает и на посредство иных — служебных — славянских текстов.

Послание представляет собой подробное руководство по изучению и практическому употреблению псалмов, которые классифицированы по типам (повествовательные, молитвенные, исповедные, обличительные, пророческие и т. д.) и по ситуативным житейским обстоятельствам, в которых следует читать тот или иной псалом. В этом контексте эксплицитным цитатам (номера псалмов везде указаны) отведена чисто «индикативная», иллюстративная роль, не предполагающая адаптации текста в зависимости от литературной функции «тематического ключа» [Пиккио 2003]. Отклонения как латинского оригинала, так и славянского перевода от текста Псал-

тыри минимальны: например, в 104:28 et emisit tenebras, et obtenebravit eos — **и посла тмꙋ, и помрачи ихъ** добавлено местоимение eos — **ихъ**, отсутствующее в стихе Псалтыри; а в 73:1 ut quid Deus repulisti nos — **въскꙋю бж҃е ѿринꙋлъ мѧ еси** местоимение nos, также не читающееся в Псалтыри, переводчиком проигнорировано. В объеме инципитов столь же незначительны и отличия латинских псалмов от переведенных с греческого славянских: 88:1 **пи҃: мл҃ти гдⷭ҇нѧ во вѣки воспою** — misericordias Domini in aeternum cantabo, ср. Τὰ ἐλέη σου κύριε εἰς τὸν αἰῶνα ᾄσομαι — **милости твоѧ г҃и въ вѣкы въспою** (Острожская Библия).

Чаще всего цитируются краткие инципиты, реже начальные стихи приводятся полностью, еще реже цитируются иные стихи, кроме начальных, изредка возможно также фрагментарное (с пропусками) цитирование стиха, однако во всех перечисленных случаях совпадение латинского оригинала и славянского перевода с Псалтырью дословно. Славянская Псалтырь отличается наиболее устойчивой текстовой традицией среди всех библейских книг, поэтому большинство цитат имеет стандартный облик. В дальнейшем изложении мы сосредоточимся на той небольшой части псалмов, которая воспроизведена с некоторыми изменениями, и на причинах, обусловивших эти отступления. При этом во внимание принимается латинский источник, ранние редакции славянской Псалтыри[2], Псалтырь Библии 1663 г. и данные правленных в 1650-е гг. богослужебных книг. Псалтырные цитаты приводятся по тексту Послания в Библии 1663 г., если не оговорено иное.

Текстологический анализ цитат показывает отсутствие значимых совпадений с чтениями ранних редакций славянской Псалтыри: псалмы в переводе Послания наиболее близки к четвертой редакции, представленной в том числе в Геннадиевской и Острожской Библиях [MacRobert 1998: 923]. Ср. в 106:20: **посла слово своє, и исцѣли ихъ, и изъбави ихъ ѿ погибели** (a lue) **ихъ**. Ранние рукописные редакции, начиная с Синайской Псалтыри и до Геннадиевской, переводят греч. ἐκ τῶν διαφθορῶν как **ѿ пагꙋбы** или **ѿ растлѣнїи**. Последний вариант сохраняется также и в Псалтыри Библии 1663 г., и лишь в Острожском тексте присутствует чтение **ѿ погибели**. В переводе 83:1 **кѡль возлюблена селенїѧ твоѧ** (tabernacula tua) читается лексема **селенїѧ**, которая в этом стихе появляется только в списках Псалтыри XV–XVI вв. [Погорелов 1901: LXI] (так же в Би-

[2] При сопоставлении псалтырных цитат из Послания мы обращались к чтениям ранних редакцией по текстам Синайской Псалтыри XI в., Чудовской Псалтыри XI в., Болонской Псалтыри 1230–1241 гг., Симоновской Псалтыри до 1280 г., Норовской Псалтыри нач. XIV в., Киевской Псалтыри 1397 г., Киприановской Псалтыри XIV в., Геннадиевской Псалтыри 1499 г. и Острожской Псалтыри 1581 г.

блии 1663 г.) Старшие редакции передают греч. σκηνώματά в 83:1 как **села** (так же в Острожской Библии).

Кроме того, в тексте прослеживаются чтения, связанные с историей справы богослужебных книг в середине XVII в. Так, цитату из 67:1 **да воскр҃нетъ бг҃ъ, и разыдꙋтсѧ врази егѡ** сопровождает маргинальная глосса **расточатсѧ**. До середины XVII в. инципит 67-го псалма читается без разночтений как в рукописных, так и в печатных изданиях: греч. διασκορπισθήτωσαν переводится только как **разыдꙋтсѧ**. Так не только в дониконовских Псалтырях (до издания 1658 г. включительно), но и в иных служебных текстах, в изобилии включающих в себя чтения псалмов (ср., например, в Цветной Триоди 1653 г. л. сл҃з). Впервые замена **разыдꙋтсѧ** на **расточатсѧ** появляется в первом печатном Ирмологии 1657 г., ставшем одним из ключевых изданий никоновской эпохи [Андреев 2017]: **да воскреснетъ бг҃ъ, и расточатсѧ врази егѡ, и да бѣжатъ лица егѡ** (л. хмд҃). Затем эта замена была внесена в текст Псалтыри Библии 1663 г., закрепившись во всех последующих цсл. изданиях и в русском Синодальном переводе. Появление нового чтения в глоссе к тексту Послания свидетельствует о многоэтапном подготовительном процессе справы текста, предварявшем выход в свет никоновских изданий. В инципитах 51:1 **что хвалишисѧ во злобѣ силне** и 92:1 **гд҃ь воцр҃исѧ, въ лепотꙋ wблечесѧ** взамен древнейших чтений **сѧ хвалиши** и **сѧ wблече** возвратная частица употреблена постпозитивно. В рукописных и печатных Псалтырях вплоть до 1650-х гг.[3] устойчиво сохраняются древнейшие южнославянские чтения, тогда как перевод Епифания в 51:1 и 92:1 совпадает с текстом московской Псалтыри 1658 г. и последующими изданиями.

Однако в некоторых случаях в цитатах Послания ранние чтения Псалтыри присутствуют. Так, в перечне хвалительных псалмов в Послании упомянут 132-й псалом с инципитом **се коль добро и кѡль красно** (ecce quam bonum et quam iucundum). Это чтение совпадает с древнейшим переводом в Синайской Псалтыри: **се оубо коль добро і коль красьно** (Ἰδοὺ δὴ τί καλὸν ἢ τί τερπνὸν). Не позднее XIV в. появляется иной перевод: **се нынѣ что добро ли что красно** (Киевская Псалтырь) / **се же что добро ли что красно** (Норовская Псалтырь). Чтение с заменой **коль** на **что**, **и** на **ли** сохраняется в Геннадиевской, Острожской и Московской Библиях, а также в печатных московских Псалтырях.

[3] В печатных московских Псалтырях до 1653 г. включительно в 51:1 и 92:1 сохраняются старшие чтения.

Древнейшее чтение 132-го псалма в Послании требует дополнительного комментария[4], поскольку этот инципит входит в состав степенного антифона восьмого гласа, который поется на воскресной утренней службе. В служебных текстах представлена неоднозначная ситуация: в правленных Минеях на ноябрь XVII в. — первопечатной 1610 г. (л. 8об.), Филаретовской 1623 г. (л. 14) и Иосифовской 1645 г. (л. 9) — присутствовало новое чтение **се что добро и что красно**. Однако в Октоихах 1618 и 1631 гг. еще сохранялся старший вариант **се коль добро и коль красно** (л. 357об.). Значим и тот факт, что такое различие было представлено и в служебных текстах Великого княжества Литовского, которые в контексте литургической памяти могли быть более актуальны для Епифания Славинецкого, ср. в воскресных Октоихах, изданных в 1629 г. в Киеве (л. **рѻ҃и**) и в 1646 г. в Кутеине (л. **рпв҃**): **се коль добро и коль красно**. Лишь в исправленном при патриархе Никоне московском Шестодневе (Осмогласнике) 1660 г. этот антифон имеет тот же вид, что и в Псалтыри 1663 г.: **се нынѣ что добро, или что красно** (л. **рѯ҃и** об.).

Совпадение этой цитаты с ранней псалтырной редакцией объясняется особенностями воспроизведения Псалтыри, текст которой целиком входит в богослужение и представляет собой своего рода архив ссылок, связанных с литургией, в коллективной церковной памяти [Гардзанити 2020: 17–31]. Словесный облик псалма или его фрагмента в составе службы или в тексте молитвы при этом часто оказывается «активной ссылкой», намного более актуальной, чем рукописный или печатный текст Псалтыри для келейного чтения. Средневековый перевод, как и иные типы работы с текстом, оказывается под властью «богослужебного мышления» [Наумов 2020: 56] и «словесной памяти» церковной службы. Для перевода цитат из Нового Завета и Псалтыри это утверждение более чем актуально, ср. [Макеева, Пичхадзе 2000: 83–84].

В отличие от новых, исправленных в XIV в. переводов Псалтыри, функционирующие в составе иных служебных текстов псалмы могут сохранять архаичный облик более ранних редакций, поскольку справа и редактирование разных богослужебных текстов представляла собой неоднородный и неодновременный процесс. Звучащие во время суточного и седмичного круга служб стихи накладывали свой отпечаток на воспроизведение цитат по памяти, и именно этим могут быть обусловлены некоторые чтения древнего перевода в Послании. Таким образом, вопрос о посредничестве литургических

[4] Цитата из 132:1 является «общим местом» также в агиографических и гимнографических текстах: она присутствует уже в Повести временных лет в Сказании об убиении Бориса и Глеба, Житии Сергия Радонежского и во многих других житиях русских святых, а также службах им.

и паралитургических книг, затронутый А. Наумовым и актуализированный М. Гардзанити, оказывается чрезвычайно важным и определяет сам механизм бытования библейских цитат в славянском средневековье и в раннее Новое время.

Еще одним важным фактором, определяющим характер цитирования, является семантический и синтаксический параллелизм стихов, повторяющихся в пределах одного или разных псалмов. В контексте словесной памяти библейского текста нередко происходит наложение параллельных мест, влекущее за собой дополнительную вариативность текста: при синонимическом параллелизме, чаще всего встречающемся в Псалтыри, стихи повторяются с небольшими изменениями[5]. Воспроизведение по памяти не исключает и некоторых индивидуальных изменений текста переводчиком, ограниченных по своему объему и характеру. Наконец, в связи с латинским оригиналом Послания небезынтересным вопросом является влияние Вульгаты на славянский перевод псалмов. Рассматривая далее цитаты, отступающие от традиционных чтений Псалтыри, будем учитывать перечисленные обстоятельства. В некоторых случаях, как будет показано, на воспроизведение текста влияет весь комплекс факторов.

1. Индивидуальные предпочтения переводчиком некоторых лексем или синтаксических конструкций в цитатах ограничены и преимущественно сведены к некоторой вариативности словообразовательных аффиксов, а также к выбору отдельных грамматических форм.

К таким вариантам относится этноним **ѳѡїѡпи** в 71:9: **пред нимъ припадѫтъ ѳѡїѡпи** (Aethiopes/Αἰθίοπες), **и вразι егѡ перстъ полижѫтъ**. Лексема **ѳѡїѡпи** не совпадает ни с одним из чтений старших текстов, которые также демонстрируют разнообразие вариантов: **етіопѣні/мѵри/ѡѳиѡплѣни/ѣфїѡпѣне/ѣѳїоплѣне/ѣфїѡпллѧне**. Возможна также замена префиксов некоторых глаголов. В 49:3 **бг҃ъ рече гавѣ прїидетъ, бг҃ъ глаголю нашъ, и не ꙁамолчитъ** (non silebit / οὐ παρασιωπήσεται) вместо традиционного инварианта **не премолчитъ** Епифаний выбирает иной префиксальный глагол; в 21:18 **изочтоша всѧ кости моѧ** (dinumerarerunt/ἐξηρίθμησα) форма **изочтоша** также не совпадает ни с одним из старших вариантов перевода: **ичісѧ/ицисѧ/изчетошѫ/исчетоша**.

[5] Теме библейского параллелизма, частным и наиболее выраженным случаем которого является параллелизм в Псалтыри, посвящено немало исследований. Сошлемся лишь на обобщающую работу по поэтике параллелизма [Десницкий 2007] и на исследования, посвященные конкретным языковым механизмам, задействованным в параллельных структурах церковнославянских библейских текстов [Верещагин 1975; Вернер 2020].

Вероятно, к индивидуальным предпочтениям переводчика следует отнести и выбор конструкции дательного с инфинитивом в 125:1 **внегда возвратити гдⷭ** (in convertendo Dominus / ἐν τῷ ἐπιστρέψαι κύριον) **плѣнъ сїѡнь. быхомъ ꙗкѡ ѹтѣшени**. Отвечающая как латинскому, так и греческому тексту конструкция находит поддержку лишь в грецизированной Норовской Псалтыри, тогда как в остальных редакциях читается **възврати гс҃ь / възвратиⷮ гс҃ь**[6]. По переводам Епифания с латыни отлично прослеживается привычка переводить латинский герундий инфинитивом, и именно такой перевод в 125:1 содержится в Псалтыри Библии 1663 г. Подобная ситуация представлена и в 4:1: **внегда возвати ми** (cum invocarem / ἐν τῷ ἐπικαλεῖσθαί), **ѹслыша мѧ бг҃ъ**. Инвариантом старших текстов является чтение **внегда возваⷯъ**, поддерживаемое в 4:4 переводом такой же греческой конструкции **внегда възову**. Эти чтения заменены на **внегда привати ми** и **внегда вовати ми** лишь в период никоновской справы в 1650-е гг.[7], а затем также вошли в Библию 1663 г.

Отчетливо индивидуальным выбором является местный падеж с предлогом на месте лат. аккузатива в 84:1 **блг҃оволилъ еси гдⷭ и въ земли твоей** (terram tuam / τὴν γῆν). Этот инципит дважды цитируется в Послании в таком виде, тогда как инвариантом в славянской Псалтыри является винительный падеж **землю твою** в соответствии с греч. аккузативом. Также не находит соответствия ни в латинском оригинале, ни в греческой и славянской Псалтыри аорист **ѹслыша** в инципите 114:1 **возлюбихъ ꙗкѡ ѹслыша гдⷭь**. Везде читается форма будущего времени (exaudiet, εἰσακούσεται, **ѹслышитъ**), и это чтение содержат все рукописные редакции и печатные Псалтыри середины XVII в.

О том, каковы были мотивы переводчика в этих случаях, можно говорить лишь предположительно. Причинами выбора местного падежа могли быть как особенности источника (предлог in перед аккузативом в латинском оригинале, если он был рукописным), так и более нетривиальные соображения. К последним относится потенциальное (однако пока недоказуемое) обращение Епифания к еврейскому тексту Псалтыри, в котором на месте греч. и лат. аккузатива стоит направительный падеж אַרְצָה[8]. Аорист вместо буду-

[6] В Киприановской Псалтыри, для которой Е.В. Чешко был отмечен ряд общих языковых черт с Норовской Псалтырью, в том числе и инфинитивный перевод греч. ἐν τῷ с инфинитивом, в 125:1 читается **възвратитъ**.

[7] Эти старшие чтения еще сохраняются в Псалтыри 1653 г., но уже заменены в изданной в 1658 г. Псалтыри.

[8] Любопытно, что в изданном в 1527 г. латинском переводе с еврейского Сантеса Паньини этот падеж также был передан не аккузативом, но генетивом: complacuisti domine terrae tuae.

щего времени, скорее всего, обусловлен влиянием неоднократно повторяющейся в Псалтыри синтагмы **оуслыша гдь**, к тому же способствующей «гармонизации» глагольных форм в инципите псалма 114.

2. Примеры несомненного влияния на переводчика латинского текста немногочисленны и представлены грамматическими и синтаксическими формами, отличными от традиционных славянских чтений, преимущественно не в начальных стихах псалмов:

– аорист vs буд. вр.: 49:4 **призва** (advocavit / προσκαλέσεται) **нб҃о свыше**, **и зємлю разсѹдити люди своѧ**. Начиная с первого славянского перевода Псалтыри и до Библии 1663 г. включительно читается форма буд. вр. **призоветъ**, соответствующая греч. προσκαλέσεται. Аорист **призва** в Послании следует латинскому чтению с перфектом advocavit, но не формой буд. вр. advocabit.

– согласование по жен. vs муж. роду: 86:5 **мати сїѡнъ речетъ чл҃къ**, **и чл҃къ родисѧ в҆ ней**. **и той wснова ю вышнїй**. Местоимения **в҆ ней** и **ю** согласуются с лексемой **мати**, но не **сїѡнъ**, как во всех без исключения старших славянских текстах. Согласование же по женскому роду присутствует как в греческом (ἐγενήθη ἐν αὐτῇ, ἐθεμελίωσεν αὐτὴν), так и в латинском тексте (natus est in ea; fundavit eam).

– союз **и** vs союз **ꙗкѡ**: 44:12 **ꙗкѡ вожделѣтъ царь доброт҃ѣ твоеи**. Во всех старших славянских текстах до Библии 1663 г. включительно читается союз **и**[9], тогда как **ꙗкѡ** со значением причины может быть обусловлено как лат. quoniam, так и — потенциально — греч. ὅτι в византийском типе текста, но никак не старшим славянским переводом.

Несколько больше тех случаев, в которых можно увидеть лексическое совпадение с чтением латинского оригинала. Однако почти всегда оно поддерживается определенным количеством славянских чтений из параллельных стихов Псалтыри или из того же самого псалма, но в гимнографической обработке.

18:1 **дѣло** (opera / ποίησιν) **рѹкѹ егѡ во҃вѣщаетъ твердь**. Греч. ποίησις в цсл. переводах Псалтыри передается производными именами от глагола **творити — творъ**, **тварь** или **твореніе**. Чтение **дѣло** присутствует лишь в поздних текстах, связанных с латинской и польской традицией, — Псалтыри Брунона 1535 г. и Псалтыри Фирсова 1683 г. Очевидно, что перевод в Послании задан лат. opera. Тем не менее важен и тот факт, что и в греческом, и в славянском переводах 18:2 представляет собой единственный стих, в котором евр. מַעֲשֵׂה передается не как ἔργον, а ποίησις, и **твореніе**, а не **дѣло**

[9] Соответствует читающемуся в Александрийском кодексе союзу και.

соответственно, тогда как во множестве иных псалмов **дѣло рѹкѹ/ъ** (**егѡ**, **твоихъ**) представляет собой устойчивое повторяющееся сочетание.

21:16 **в прахъ** (in pulverem / εἰς χοῦν) **смерти свелъ мѧ еси**. Перевод **прахъ** противостоит всем ранним псалтырным редакциям, в которых в этом стихе греч. χ(ν)οῦς соответствует **персть**. Это один из восьми псалмов в славянском тексте, в которых χ(ν)οῦς переводится как **персть**, тогда как еще в четырех псалмах на месте той же греч. лексемы читается **прахъ**. С лексемой **персть** в славянской традиции связывается символическое значение бренного, телесного и тленного, поэтому Максим Грек в своем переводе Псалтыри 1552 г. использует **персть** в качестве единственного эквивалента греческого χ(ν)οῦς [Вернер 2019: 228–230]. В латинской Псалтыри везде читается только pulvis ‘пыль’: этому чтению следует Епифаний Славинецкий, так же, как и Дмитрий Герасимов в переводе латинской Псалтыри Брунона и Авраамий Фирсов, переводивший с польских текстов.

63:1 **оуслыши гд҃и мл҃твѹ** (orationem / τῆς φωνῆς) **мою**, **внегда молюсѧ к тебѣ**. В греческой Псалтыри на месте orationem читается τῆς φωνῆς, поэтому в славянских текстах, начиная с древнейшего перевода, присутствуют словоформы **гласъ** или **гласа**, но не **молитвѹ**, ср. в Библии 1663 г.: **оуслыши бж҃е гласъ мой**. Однако латинский оригинал, скорее всего, был не единственной причиной отступления от традиционного текста в переводе Послания. Перевод Епифания совпадает с инципитами еще двух псалмов, в которых в синтаксически параллельных стихах читается словоформа **молитвѹ**, 101-го и 142-го: **Гд҃и оуслыши мл҃твѹ мою**. Псалом 142 читается в составе утрени (замыкая шестопсалмие) и повечерия, что естественным образом делает его «первой ссылкой», возникающей как в индивидуальной памяти переводчика, так и в коллективной литургической памяти. Псалом 101 входит среди других молитв в последование великого повечерия. Нельзя не принять во внимание и различия инципита 63-го псалма в Псалтыри и в составе службы: этот стих является прокимном, предваряющим чтение из Бытия в понедельник 4-й недели Великого поста. В изданиях Триоди Постной до 1656 г. инципит 63-го псалма читается так же, как и в Послании, со словоформой **молитвѹ**, ср. в московских изданиях 1621 г. (л. **сч҃ѕ** об.), 1630 г. (л. **т҃а** об.), 1650 г. (л. **тн҃ѕ**), в киевском издании 1640 г. (л. **фл҃ѳ**): **оуслыши бж҃е млт҃вѹ мою**, **внегда молитимисѧ к тебѣ**. И только в изданной в 1656 г. Триоди Постной прокимны совпадают с текстом псалмов Библии 1663 г., ср. для 63-го псалма **оуслыши бж҃е гласъ мой**, **внегда молитимисѧ к҃ тебѣ** (л. **тл҃д**).

3. Рассмотренный выше пример наглядно демонстрирует, что помимо латинского оригинала или узуса переводчика на воспроизведение цитат из Псалтыри могла накладывать свой отпечаток повторяемость синтагм, стихов и строф разных псалмов и их внутренний структурно-синтаксический параллелизм. В неменьшей мере это относится и к параллелизму внешнему, интертекстуальному, связанному со взаимодействием разных служебных текстов.

35:1 **рече безꙋменъ** (iniustus / παράνομος) **в҃ себѣ. нѣсть страха бж҃їа пред҃ очима егѡ**. В этом стихе **безꙋменъ** неточно переводит iniustus «несправедливый, противозаконный» (вместо ожидаемого insipiens «безумный»). Славянские переводы в 35:1 варьируются (**законопрѣстꙗпникъ**, **законопрестꙋпныи**, **пребезаконныи**), однако все они соответствуют греч. παράνομος «противозаконный, беззаконный, преступный». Появление лексемы **безꙋменъ** в цитате может объясняться тем, что 35:1 находит композиционную и семантическую аналогию сразу в двух параллельных стихах 13:1 и 52:1 **рече безꙋменъ** (ἄφρων) **в҃ сердцѣ своемъ. нѣсть бг҃ъ** (в Вульгате insipiens). Параллелизм всех этих стихов обусловил смешение лексем в переводе псалма 35, чему могло способствовать и дистантное расположение совпадающих стихов в Псалтыри, и фрагментарное цитирование стиха 35:1 в тексте Послания, ср. dixit iniustus ut delinquat in semet ipso (Вульгата) — **глѣтъ пребезаконныи согрѣшати в҃ себѣ** (Библия 1663 г.).

19:8 **сїи на колесницахъ, и сїи на конихъ. мы же во има гд҃а бг҃а нашегѡ возвеличимсѧ** (magnificabimur / μεγαλυνθησόμεθα). Перевод **возвеличимсѧ** мог быть ориентирован как на латынь, так и на греческий, но не на чтение этого стиха в цсл. традиции, так как ее инвариантом является форма **призовемъ**[10]. Однако ситуация осложняется тем, что в 19:8 и 19:6 второе полустишие повторяется, и в последнем стихе в славянской Псалтыри читается глагол **возвеличимсѧ** (в греческом также μεγαλυνθησόμεθα), являющийся инвариантом: **вꙁрадꙋемсѧ ѡ спасенїи твоемъ, и во има гд҃а бг҃а нашегѡ возвеличимсѧ** (Библия 1663). Очевидно, что память текста параллельных строф псалма 19, читаемого на утрене, предопределила выбор лексемы для Епифания.

37:1 **Гд҃и да не ꙗростїю твоею wбличиши мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажеши мене** (Domine ne in furore tuo arguas me neque in ira tua corripias me). Перевод цитаты имеет отношение к любопытной истории двух повторяющихся стихов 6:1 и 37:1. В латинском тексте Послания они приведены последовательно, текст стихов идентичен, но последний ошибочно указан как 17-й (см. об этом выше). В стар-

[10] Соответствует читающемуся в Синайском кодексе глаголу ἀγαλλιασόμεθα.

шем южнославянском переводе первые стихи обоих псалмов также полностью совпадают: **Гⷭ́и не ѣростїѫ твоеѭ облічи мене Ни гнѣвомъ твоимъ покажи мене** (Синайская Псалтырь). Такой перевод сохраняется в Болонской, Норовской, Киевской псалтырях, в Псалтыри Матфея Десятого. Однако уже в Киприановской редакции формы греческого субъюнктива ἐλέγξῃς и παιδεύσῃς в 6:1 передаются сочетанием **да** с индикативом: **да не ꙗростиѫ твоеѫ обличиши мене ниже покажеши мене**. Эта правка касается лишь 6-го псалма, тогда как текст 37:1 не претерпевает изменений. С таким грамматически нарушенным параллелизмом (**да** с индикативом vs императив) инципиты 6-го и 37-го псалма читаются в Геннадиевской, Острожской и во всех московских печатных Псалтырях до 1653 г. включительно. В Псалтыри, изданной в 1658 г., параллелизм стихов восстановлен, и **да** с индикативом присутствует уже и в 37:1. Таким образом, на облик цитаты в Послании могли повлиять разные факторы: во-первых, **да** с индикативом следует латинской форме сослагательного наклонения, а во-вторых, такой перевод обусловлен синтаксическим выравниванием текста повторяющегося стиха. Синтаксические замены при воспроизведении по памяти еще более актуальны в силу того, что начинающиеся с этого стиха 6-й и 37-й псалмы входят в состав суточного круга служб (повечерия и утрени соответственно).

73:1 **въскꙋю бж̀е ѿринꙋлъ мѧ еси** (ut quid Deus repulisti nos). Этот инципит не вполне совпадает с текстом псалма ни в греческом, ни в латыни, ни в славянском переводе: Ἵνα τί ἀπώσω, ὁ θεός, εἰς τέλος — ut quid Deus repulisti in finem — **вскꙋю бж̀е ѿринꙋлъ еси до конца**. В разных редакциях славянской Псалтыри в этом фрагменте нет разночтений. Однако в том же виде, как и в Послании, инципит читается в начале ирмоса 5-й песни восьмого гласа, ср. в пергаменном Ирмологии XIV в., содержащем древний перевод: **въскꙋю мѧ ѿрину ѿ лица твоего свѣте незаходми** (РГБ, ф. 304.I, № 19, л. 140об.); в нотированном Ирмологии XVI в. **воскꙋю мѧ вторинꙋ отъ лица твоего свѣте незаходми** (РГБ, ф. 304.I, № 414, л. 71); в Октоихе 1594 г. **въскꙋю мѧ ѿринꙋ ѿ лица твоего свѣте незаходми** (л. **тѳ̀в**). Изменение глагольной формы в этом стихе связано с никоновской справой: если в Октоихе 1594 г. краткое название ирмоса **вскꙋю мѧ ѿринꙋ** (л. **ѱл̀ѳ**), то в Постной Триоди 1656 г. **вскꙋю мѧ ѿринꙋлъ еси** (л. **тѯ̀а**) , а в Ирмологии 1657 г. текст читается как **въскꙋю мѧ ѿринꙋлъ еси, ѿлица твоегѡ свѣте незаходимый** (л. **т̀л**).

Таким образом, цитаты из Псалтыри в Послании не дают оснований предполагать наличие у Епифания Славинецкого какого-либо старшего славянского перевода этого сочинения Афанасия Александрийского. Характер цитирования псалмов позволяет

определенно утверждать, что перевод многочисленных псалтырных цитат был выполнен по памяти и с опорой на латинский текст, степень влияния которого на славянские псалмы весьма невелика, так же как незначительно и отклонение языковых характеристик псалмов вследствие индивидуальных предпочтений переводчика. Основным механизмом цитирования является воспроизведение псалмов с использованием ресурса коллективной церковной памяти, основанной в первую очередь на богослужебных текстах и задействовавшей феномен библейского параллелизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреев А.А.* Венецианские печатные Ирмологии XVI–XVII вв. и книжная справа в Москве // Христианское чтение. 2017. № 7. С. 98–109.
2. *Верещагин Е.М.* Прием параллелизма в псалтыри и выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян // Советское славяноведение. 1975. № 2. С. 60–72.
3. *Вернер И.В.* Вариативные средства грамматического параллелизма в церковнославянских переводах Псалтыри XI–XVI веков // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2020. № 6. С. 1–12. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.1
4. *Вернер И.В.* Экзегеза в переводе Псалтыри 1552 г. Максима Грека // Studi Slavistici. 2019/2. XVI. P. 219–240. doi: 10.13128/Studi_Slavis-7485
5. *Гардзанити М.* Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М.: Индрик, 2014. 272 с.
6. *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. второй. Писания святых отцов. Писания догматические и духовно-нравственные. М.: Синодальная типография, 1859. 687 с.
7. *Грицевская И.М., Литвиненко В.В.* Афанасий Александрийский и Псевдо-Афанасий в переводах Епифания Славинецкого [Palaeobulgarica/Старобългаристика. 2020. XLIV (3). С. 81–112.
8. *Десницкий А.С.* Поэтика библейского параллелизма. М.: Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 2007. 554 с.
9. *Литвиненко В.В., Грицевская И.М.* Сочинения Афанасия Александрийского в славянской традиции. Часть I: подлинные сочинения // Byzantinoslavica. 2017. 75, № 1–2. С. 3–29.
10. *Макеева И.И., Пичхадзе А.А.* Библейские цитаты в древнерусской «Пчеле» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка / отв. ред. А.М. Молдован, В.В. Калугин. М., 2000. С. 71–105.
11. *Наумов А.* Идея — образ — текст. Исследования по церковнославянской литературе. М.: Индрик, 2020. 248 с.
12. *Пенкова П.* Алегоричната екзегеза (приточное богословие) в славянския превод на Посланието до Маркелин за тълкуването на Псалмите // Българска Академия на науките. Известия на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин». 2023. Книга XXXVI. С. 233–260. DOI: 10.47810/PIBL.XXXVI.23.08
13. *Пиккио Р.* Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н.Н. Запольская, В.В. Калугин. М.: Знак, 2003. С. 431–473.
14. *Погорелов В.* Библиотека Московской Синодальной типографии. Часть первая — рукописи. Выпуск третий. Псалтыри. М.: Синодальная типография, 1901. 175 с.

15. *Чешко Е.В.* Об Афонской редакции славянского перевода Псалтыри в ее отношении к другим редакциям // Е.И. Демина, Е.В. Чешко, Д. Иванова-Мирчева, А. Минчева, ред., Язык и письменность среднеболгарского периода, Москва, 1982. С. 60–93.
16. *MacRobert C.M.* The Textual Tradition of the Church Slavonic Psalter up to the Fifteenth Century // Interpretation of the Bible. Proceedings of the International Symposium 18-20 September 1996. / Ed. by J. Krašovec. Ljubljana-Shefield, 1998. P. 921–942.

REFERENCES

1. Andreev A.A. Venetsianskie pechatnye Irmologii XVI–XVII vv. i knizhnaya sprava v Moskve [Venetian Printed Hirmologia in the 16th and 17th Centuries and the Nikonian Liturgical Reform]. *Khristianskoe chtenie*, 2017, 7, pp. 98–109. (In Russ.)
2. Cheshko E.V. Ob Afonskoi redaktsii slavyanskogo perevoda Psaltyri v ee otnoshenii k drugim redaktsiyam [On the Athonite Edition of the Slavic Translation of the Psalter in its Relation to Other Editions]. *Yazyk i pis'mennost' srednebolgarskogo perioda.* Ed. by E.I. Demina, E.V. Cheshko, D. Ivanova-Mircheva, A. Mincheva. Moscow: Nauka, 1982, pp. 60–93. (In Russ.)
3. Desnitskii A. S. *Poetika bibleiskogo parallelizma* [Poetics of Biblical Parallelism]. Moscow: Biblical and Theological Institute of St. Apostle Andrew, 2007, 554 p. (In Russ.)
4. Gardzaniti M. *Bibleiskie tsitaty v tserkovnoslavyanskoi knizhnosti* [Biblical Quotations in Church Slavonic Literacy]. Moscow: Indrik, 2014, 272 p. (In Russ.)
5. Gorskii A.V., Nevostruev K.I. *Opisanie slavyanskikh rukopisei Moskovskoi Sinodal'noi biblioteki. Otd. vtoroi. Pisaniya svyatykh ottsov. Pisaniya dogmaticheskie i dukhovno-nravstvennye* [Description of Slavic manuscripts of the Moscow Synodal Library. Part 2. Scriptures of the Holy Fathers. Dogmatic and spiritual-moral scriptures]. Moscow: Synodal Printing House, 1859, 687 p. (In Russ.)
6. Gritsevskaya I.M., Litvinenko V.V. Afanasii Aleksandriiskii i Psevdo-Afanasii v perevodakh Epifaniya Slavinetskogo [Athanasius of Alexandria and Pseudo-Athanasius in the Translation Works of Epifaniy Slavinetskiy], *Palaeobulgarica/ Starob"lgaristika*, 2020, XLIV (3), pp. 81–112. (In Russ.)
7. Litvinenko V.V., Gritsevskaya I.M. Sochineniya Afanasiya Aleksandriiskogo v slavyanskoi traditsii. Chast' I: podlinnye sochineniya [The works of Athanasius of Alexandria in the Slavic tradition. *Part I: Original works*], *Byzantinoslavica*, 2017, 1–2, pp. 3–29. (In Russ.)
8. MacRobert C.M. *The Textual Tradition of the Church Slavonic Psalter up to the Fifteenth Century.* Interpretation of the Bible. Proceedings of the International Symposium 18–20 September 1996. Ed. by J. Krašovec. Ljubljana-Shefield, 1998, pp. 921–942.
9. Makeeva I.I., Pichkhadze A.A. Bibleiskie tsitaty v drevnerusskoi «Pchele» [Biblical Quotationes in the Old Russian Melissa]. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka*. Ed. by A.M. Moldovan, V.V. Kalugin. Moscow, 2000, pp. 71–105. (In Russ.)
10. Naumov A. *Ideya — obraz — tekst. Issledovaniya po tserkovnoslavyanskoi literature* [Idea — Image — Text. Research on Church Slavonic Literature]. Moscow: Indrik, 2020, 248 p. (In Russ.)
11. Penkova P. Alegorichnata ekzegeza (pritochnoe bogoslovie) v slavyanskiya prevod na Poslanieto do Markelin za t"lkuvaneto na Psalmite [The Allegorical Exegesis (the Theology of Parables) in the Slavonic Translation of the Letter to Marcellinus on the Interpretation of the Psalms], *B"lgarska Akademiya na naukite. Izvestiya na Insti-*

tuta za b"lgarski ezik «Prof. Lyubomir Andreichin», 2023, XXXVI, pp. 233–260. DOI: 10.47810/PIBL.XXXVI.23.08 (In Bulg.)
12. Picchio R. Funktsiya bibleiskikh tematicheskikh klyuchei v literaturnom kode pravoslavnogo slavyanstva [The Function of Biblical Clues in the Literary Code of Slavia Orthodoxa]. *Slavia Orthodoxa: Literatura i yazyk*. Ed. by N.N. Zapol'skaya, V.V. Kalugin. Moscow: Znak, 2003, pp. 431–473. (In Russ.)
13. Pogorelov V. *Biblioteka Moskovskoi Sinodal'noi tipografii. Chast' pervaya — rukopisi. Vypusk tretii. Psaltyri* [Library of the Moscow Synodal Printing House. Part One — Manuscripts. Issue three. Psalms]. Moscow: Synodal Printing House, 1901, 175 p. (In Russ.)
14. Vereshchagin E.M. Priem parallelizma v psaltyri i vyyavlenie smyslovykh svyazei mezhdu slovami pervogo literaturnogo yazyka slavyan [Parallelism as a Device in the Psalter and Identification of Semantic Connections Between Words of the First Literary Language of the Slavs]. *Sovetskoe slavyanovedenie*, 1975, 2, pp. 60–72. (In Russ.)
15. Verner I.V. Variativnye sredstva grammaticheskogo parallelizma v tserkovnoslavyanskikh perevodakh Psaltyri XI–XVI vekov [Varying Means of Grammatical Parallelism in the Church Slavonic Translations of Psalms of the 11th-16th Centuries]. *Vestnik VolGU. Seriya 2. Yazykoznanie,* 2020, 6, pp. 1–12. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.1 (In Russ.)
16. Verner I.V. Ekzegeza v perevode Psaltyri 1552 g. Maksima Greka [Exegesis in the Translation of the Psalter of 1552 by Maximus the Greek]. *Studi Slavistici,* 2019/2, XVI, pp. 219–240. doi: 10.13128/Studi_Slavis-7485 (In Russ.)

Поступила в редакцию 28.05.2024
Принята к публикации 27.08.2024
Отредактирована 12.09.2024

Received 28.05.2024
Accepted 27.08.2024
Revised 12.09.2024

ОБ АВТОРЕ

Вернер Инна Вениаминовна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований славянской книжности Института славяноведения РАН; inna.verner@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Inna Verner — PhD, Associate Professor, Senior Researcher, Center for Interdisciplinary Research on Slavic Literacy, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; inna.verner@mail.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 94–110
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 5, pp. 94–110

ГРАММАТИЧЕСКИЙ РАЗБОР В «АЛФАВИТАРЕ РАДИ УЧЕНИЯ МАЛЫХ ДЕТЕЙ»: ВНЕДРЕНИЕ ГРАММАТИКИ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Инь Сюй

Пекинский университет, Пекин, КНР; yinxiuxy@pku.edu.cn

Аннотация: Данная статья посвящается анализу фрагмента «Алфавитара ради учения малых детей» — греко-славянского букваря, дошедшего до нас в четырех списках конца XVII — начала XVIII вв. Рассматриваемая часть представляет собой морфологический разбор перевода одной из басен Эзопа на церковнославянский язык, состоящей приблизительно из ста слов, и во многом напоминает толкование молитв во втором и третьем изданиях грамматики Мелетия Смотрицкого. Нами был проведен всесторонний анализ каждой статьи этого разбора из соответствующих списков Алфавитара, что позволило увидеть, как именно грамматический инструментарий, предложенный Мелетием Смотрицким, внедрялся в учебный материал и какие изменения в разные списки были внесены редактором в соответствии с требованиями реальной практики. Вместе с тем особое внимание в исследовании уделяется сопоставлению в разных аспектах данного фрагмента с тремя изданиями грамматики Мелетия Смотрицкого и рядом других источников того времени. Выявленные нами особенности анализируемой части Алфавитара заключаются в порядке изложения информации, грамматической и орфографической кодификации, а также тщательном разборе терминов, что свидетельствует о высоком уровне владения автором букваря грамматическим материалом и продуманном использовании модели описания Мелетия Смотрицкого. Существенная структурная близость с грамматических разбором, представленным в третьем издании грамматики Мелетия Смотрицкого, и другими сочинениями Ф. Поликарпова подтверждает предложенный в конце прошлого века тезис о том, какую важную роль сыграл анализируемый в данной работе букварь в оформлении концепции грамматической кодификации Ф. Поликарпова.

Ключевые слова: славянская грамматическая традиция; история русского языка; церковнославянский язык; грамматика Смотрицкого; грамматический разбор

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного фонда социальных наук КНР (проект № 21CYY048).

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-8

© Инь Сюй, 2024

Для цитирования: *Инь Сюй*. Грамматический разбор в «Алфавитаре ради учения малых детей»: внедрение грамматики в учебный процесс // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 94–110.

GRAMMATICAL ANALYSIS IN THE "ALFAVITAR RADI UCHENIYA MALYH DETEJ": THE APPLICATION OF GRAMMAR IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Yin Xu

Peking University, Beijing, People's Republic of China; yinxuxy@pku.edu.cn

Abstract: This article is devoted to an in-depth analysis of a fragment from the "Alfavitar radi ucheniya malyh detej" — a Greco-Slavic primer preserved in four manuscripts from the late 17th to early 18th centuries. The fragment under consideration is a morphological analysis of the translation of one of Aesop's fables into Church Slavonic, consisting of approximately one hundred words, and it resembles the grammatical interpretation of prayers found in the second and third editions of Meletij Smotrytsky's grammar. A comprehensive study of each article of this analysis from the corresponding manuscripts of the Alfavitar was conducted, which allowed for the identification of how the grammatical tools proposed by Smotrytsky were incorporated into the educational material and how editors modified these tools in different manuscripts according to the educational needs of the time. Special attention is paid to comparing this fragment with the three editions of Smotrytsky's grammar and other contemporary sources, providing a deeper understanding of the adaptation and development process of grammatical ideas across different editions. The identified features include the order of information presentation, the codification of grammatical and orthographic norms, and the meticulous analysis of terms, all of which demonstrate the high level of grammatical proficiency of the author. The structural similarity between the grammatical analysis in the Alfavitar and the third edition of Smotrytsky's grammar, as well as the other works of F. Polikarpov, confirms the significant role of this primer in shaping the concept of grammatical codification of F. Polikarpov.

Keywords: Slavic grammatical tradition; history of the Russian language; Church Slavonic; Smotrytsky's grammar; grammatical analysis

For citation: Yin Xu. (2024) Grammatical Analysis in the "Alfavitar radi ucheniya malyh detej": The Application of Grammar in the Educational Process. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 5, pp. 94–110.

1. Букварь греко-славянский, подготовленный к изданию М.К. Брагоне под названием «Алфавитар ради учения малых детей», — одно из важнейших учебных пособий Славяно-греко-латинской академии, первый этап в освоении славянского и греческого языков. В настоящее время известны всего 4 списка этого учебника, которые относятся к концу XVII — началу XVIII вв.: а) БАН, Архан-

гельское собрание, Библиотека Духовной Семинарии, № 211, далее БАН-Арх [изд.: Bragone 2008]; б) РГБ, ф. 173.1 (собрание Московской духовной академии), № 108, далее РГБ-МДА; в) РГБ, ф. 299 (собрание Н. С. Тихонравова), № 487, далее РГБ-Тих; г) РНБ, ф. 728 (Библиотека Новгородского Софийского Собора), № 1208, далее РНБ-Соф. Полное название книги может быть прочитано, например, во втором из списков как «**Кни́га а҃лфави́та є҃лли҃нослове́нскагѡ, ка́кѡ внача́лѣ творцꙋ̀ своемꙋ̀ и҃ бг҃ꙋ̀ хвалꙋ̀ приноси́ти. и҃ ѡ҃ гражда҆ⷭ҆ствѣ всѧ́кихъ и҃скꙋ́сныхъ оу҃чи́телныхъ вещє҃ чл҃ческїѧ жи́зни сеѧ̀, и҃ всѧкихъ поведе́нїй оу҃чтивы҃х во҃ всѧ́кихъ и҃скꙋ́сныхъ постꙋ́пкахъ. и҃ како́е ꙋ́че́нїе дѣ́темъ и҃ ю҃ношамъ и҃мѣ́ти досто́итъ: и҃ про́чаѧ**» (РГБ-МДА, л. 4).

Первое полное описание данного букваря было сделано Д. Извековым, выдвинувшим в своей статье предположение о том, что авторство пособия принадлежит братьям Лихудам [Извеков 1872: 737]. Опровергнув эту точку зрения, Е.Э. Бабаева [Бабаева 1991/92: 109] высказала мнение, согласно которому составителем Алфавитара является Евфимий Чудовский, что подкрепляется и проведенным позднее исследованием М.К. Брагоне [Брагоне 2008: 21–22]. Последующий анализ грамматической части букваря позволяет И.А. Подтергере переосмыслить и синтезировать взгляды предшественников и доказать, что концепция букваря принадлежит Иоанникию и Софронию Лихудам. Вместе с тем нельзя исключить и возможность участия Евфимия Чудовского в составлении Алфавитара: вероятно, он мог обеспечивать доступ к славянским материалам, а также быть переводчиком текста на русско-церковнославянский язык [Подтергера 2015: 278–279].

В данном букваре содержится обширный учебный материал, значительная часть которого посвящена вопросам грамматики. Для изучения истории славяно-русской грамматической мысли, помимо собственно грамматической части пособия, тщательно изученной И.А. Подтергерой [Подтергера 2015] в текстологическом, лингвистическом и источниковедческом аспектах, крайне ценным оказывается и фрагмент «**и҃спыта́нїе є҃тꙋ̑мологі́и, и҃ли҃ хꙋ́дожествосло́вїе, си́есть по҃ ча́стемъ сло́ва раздѣле́нїе**» (БАН-Арх, л. 69), содержащий в себе морфологический разбор текста перевода на церковнославянский язык одной из басен Эзопа «**ѡ҃ сн҃ѣ и҃ ма́тери**» (БАН-Арх, л. 68об.), состоящей приблизительно из ста слов. Указанный фрагмент фиксируется в трех списках: БАН-Арх (л. 69–77, изд.: Bragone 2008: 109–118), РГБ-МДА (л. 59об.–72об.), РГБ-Тих (л. 57об.–л. 65). Далее для структурного анализа в основном будет использоваться материал из списка БАН-Арх, включающего в себя наиболее полную грамматическую информацию.

Рассматриваемая часть во многом напоминает пассажи в изданиях грамматики М. Смотрицкого 1648 и 1721 гг. (далее Г1648 и Г1721), в которых представлен грамматический комментарий текста основных молитв «Царю небесный» и «Отче наш», ср., например:

Таблица 1

БАН-Арх (л. 69)	**ѣ҃чи́лища**] **и҃мѧ нарица́телное сѹщетви́телное, втора́гѡ клоне́нїѧ, ро́да среднегѡ, паде́жа роди́телнагѡ. числа̀ е҆ди́нственнагѡ. И҃мени́телный паде́жъ, то́е ѣ҃чи́лище.**
Г1648 (л. 375об.)	**А҃ПЛЪ, Ча́сть пе́рвам, и҃мѧ нарица́телное ѿ неѹравнѧ́емыхъ. ро́да моу́жескагѡ. ви́да первообра́знагѡ. числа̀ е҆ди́нственнагѡ. начерта́нїѧ проста́гѡ. паде́жа пра́вагѡ. склоне́нїѧ втора́гѡ.**
Г1721 (л. 273 об.)	**НЕБЕСЕ҃ХЪ Ко́ем ча́сти сло́ва; И҃мене: Ка́кѡ нарещи́сѧ мо́же҃ сїе и҃мѧ; Нарица́телное ѿ неѹравнѧ́емыхъ. Ко́егѡ ро́да; Сре́днягѡ. Ко́егѡ ви́да; Первообра́знагѡ. Ко́егѡ числа̀; Мно́жественнагѡ. Ко́егѡ начерта́нїѧ; Проста́гѡ. Ко́егѡ паде́жа; сказа́телнагѡ. Ко́егѡ склоне́нїѧ; Втора́гѡ. Ка́кѡ склана́ется; А҃́коже сло́во и҃лѝ словесо̀. И҃мен: то́е нб҃о. и҃лѝ небесо̀, Ро̂: тогѡ̀ небесѐ, и҃ прⷱча́м ли́стъ ми́ на ѿ҃:**

Сравнительный анализ упомянутых руководств и других грамматических пособий по церковнославянскому языку позволяет нам увидеть, как грамматический инструментарий, предложенный М. Смотрицким, внедрялся в реальный учебный процесс.

2. Исследуемый фрагмент букваря образуют четко структурированные, небольшие по размеру статьи, в которых содержится морфологический анализ слов из текста басни. Как показано в таблице выше, в начале каждой статьи приводится анализируемое слово, которое выделяется правой квадратной скобкой. Далее следует описательная часть, в которой дается грамматическая и словообразовательная информация по перечню «категорий», заданному в грамматике М. Смотрицкого.

Помимо анализа выделенных слов, автор может указывать его неполную словоизменительную парадигму: для имен существительных характерно гнездо из форм падежей единственного числа, например: **сме́рть**] ... **И҃мени́телный и҆ вини́телный паде́жъ сме́рть, роди́телный и҆ да́телный и҆ сказа́телный сме́рти. твори́телный сме́ртїю** (БАН-Арх, л. 71об.); для отдельных прилагательных и наречий — гнездо из форм разных степеней сравнения, например: **вы́шшаѧ**] ... **положи́телный степе́нь, ро́да мⷭ́жескагѡ, бо́лїй** (in marg.: **бе́лїй**), **разсⷭ́ди́телный вы́шшїй. Превосходи́телный, велича́йшїй** (БАН-Арх, л. 71), **ско́рш**] ... **разсⷭ́ди́телный степень, ско́р-**

ше. превосходи́телный, скорѣ́йше (БАН-Арх, л. 73); для глаголов и причастий — гнездо из глагольных форм первого лица разных времен, например: **нача̀**] … **Пе́рвагѡ лица̀, настоя́щагѡ вре́мене, начина́ю, бꙋ́дꙋщагѡ начнꙋ́, преходя́щагѡ нача́**, **прише́дшагѡ начина́хъ** (БАН-Арх, л. 70 об.), **ѥ̑мсѧ**] … **ѿ гла́ настоя́щагѡ ѥ̑млю́сѧ. прише́дшее ѧ̑хсѧ, и̑лѝ ѧ̑тъ выхъ** (БАН-Арх, л. 71). Такой подход введения грамматической информации находит аналог в Г1721, переизданной Ф. Поликарповым — одним из выдающихся учеников Славяно-греко-латинской академии, в которой в качестве учебника мог использоваться Алфавитар. В связи с этим можно с большой вероятностью говорить о влиянии букваря на развитие редакторских идей Ф. Поликарпова.

Каждая статья снабжена номером: если слово встречается в тексте несколько раз, подробный анализ приводится только для первого упоминания, а затем к этой статье делается отсылка, например: **жѐ**] **сою́зъ по̂лага́телный соплета́телны҃. і҃ — жѐ**] **зрѝ вы́ше числом і҃** (БАН-Арх, л. 70, 71).

Рассмотрим внимательнее структуру статей и их содержание. В текст басни входят слова следующих частей речи, кодифицированных в первых грамматиках церковнославянского языка: имя (всего 30 словоформ), местоимение (всего 10), глагол (16), причастие (11), наречие (11), предлог (7) и союз (16). Анализируя только данный фрагмент, трудно судить, на какое издание грамматики М. Смотрицкого опирается автор. Необходимую информацию можно найти в предшествующей грамматической части: здесь список частей речи пополняется восьмым членом — междометием, что говорит о том, что автор букваря использует схему, предложенную самим М. Смотрицким в издании 1619 г. (далее Г1619), ср. перечень частей речи в обеих работах: Алфавитар: **И́мѧ. мѣ́стоиме́нїе, гла́ъ, Прича́стїе, Нарѣ́чїе, Предло́гъ, сою́зъ, междоме́тїе**. (БАН-Арх, л. 20об.); Г1619: **Имѧ̀: Мѣ́стоиме́нїе: Глаго́лъ: Прича́стїе: Нарѣ́чїе: Пре̂ло́гъ: Сою́зъ: Междоме́тїе**. (л. 20).

Приведем перечень грамматических и словообразовательных категорий для каждой части речи. Так, имена существительные обычно рассматриваются с учетом таких 4 параметров, как клонение, род, падеж, число, например: **мт҃ри**] **и́мѧ нарица́телное тре́тегѡ клоне́нїѧ, ро́да же́нскагѡ, паде́жа да́телнагѡ, числа̀ ѐди́нственнагѡ**... (БАН-Арх, л. 70). При анализе отдельных существительных может фиксироваться и категория вида, например: **дꙗ̑и́цꙋ** (in marg.: **кн҃и́ж**)] **и́мѧ нарица́телное, пе́рвагѡ клоне́нїѧ, ро́да же́нскагѡ, ви́да ѕмали́телнагѡ. паде́жа вини́телнагѡ, числа̀ ѐди́нствѣ̈нагѡ** ... (БАН-Арх, л. 69об.). Список категорий имени прилагательного может быть расширен за счет уравнения и степени: **вы́шшаѧ**] **и́мѧ при-**

лага́телное, ѹравне́нїѧ непра́вилнагѡ, степе́не разсѹди́телнагѡ, клоне́нїѧ па́тагѡ, ро́да сре́днегѡ, паде́жа вини́телнагѡ. числа мно́жественнагѡ. ... (БАН-Арх, л. 70 об.).

Анализ местоимения может строиться с учетом 7 «последующих»: клонение, род, лицо, число, падеж, качество или знаменование, вид, например: тѣ́й] мѣстоиме́нїе, четве́ртагѡ клоне́нїѧ, ро́да же́нскагѡ, лица̀ тре́тегѡ. числа̀ є̂ди́нственнагѡ, паде́жа да́телнагѡ. знаменова́нїѧ притѧжа́телнагѡ. ви́да первообра́знагѡ (БАН-Арх, л. 69–69об.).

Личная форма глагола характеризуется списком из 6 пунктов: наклонение, время, залог, супружество (в списке БАН-Арх: сопружество), лицо, число, например: ѿвожда́шесѧ] гл҃ъ ... наклоне́нїѧ и҆зъяви́телнагѡ, вре́мене преше́дшагѡ. зало́га страда́телнагѡ, сопрѹ́жества пе́рвагѡ (in marg.: второ҃), лица̀ тре́тегѡ, числа̀ є̂ди́нственнагѡ (БАН-Арх, л. 71–71об.). Для инфинитива количество категорий сокращается до 3, при этом указывается соответствующая форма первого лица единственного числа настоящего времени как начальная, например: кра́сти] гл҃ъ наклоне́нїѧ неѡбъяви́телнагѡ, зало́га дѣйстви́телнагѡ, сопрѹ́жества пе́рвагѡ, ѿ є̂же кра́дѹ (БАН-Арх, л. 71–71об.).

Анализируя причастия, автор, помимо упомянутых в грамматике Смотрицкого категорий (время, залог, род, число, падеж), учитывает также супружество и лицо — в зависимости от производящего глагола и контекста: ѿ҆звившей] причаⷭ́тїе зало́га дѣйстви́телнагѡ, вре́мене преше́дшагѡ, второ́агѡ сопрѹ́жества, лица̀ третегѡ, ро́да же́нскагѡ, числа̀ є̂динственнагѡ, паде́жа да́телнагѡ. (БАН-Арх, л. 70). В этом примере форма ѿ҆звившей образована от слова ѿ҆звити, которое относится ко второму типу спряжения. По контексту: «… принесѐ ма́тери, тѣ́й же нѐ ѿ҆звившей, па́че ѹ҆бѡ прїе́мшей...» — можно узнать, что обозначенное действие принадлежит матери, т. е. третьему лицу.

При разборе сложного слова или слова с префиксом автор учитывает категорию начертания и по возможности демонстрирует его словообразовательные особенности: соу҃ченика̀] и҆́мѧ нарица́телное сѹществи́телное, начерта́нїѧ сло́жнагѡ, сложе́нное и҆́з предло́га со и҆̀ и҆́мене соу҃ченика̀. Второ́агѡ клоне́нїѧ, ро́да мѹ́жескагѡ, паде́жа роди́телнагѡ, числа̀ є̂ди́нственнагѡ...; самота́тствѣ] и҆́мѧ нарица́телное, начерта́нїѧ сло́жнагѡ: ро́да сре́днегѡ. сложе́нное и҆̀ мѣстоиме́нїѧ са́мо и҆̀ и҆́мене та́тство. клоне́нїѧ тре́тегѡ: паде́жа сказа́телнагѡ; нѣ́кая] мѣстоиме́нїе ви́да первообра́знагѡ, ка́чества, и҆́лѝ знаменова́нїѧ ѹказа́телнагѡ, ро́да сре́днегѡ, числа̀ мно́жественнагѡ, начерта́нїѧ сло́жнагѡ, лица тре́тегѡ, клоне́нїѧ четве́ртагѡ, паде́жа вини́телнагѡ. є̂го́же имени́теленъ, простое,

кое: сло́жное, нѣ́кое; ѿвожда́шеся] гл҃ъ сло́жный и҃ предло́га, ѿ: и҃ гла́, веду́ся. наклоне́нїѧ и҃зави́телнагѡ, вре́мене проше́дшагѡ. зало́га страда́телнагѡ, сопру́жества второгѡ, лица҃ тре́тегѡ, числа҃ е҆ди́нственнагѡ (БАН-Арх, л. 69–69об., 71–71об., 72об.). Для простых слов эта категория не является актуальной и лишь в единичных случаях упоминается в анализе: ѻ҆нъ] мѣ́стоиме́нїе ви́да первовобра́знагѡ, знаменова́нїѧ ѹ҆каза́телнагѡ, ро́да мужескагѡ, числа҃ е҆ди́нственнагѡ, начерта́нїѧ проста́гѡ, лица҃ тре́тегѡ, клоне́нїѧ втора́гѡ, паде́жа и҃мени́телнагѡ (БАН-Арх, л. 72).

Иногда указанное выше количество категорий не выдерживается: так, в разборе слова самота́тствѣ (см. выше) не упоминается число. Для слов остальных частей речи (преимущественно неизменяемых) объем грамматической информации оказывается небольшим, например: и҃з҃] предло́гъ: сочина́ется с҃ паде́же́ роди́тельны́; же] сою́зъ по҆лага́тельный соплета́тельны҃; нѐ] нарѣ́чїе ѿрица́телное (БАН-Арх, л. 69, 70).

В двух изданиях грамматики М. Смотрицкого грамматический разбор проводится четко по тому порядку категорий, которым руководствуется автор при подаче материала в описательной части, ср., например:

Таблица 2

Г1648	Послѣ́дующїѧ и҃мени се́дмь. ①оу҆равне́нїе. ②ро́дъ. ③ви́дъ. ④число҃. ⑤начерта́нїе. ⑥паде́жь: и҃ ⑦склоне́нїе (л. 79)	цр҃твїе: ча́сть пе́рваѧ, и҃мѧ нарица́тельное ①не оу҆равне́мыхъ. ②ро́да сре́днагѡ, ③ви́да первобра́знагѡ. ④числа҃ е҆ди́нственнагѡ, ⑤начерта́нїѧ проста́гѡ, ⑥паде́жа пра́вагѡ, ⑦склоне́нїѧ втора́гѡ. (л. 381об.–382)
Г1721	Послѣ́дующїѧ и҃мени се́дмь, ①Оу҆равне́нїе: ②Ро́дъ: ③Ви́дъ: ④Число҃: ⑤Начерта́нїе: ⑥Паде́жь: и҃ ⑦Склоне́нїе. (л. 17об.)	И҃МѦ Ко́ем ча́сти сло́ва; Пе́рвыѧ ча́сти сло́ва, и҃мѧ нарица́телное ѿ ①неу҆равне́мыхъ. ②Ро́да сре́днагѡ, ③ви́да первообра́знагѡ. ④числа҃ е҆ди́нственнагѡ, ⑤начерта́нїѧ проста́гѡ. ⑥паде́жа и҃мени́телнагѡ, ⑦склоне́нїѧ втора́гѡ. … (л. 274)

Создатель греко-славянского букваря, напротив, прибегает к более свободному принципу организации: после определения частеречной принадлежности порядок введения информации может варьироваться, что особенно ярко прослеживается в описании глаголов и причастий, ср., например:

Таблица 3

глагол: ①наклонение ②время ③залог ④супружество ⑤лицо ⑥число	**нача҆] гл҃ъ, ①наклоне́нїѧ и҆̑зъ́ви́телнагѡ, ②вре́мене преше́дшагѡ, ③зало́га дѣ́йстви́телнагѡ, ④сопрꙋ́жества пе́рвагѡ, ⑤лица҆ тре́тегѡ, ⑥числа҆ є҆ди́нственнагѡ.** (БАН-Арх, л. 70об.)
	нече́ствоваше] гл҃ъ ли́чный, ④сопрꙋ́жества пе́рвагѡ, ③зало́га дѣ́йстви́телнагѡ, ①наклоне́нїѧ и҆̑зъ́ви́телнагѡ. ②вре́мене. преше́дшагѡ, ⑥числа҆ є҆ди́нственнагѡ, ⑤лица҆ тре́тегѡ. (БАН-Арх, л. 74об.)
	а҆лме́тъ] гл҃ъ ли́чный, ④сопрꙋ́жества пе́рвагѡ, ①наклоне́нїѧ а҆̑ви́телнагѡ, ③зало́га дѣ́ствительнагѡ, ②вре́мене. преше́дшагѡ, ⑤лица҆ тре́тегѡ, ⑥числа҆ є҆ди́нственнагѡ. (БАН-Арх, л. 76)
причастие: ①время ②залог ③супружество ④лицо ⑤род ⑥число ⑦падеж	**ꙋ҆кра́дъ] дѣеприча́стїе ①преше́дшагѡ вре́мене, ②зало́га дѣ́йстви́телнагѡ, ④лица҆ тре́тегѡ. ѿ гл҃а ③сопрꙋ́жества пе́рвагѡ.** (БАН-Арх, л. 69об.)
	а҆́звившей] прича́стїе ②зало́га дѣ́йстви́телнагѡ, ①вре́мене преше́дшагѡ, ③втора́гѡ сопрꙋ́жества, ④лица҆ третегѡ, ⑤ро́да же́нскагѡ, ⑥числа҆ є҆динственнагѡ, ⑦паде́жа да́тельнагѡ. (БАН-Арх, л. 70)
	веда́мъ] дѣ́е прича́стїе ②зало́га дѣ́йстви́телнагѡ, ⑤ро́да мꙋ́жескагѡ, ①вре́мене настоѧ́щагѡ, ⑥числа҆ є҆ди́нственнагѡ. ѿ гл҃а ③сопрꙋ́жества пе́рвагѡ … (БАН-Арх, л. 75об.)

При этом можно зафиксировать следующие закономерности в анализе имени и местоимения: а) автор ориентируется на принцип подачи материала по порядку категорий, который использовался в описании парадигмы в грамматике М. Смотрицкого. Из 21 статьи в 17 (не учитывая 9 статей со ссылкой **зри҆ вы́ше**) фиксируется следующий порядок: ① клонение, ② род, ③ падеж, ④ число, ср.:

Таблица 4

Пе́рвое Склоне́нїе:... → а: Мꙋ́жескїй/ Же́нскихъ/ Ѻ҆бщихъ/ и҆ Всѣ́хъ → и҆ме́нъ: ... И҆̑хъ же Роди́тельный на/ ы: Да́тельный и҆ → Ска҆а́тельный на/ ѣ... И мꙋ́жескихъ оу҆́бо Имени́тельный Вини́тѣ̑ный и҆ Зва́тельный дво́йствѣ̑нагѡ числа҆ → на/ ѣ... Г1619 (л. 32)	① клонение ② род ③ падеж ④ число	**времены҆] и҆мѧ ①клоне́нїѧ втора́гѡ, ②ро́да сре́днегѡ, ③паде́жа твори́телнагѡ, ④числа҆ мно́жественнагѡ...** (БАН-Арх, л. 70об.)
		ги́бели] и҆мѧ нарица́телное, ①клоне́нїѧ третегѡ, ②ро́да же́нскагѡ, ③паде́жа роди́телнагѡ, ④числа҆ є҆ди́нственнагѡ... (БАН-Арх, л. 75)
		слова́] и҆мѧ ①клоне́нїѧ па́тагѡ, ②ро́да сре́днегѡ, ③паде́жа вини́телнагѡ. ④числа҆ мно́жественнагѡ... (БАН-Арх, л. 76об.)

б) порядок категорий при описании местоимений практически соответствует перечню, представленному в грамматике Смотрицкого (возможно сокращение числа категорий), однако склонение может приводиться в любом месте, ср.:

Таблица 5

①ви́дъ ②ка́чество (=знаменованїѧ — Г1619, л. 97об.) ③ро́дъ ④число̀ ⑤начерта́нїе ⑥лицѐ ⑦паде́жь ⑧склоне́нїе (Г1648 л. 159= Г1619, л. 97)	ѻ҃нъ] мѣ́стоиме́нїе ①ви́да первообра́знагѡ, ②знаменова́нїѧ ѻ҃каза́телнагѡ, ③ро́да мѫ́жескагѡ, ④числа̀ е҆ди́нственнагѡ, ⑤начерта́нїѧ проста́гѡ, ⑥лица̀ тре́тегѡ, ⑧склоне́нїѧ второ́гѡ, ⑦паде́жа и҆мени́телнагѡ. (БАН-Арх, л. 72)
	мѧ̀] мѣ́стоиме́нїе ①ви́да первообра́знагѡ, ②ка́чества ѻ҃каза́телнагѡ, ④числа̀ е҆ди́нственнагѡ, ⑤начерта́нїѧ проста́гѡ, ⑥лица̀ пе́ргѡ, ⑦паде́жа и҆мени́телнагѡ, ⑧склоне́нїѧ второ́гѡ. (БАН-Арх, л. 75об.)
	сѝхъ] мѣ́стоиме́нїе, ⑧склоне́нїѧ четве́рта́гѡ, ①ви́да первообра́знагѡ. ②знаменова́нїѧ ѻ҃каза́телнагѡ, ④числа̀ мно́жественнагѡ: ⑦паде́жа роди́телнагѡ. (БАН-Арх, л. 75об.)

3. На основе приведенной составителем Алфавитара дополнительной словоизменительной информации можно частично реконструировать систему флексий существительного, которой руководствуется автор в ходе создания данного учебного пособия. Наше исследование показало, что описание автора в большинстве случаев соответствует системе, кодифицированной в грамматике Смотрицкого, ср.:

Таблица 6

Сущ. м. р. с исходом основы на твердый согласный.

Падеж	Алфавитар (БАН-Арх, л. 73об. = РГБ-МДА, л. 67–67об. = РГБ-Тих, л. 61об.)		Г1619 (л. 43об.), Г1648 (л. 106)	
	флексия ед.ч.	словоформа	флексия ед.ч.	словоформа
И	ъ	зѹ́бъ	ъ	ѩре́мъ
Р	а	зѹ́ба	а	ѩрма̀
Д	ѹ	зѹ́бѹ	ѹ	ѩрмѹ̀
В	ъ	зѹ́бъ	ъ	ѩре́мъ
З	є	зѹ́бе	є	ѩрме́
Т	омъ	зѹ́бомъ	омъ (Г1648 омь)	ѩрмо́мъ|омь
М	ѣ	зѹ́бѣ	ѣ	ѩрмѣ̀

Таблица 7

Сущ. ср. р. с исходом основы на твердый согласный

Падеж	Алфавитар (БАН-Арх, л. 73 = РГБ-МДА, л. 66об. = РГБ-Тих, л. 61)		Г1619 (л. 45), Г1648 (л. 108)	
	флексия ед. ч.	словоформа	флексия ед. ч.	словоформа
И	**о**	**ѹ҃сто**	**о**	**дре́во**
Р	**а**	**ѹ҃ста**	**а**	**дре́ва**
Д	**ѹ**	**ѹ҃стѹ**	**ѹ**	**дре́вѹ**
В	**о**	**ѹ҃сто**	**о**	**дре́во**
З	**о**	**ѹ҃сто**	**о**	**дре́во**
Т	**омъ**	**ѹ҃стомъ**	**омъ** (Г1648 **омь**)	**дре́вомъ|омь**
М	**ѣ**	**ѹ҃стѣ**	**ѣ**	**дре́вѣ**

Таблица 8

Сущ. ж. р. с окончанием ь в именительном падеже

Падеж	Алфавитар (БАН-Арх, л. 71об. = РГБ-МДА, л. 64 = РГБ-Тих, л. 59об.)		Г1619 (л. 45), Г1648 (л. 108)	
	флексия ед. ч.	словоформа	флексия ед. ч.	словоформа
И	**ь**	**сме́рть**	**ь**	**за́повѣдь**
Р	**и**	**сме́рти**	**и**	**за́повѣди**
Д	**и**	**сме́рти**	**и**	**за́повѣди**
В	**ь**	**сме́рть**	**ь**	**за́повѣдь**
Т	**їю**	**сме́ртїю**	**їю**	**за́повѣдїю**
М	**и**	**сме́рти**	**и**	**за́повѣди**

Основные расхождения с грамматикой Смотрицкого фиксируются исключительно в парадигме слов, которые относятся к склонению на согласный, что говорит о влиянии со стороны живого языка. Так, в списке РГБ-МДА вместо «**и**» приводится окончание «**ѣ**» для форм Д-М падежей единственного числа слова «**мати**»: Д=М ед. ч. **мт҃рѣ** (РГБ-МДА, л. 61) // **мт҃ри** (РГБ-Тих, л. 58) = **ма́тери** (Г1619, л. 60об. = Г1648, л. 121об.), ср. схожую правку в Г1648, отражающую процесс унификации склонения существительных под влиянием твердой разновидности в живой речи [Кузнецов 1958: 34]: Д ед. ч. **самаржны́ни** (Г1619, л. 40об.) → **самаржны́нѣ** (Г1648, л. 103). Во всех рукописях прослеживается утрата суффикса «**ес**» и сближение склонения слова «**ѹ҃хо**» с большинством существительных среднего рода, ср.: И ед. ч. **ѹ҃хо**, Р ед. ч. **ѹ҃ха**, Д ед. ч. **ѹ҃хѹ** … (БАН-Арх,

л. 72об.) // И ед. ч. **словесо́**: **и҆ли҆ сло́во**, Р ед. ч. **словесѣ̀**, Д ед. ч. **словеси҆** … (Г1619, л. 72об. = Г1648, л. 116). В списках БАН-Арх и РГБ-Тих в качестве формы родительного падежа слова «**о҆́трокъ**» дана форма с суффиксом «**ат**»: **о҆́трока́тѣ** (БАН-Арх, л. 72об., РГБ-Тих, л. 57об.), что может быть вызвано смешиванием парадигм семантически близких слов «**о҆́трокъ**» и «**о҆́трочѧ**». Кроме того, особый случай представляет собой форма именительного падежа множественного числа **паде́жи** (БАН-Арх, л. 72об., 73, 73об. = РГБ-МДА, л. 66, 66об., 67 = РГБ-Тих, л. 60об., 61, 61об.), что, вероятно, связано с правками **паде́же → паде́жи**, которые многократно встречаются в московском издании грамматики Смотрицкого [см. Кузьминова 2007: 566]. Расхождение с грамматикой Смотрицкого и разночтения между списками, на наш взгляд, отражают реальное использование букваря в педагогической практике того времени.

В глагольные парадигмы создатель букваря склонен не включать форму «мимошедшего времени», которая носит у М. Смотрицкого более искусственный характер [Мечковская 1984: 91]. Остальные формы в основном соответствуют механизму формообразования, предложенному в грамматике церковнославянского языка, ср.:

Таблица 9

	первое спряжение		второе спряжение	
время (БАН-Арх, л. 23–23об.)	Алфавитар (БАН-Арх, л. 69об.)	Г1619 (л. 121–121об.) = Г1648 (л. 185об.–186)	Алфавитар (БАН-Арх, л. 72)	Г1619 (л. 145об.–146) = Г1648 (л. 215об.–216)
настоя́щее	**кра́дꙋ**	**бі҆ю**	**молю**	**творю**
бꙋ́дꙋщее	**ѵ҆кра́дꙋ**	**побі҆ю**	**ѵ҆молю**	**сотворю**
преходя́щее	**крадо́хъ**	**бихъ**	**молихъ**	**творихъ**
прешє́дшее	**крадѫ́хъ**	**бі҆ѫхъ**	**молѫхъ**	**творѫхъ**
непредѣ́лное	**ѵ҆крадо́хъ**	**побихъ**		

Встречаются и случаи (3 из 14), где в приведенных 4 глагольных формах явно ощущается видовое противопоставление и в некоторой степени проявляются видовременные отношения в современном понимании: настоящее время образуется только от глагола несовершенного вида, а синтетическая форма будущего времени — от глагола совершенного вида, в то время как форму прошедшего времени могут образовать оба вида, ср.: **Пе́рвагѡ лица҆̀**, **настоя́щагѡ вре́мене**, **начина́ю**, **бꙋ́дꙋщагѡ начнꙋ́**, **преходя́щагѡ нача́**, **прешє́дшагѡ начина́хъ**. (БАН-Арх, л. 70об.); **вре́мене настоя́щагѡ**

прилага́ю, **бꙋ́дꙋщагѡ прилож҃**, **преходѧ́щагѡ приложи́хъ**, **пре-ше́дшагѡ прилага́хъ**. (БАН-Арх, л. 73–73об.); **Настоѧ́щее**, **лица҃ пе́рвагѡ ѩвлѧ́ю**. **бꙋ́дꙋщее**, **ѩвлю҃**. **преходѧ́щее**, **ѩви́хъ**. **преше́шее**, **ѩвлѧ́хъ**. (БАН-Арх, л. 76).

Как было отмечено выше, статья, в которой представлен анализ глагола, может сопровождаться включением неполной словоизменительной парадигмы, в целом соответствующей грамматике Смотрицкого. В связи с этим интересен тот факт, что в основной части анализа автор прибегает к совершенно иному принципу определения временного значения форм глаголов и относит почти все словоформы к «прешедшему» времени вне зависимости от интерпретации у Смотрицкого. Например, **принесѣ҃** (БАН-Арх, л. 69об.) должен быть глаголом «непредельного» времени, ср.: **Непредѣ́лное**: … **прочте́** (Г1619, л. 126 = Г1648 л. 191об.), а **рече҃** (БАН-Арх, л. 74об.) — глаголом «преходящего» времени, ср.: **Преходѧ́щее**. … **чте́** (Г1619, л. 125 = Г1648 л. 190об.). Похожее решение было принято автором и при анализе причастий: все формы прошедшего времени описываются как причастия «прешедшего» времени, однако, например, слово **ѩ҆звившей** (БАН-Арх, л. 70) из них должно относиться к «преходящему», ср.: **Преходѧ́шагѡ**... **Же҆**: **ѣ҆ди҆**: **твори́вшаѧ**: **твори́вшиѧ**: **шей** (Г1619, л. 149об. = Г1648 л. 220). Очевидное расхождение с кодификацией в грамматике Смотрицкого едва ли может привести нас к выводу о допущении в букваре большого количества ошибок. Обобщая все полученные факты об описании глаголов в Алфавитаре, мы можем, по-видимому, говорить о том, что у автора слово «прешедшее» может иметь двоякое значение: а) это одна из глагольных форм прошедшего времени, взятых из грамматики Смотрицкого; б) это общее название для всех форм прошедшего времени.

Ориентацию Алфавитара на грамматику Смотрицкого также подтверждает способ реализации в нем принципа антистиха, который понимается как принцип графико-орфографической дифференциации омонимичных форм в церковнославянском языке [Кузьминова 2001; Кузьминова 2011]. Для разграничения родительного и винительного падежей единственного числа прилагательных мужского рода М. Смотрицкий предлагает пользоваться парой оппозиционных графем **ѡ** — **о**: Р // В ед. ч. прил. м. р. **ст҃а́гѡ** — **ст҃а́го** (Г1619, 74об. = Г1648, 133об.). Написание **ѡ** в соответствующей форме прилагательного было реализовано в списках БАН-Арх и РГБ-Тих последовательно: **паде́жа твори́телнагѡ**, **числа҃ ѣ҆ди́ственнагѡ**, **вре́мене прше́дшагѡ** (БАН-Арх, л. 73об. = РГБ-Тих, л. 61об.). В списке РГБ-МДА переписчик отдает предпочтение употреблению **ѡ**, но при этом написание может варьироваться даже в одной статье: … **втора́гѡ склоне́нїѧ**, **ро́да сре́днагѡ**, **паде́жа роди́телнаго**, **числа҃**

ѐди́ственнагѡ… (РГБ-МДА, л. 60). Другим важным примером орфографической особенности может служить написание **ъ** в творительном падеже единственного числа существительных мужского и среднего рода: **числомъ**, **ѹ҃хомъ**, **ѹ҃стомъ**, **падежемъ**, **зѹ҃бомъ** (БАН-Арх, л. 72, 73, 73об. = РГБ-МДА, л. 64об., 66, 66об., 67–67об. = РГБ-Тих, л. 59, 61, 61об.). Такое употребление соответствует кодифицированному в грамматике 1619 г., но противоречит правилу, предложенному в ее московском издании, где в данной позиции предписывается применение **ь** из пары оппозиционных графем **ь** — **ъ** для разграничения Т ед. ч. // Д мн. ч. сущ. м., с. р., ср.: **древомъ̱** — **древ҃ѡ̃**, **свѣди́телемъ̱** — **свѣди́телемъ**, (Г1619, л. 45–45об., 65); **дре́вомь̱** — **древ҃о́мъ**, **свѣди́телемь̱** — **свѣди́телемъ** (Г1648, л. 108, 124об.–125).

4. Согласно идеям московских справщиков, отраженным во втором издании грамматики М. Смотрицкого, в грамматическом разборе предлагается возвращаться к осмочастной традиции, несмотря на то что она противоречит терминосистеме Смотрицкого [см. Кузьминова 2007: 555]. Однако автор букваря использует почти исключительно те же термины, что и М. Смотрицкий, ср., например, основные названия именных и глагольных категорий:

Таблица 10

Алфавитар (БАН-Арх, л. 23–23об., 69, 69об., 71, 71об., 76)	Г1619 (л. 25об., 30об., 31 об., 118об, 121)
род	
мѹ́жескагѡ	**мѹ́жескїй**
же́нскагѡ	**же́нскїй**
сре́днегѡ	**сре́днїй**
падеж	
и҆́мени́телный	**имени́тѣ́ный**
роди́телный	**роди́телный**
да́телный	**да́тѣ́ный**
вини́телный	**вини́тѣ́ный**
зва́телный	**зва́тѣ́ный**
твори́телный	**твори́тѣ́ный**
сказа́телный	**сказа́тѣ́ный**
число	
ѐдинственнагѡ	**единстве́нное**
мно́жественнагѡ	**множестве́нное**
залог	
дѣ́йстви́телнагѡ	**дѣ́йстви́телный**
страда́телнагѡ	**страда́телный**

Алфавитар (БАН-Арх, л. 23–23об., 69, 69об., 71, 71об., 76)	Г1619 (л. 25об., 30об., 31 об., 118об, 121)
время настоя́щее бу́дущее преходя́щее проше́дшее непредѣ́лное	 настоя́щее бу́дущее преходя́щее проше́дшее непредѣ́лное

Исключения отмечаются только в отдельных случаях. Так, во всех рукописях вместо ожидаемого термина «**спрѧже́нїе**» (Г1619, л. 123 = Г1648, л. 187об.) употребляется «супружество/сопружество» (**сꙋпрꙋ́жества** — РГБ-МДА, л. 60об. = РГБ-Тих, л. 58; **сопрꙋ́жества** — БАН-Арх, л. 69об.), заимствованное, очевидно, из грамматического канона «**О҃ ѡ҃смихъ ча́стѣхъ слова**», ср.: **сꙋпро́ꙋжьства** [цит. по: Ягич 1885–1895: 338]. В большинстве случаев автор пособия отдает предпочтение термину «клонение» (**клоне́нїѧ** — БАН-Арх, л. 70 = РГБ-МДА, л. 61 = РГБ-Тих, л. 58), аналог которого можно найти у Максима Грека, ср.: **ра́вносклáдно клоня́емы҃ и҃мень клоненїа́ соу҃ четы́ре** [цит. по: Ягич 1885–1895: 603]. Интересный случай представляет собой описание союзов «**же**», «**и**», «**но**», где составитель использует несвойственный грамматике Смотрицкого термин «**сплетателный**», являющийся калькой с греческого «συμπλεκτικός» (см. Краткая греческая грамматика и поэтика Лихудов. РГБ ф. 173.I № 333, л. 42), его славянский перевод можно фиксировать и в греко-славянской грамматике «Адельфотисе» (Львов, 1591), ср.: **Σоплѣтателныѧ** (л. 157).

Точность грамматического анализа показывает, что в этом плане автор букваря во многом превосходит московских справщиков грамматики М. Смотрицкого, допускающих немало ошибок в интерпретации словоформ [см. Кузьминова 2007: 595–599], что свидетельствует о высоком уровне освоения применяемого грамматического инструментария. Неадекватные трактовки появляются только в ограниченном количестве случаев: например, создатель пособия относит к имени «всякого рода» слово «**мꙋчи́тели**» (**мꙋчи́тели**] … **ро́да всѧ́каго** — БАН-Арх, л. 72), которое по рекомендации М. Смотрицкого должно быть охарактеризовано как форма «общего рода», ср.: Г1619: **О҃бщаго ро́да и҃мена сꙋ҃ть**: **Ꙗ҆же еди́ны҃ѧ҃ ѡ҃конча́нїем҆ мꙋ́женскїй и҃ же́нскїй полъ знаменꙋ́ю҃**: **ꙗ҆́ко, то́й и҃ та́ѧ … свѣ́дитель …и҃ про҃**. (л. 27об. = Г1648, л. 86). Другим примером может служить интерпретация слова страдательного залога «**ведо́мъ**»: по формальному признаку наличия/отсутствия -**ся** автор описывает его как форму действительного залога (**ведо́мъ**] … **за-**

ло́га дѣйстви́телнагѡ — БАН-Арх, л. 75об.). Ошибочное определение типа склонения зафиксировано в анализе формы «**самота́тствѣ**» (**самота́тствѣ**] … **клоне́нїѧ тре́тегѡ** — БАН-Арх, л. 71): в соответствии с правилом в грамматике Смотрицкого это слово должно относиться ко второму склонению.

Еще в анализе грамматической части «Алфавитара» И.А. Подтергерой [Подтергера 2014: 271] был выдвинут вопрос, привлекалось ли при составлении букваря параллельно с евьевским изданием грамматики М. Смотрицкого ее московское издание 1648 г. На наш взгляд, стоит говорить лишь о возможном влиянии данного издания на идею включения в букварь грамматического разбора текста. Однако почти полный отказ от идеи возвращения к осмочастной терминосистеме в аналогичной части издания 1648 г. и наличие специфических грамматических и орфографических особенностей обоих изданий (см. §3 употребление **и** в И мн. ч. сущ. **падежи** = Г1648, написание **ъ** в окончании Т ед. ч. сущ. м., ср. р. -**омъ** = Г1619) вновь заставляют задуматься, насколько актуален для автора данный текст.

Несмотря на все это, проведенный анализ показал, что исследуемый букварь нельзя упрекнуть в слепом подражании заданной в грамматике Смотрицкого системе, напротив, можно говорить о ее продуманном использовании в реальной учебной практике, на что указывает более свободный порядок изложения информации, переосмысление грамматической и орфографической системы в разных списках, высокий уровень владения грамматическим материалом, кодификация близких к живому языку явлений, а также тщательный подбор терминов. Вместе с тем наличие дополнительной грамматической информации и развитие идеи «грамматики-анализа» — от текста к ключевым правилам — указывают на существенную структурную близость с грамматическим разбором в Г1721 и последующими грамматическими сочинениями Ф. Поликарпова, что еще раз подтверждает предложенный Е.Э. Бабаевой [Бабаева 1991/1992; 2000] тезис о важной роли греко-славянского букваря в оформлении концепции грамматической кодификации Ф. Поликарпова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабаева Е.Э.* Об учебных пособиях в академии братьев Лихудов // Cyrillomethodianum. 1991–1992. № XV–XVI. С. 93–111.
2. *Бабаева Е.Э.* Федор Поликарпов. Технологїа. Искусство грамматики. СПб., 2000.
3. *Извеков Д.* Букварная система обучения в исходе XVII и начале XVIII столетий // Семья и школа. 1872. Кн. 2. № 4. С. 723–750.
4. *Кузнецов П.С.* У истоков русской грамматической мысли. М., 1958.

5. *Кузьминова Е.А.* Антистих // Православная энциклопедия. Т. II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 549–553.
6. *Кузьминова Е.А.* Комментарий // Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминовой. М., 2007. С. 495–601.
7. *Кузьминова Е.А.* Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2011. № 5. С. 36–55.
8. *Мечковская Н.Б.* Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984.
9. *Подтергера И.А.* Грамматическая часть в «Алфавитаре ради учения малых детей»: структура, содержание, источники // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 2 (5). С. 232–288.
10. *Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб., 1885–1895. С. 289–1023.
11. *Bragone M.C.* Alfavitar radi učenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento. Firenze, 2008. (= Biblioteca di Studi Slavistici. Bd. 6).

REFERENCES

1. Babaeva E.E. Ob uchebnyh posobiyah v akademii bratev Lihudov [On Educational Manuals in the Academy of the Likhud Brothers]. *Cyrillomethodianum*. 1991–1992. № XV–XVI, pp. 93–111. (In Russ.)
2. Babaeva E.E. *Fedor Polikarpov. Tehnologiya. Iskusstvo grammatiki* [Fedor Polikarpov. Tehnologiya. The Art of Grammar]. Saint-Petersburg, *INAPRESS*, 2000. 373 p. (In Russ.)
3. Izvekov D. Bukvarnaya sistema obucheniya v ishode XVII i nachale XVIII stoletij [The Primer System of Education at the End of the 17th and Beginning of the 18th Century]. In: *Sem'ya i shkola* [Family and School]. 1872. Kn. 2. № 4, pp. 723–750. (In Russ.)
4. Kuznecov P.S. *U istokov russkoj grammaticheskoj mysli* [At the Origins of Russian Grammatical Thought]. Moscow: *Izdatelstvo AN SSSR*, 1958. 76 p. (In Russ.)
5. Kuz'minova E.A. Antistih [Anti-verse]. *Pravoslavnaya enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. T. II. Moscow: *Cerkovno-nauchnyj centr Pravoslavnaya enciklopediya*, 2001, pp. 549–553. (In Russ.)
6. Kuz'minova E.A. Kommentarij [Commentary]. *Grammatika 1648 g.* [*Grammar of 1648*] / Predisl., nauch. Komment., podg. Teksta i sost. ukazatelej E. A. Kuz'minovoj. Moscow: *MAKS Press*, 2007, pp. 495–601. (In Russ.)
7. Kuz'minova E.A. Princip antistiha v slavyanskoj grammaticheskoj tradicii [The Principle of Anti-verse in the Slavic Grammatical Tradition]. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*. 2011. № 5, pp. 36–55. (In Russ.)
8. Mechkovskaya N.B. Rannie vostochnoslavyanskie grammatiki [Early East Slavic Grammars]. Minsk, *Izdatelstvo universitetskoe*, 1984. 159 p. (In Russ.)
9. Podtergera I.A. Grammaticheskaya chast v «Alfavitare radi ucheniya malyh detej»: struktura, soderzhanie, istochniki [The Grammatical Section in the "Alphabet Book for the Teaching of Small Children": Structure, Content, Sources]. In: *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [*Works of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language*]. 2015. № 2 (5), pp. 232–288. (In Russ.).
10. Yagich I.V. Rassuzhdeniya yuzhnoslavyanskoj i russkoj stariny o cerkovnoslavyanskom yazyke [Arguments of the South Slavic and Russian antiquity about the Church

Slavonic language]. In: *Issledovaniya po russkomu yazyku* [*Research on the Russian language*]. T. 1. Saint Petersburg, 1885–1895, pp. 289–1023. (In Russ.).
11. Bragone M.C. Alfavitar radi ucenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento. Firenze, 2008. 285 p. (= Biblioteca di Studi Slavistici. Bd. 6).

Поступила в редакцию 28.05.2024
Принята к публикации 27.08.2024
Отредактирована 12.09.2024

Received 28.05.2024
Accepted 27.08.2024
Revised 12.09.2024

ОБ АВТОРЕ

Инь Сюй — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка факультета русского языка и литературы Института иностранных языков Пекинского университета; yinxuxy@pku.edu.cn

ABOUT THE AUTHOR

Yin Xu — PhD, Associate Professor, Faculty of Russian Language, School of Foreign Languages, Peking University; yinxuxy@pku.edu.cn

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 111–128
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 5, pp. 111–128

СТАТЬИ

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ. ЧАСТЬ 2. КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА

А.А. Герасимова, Е.А. Лютикова, Л.И. Паско

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; anastasiagerasimova432@gmail.com, lyutikova2008@gmail.com, paskolada@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей распределения оценок приемлемости в суждениях носителей языка о вариативных грамматических феноменах, а именно вопросу о том, насколько согласованы между собой оценки, полученные в контексте синтаксического эксперимента. Предпринимается количественный анализ экспериментальных данных о четырех феноменах вариативности, которые отличаются ожидаемым распределением вариантов и типом грамматического взаимодействия. Количественная оценка проводится по двум параметрам: анализируются единодушие респондентов в языковой общности и индивидуальная последовательность респондентов.

Анализ экспериментальных данных показывает, что доступность в грамматике языка одного или нескольких вариантов определенной конструкции никак не коррелирует с параметрами согласованности. При этом фактическое распределение грамматических профилей носителей языка оказывается много сложнее, чем может следовать из обобщений, сделанных для всей совокупности участников эксперимента. Мы заключаем, что предложенные параметры согласованности играют не менее важную роль в распределении суждений о приемлемости, чем грамматические предикторы, а следовательно, они необходимы для моделирования языковой компетенции как в лингвистических теориях, так и в нейросетевых архитектурах. Выявленные характеристики приемлемости вариативных феноменов также позволят задать точку отсчета при анализе языковой компетенции нейросети и ее сравнении с языковой компетенцией человека.

Ключевые слова: грамматичность; суждения о приемлемости; согласованность; языковая компетенция; вариативность; нейронные сети; русский язык

Финансирование: Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-10 «Языковая компетенция носителей естественного языка и нейросетевых моделей».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-9

© Герасимова А.А., Лютикова Е.А., Паско Л.И., 2024

Для цитирования: *Герасимова А.А., Лютикова Е.А., Паско Л.И.* Языковая компетенция сквозь призму грамматической вариативности. Часть 2. Количественная оценка // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 111–128.

LINGUISTIC COMPETENCE THROUGH THE LENS OF GRAMMATICAL VARIATION. PART 2. QUANTITATIVE EVALUATION

A.A. Gerasimova, E.A. Lyutikova, L.I. Pasko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
anastasiagerasimova432@gmail.com, lyutikova2008@gmail.com,
paskolada@yandex.ru

Abstract: This paper discusses the distribution of acceptability ratings in native speakers' judgments about grammatical phenomena displaying variability with particular focus on the consistency of the data obtained in the context of a syntactic experiment. We conduct a quantitative analysis of experimental data on four phenomena that vary with respect to the expected distribution of variants and the type of grammatical interaction. The quantitative assessment includes two parameters: the agreement of respondents within the linguistic community and the individual consistency within an experimental trial.

The analysis shows that the availability of one or more variants of a certain construction in grammar does not correlate in any way with the consistency patterns. At the same time, the actual distribution of grammatical profiles of native speakers turns out to be much more complicated than it follows from the generalizations made for the entire population of participants in the experiment. We conclude that the proposed consistency parameters play no less important role in the distribution of judgments than grammatical predictors, and therefore are necessary for modeling linguistic competence both in linguistic theories and in neural network architectures. Finally, the identified characteristics of acceptability in the context of variation provide a baseline for the analysis of the linguistic competence of neural networks and its comparison with the linguistic competence of a human.

Keywords: grammaticality; acceptability judgments; consistency; language competence; variation; neural networks; Russian

Funding: This work was carried out with the support of MSU Program of Development, Project No 23-SCH02-10 "Linguistic Competence of Natural Language Speakers and Neural Network Models".

For citation: Gerasimova A.A., Lyutikova E.A., Pasko L.I. (2024) Linguistic Competence Through the Lens of Grammatical Variation. Part 2. Quantitative Evaluation. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 5, pp. 111–128.

1. Введение

Статья продолжает исследование основных характеристик приемлемости вариативных феноменов, которые могут использоваться в качестве точки отсчета в задаче сравнения языковых компетенций человека и нейросети. Первая часть работы [Герасимова, Лютикова, Паско 2024] обсуждает исходные теоретические положения исследования, в частности использование оценок приемлемости в качестве диагностик языковой компетенции, предлагает возможные количественные метрики, характеризующие согласованность респондентов в контексте синтаксического эксперимента, а также намечает типологию вариативных феноменов для задачи определения диапазона суждений, допустимых для человека.

При исследовании допустимых моделей согласованности предлагается использовать грамматические феномены, которые различаются уровнем вариативности: от однозначного выбора одного варианта в определенном грамматическом контексте до равной доступности пары грамматических вариантов. При изучении суждений носителей языка о вариативных феноменах мы предложили отказаться от абсолютных характеристик суждений, например, разброса оценок по шкале, средних и медианных показателей, поскольку они могут определяться частотными и признаковыми характеристиками конкретного языкового явления. Вместо этого было предложено оценить сам процесс выноса суждений носителями языка и исследовать параметр согласованности суждений о приемлемости, полученных в экспериментальном контексте (см. [Лютикова и др. 2022; Герасимова 2023: 2.4.4]).

Хотя модель грамматики предопределяет наши ожидания относительно единообразного языкового поведения внутри языкового сообщества, ситуации внутриязыковой вариативности допускают подвижность суждений носителей языка. Именно такого проявления языковой компетенции мы в идеале ожидаем и от нейросети: если языковой феномен характеризуется противоречивыми суждениями о приемлемости со стороны носителей языка, то и в случае нейросетей мы вправе ожидать несовпадающих суждений при различных итерациях запуска. Действительно, поскольку нейросетевая модель обучается на массиве текстов, в котором суммируются грамматические профили различных носителей и групп носителей, в поведении нейросети мы должны увидеть соответствующий разброс оценок или выбор вариантов. Отсюда следует возможная методика определения согласованности языковых компетенций человека и нейросети. Можно считать, что языковая компетенция нейросетевой модели отличается от таковой у носи-

телей языка, если суждения нейросети имеют качественно другие характеристики по сравнению с суждениями носителей языка: например, не отражают влияние факторов, предопределяющих вариативность, демонстрируют больший разброс в оценках, чем свойственно феномену в действительности, или напротив, предсказывают бинарное распределение оценок в противоположность градуальности суждений.

Итак, наша цель — изучить возможные распределения оценок приемлемости в суждениях носителей языка о вариативных грамматических феноменах. В данной статье мы проанализируем предварительно собранные экспериментальные данные о приемлемости с точки зрения согласованности суждений носителей языка. Будут проанализированы два аспекта согласованности: единодушие респондентов в языковой общности и индивидуальная последовательность отдельных носителей языка. Мы покажем, что вариативные феномены отличаются не только соотношением приемлемости доступных вариантов, но и степенью уверенности респондентов в приемлемости альтернатив. И если вывод первой характеристики в языковой модели возможен посредством оценки частотности одного из вариантов, то поиск коррелятов индивидуальной последовательности представляет собой отдельную нетривиальную задачу.

2. Рассматриваемые феномены

Для количественного анализа мы привлекли экспериментальные данные о четырех феноменах, ранее представленных в [Герасимова, Лютикова, Паско 2024]. В зависимости от уровня вариативности феномены разделяются на две группы: с высоким и низким уровнем варьирования. Из каждого эксперимента для анализа согласованности мы отобрали данные о паре экспериментальных условий. Обсудим подробнее соответствующие стимулы.

В качестве первого феномена, для которого характерна низкая вариативность, мы привлекаем **падежное варьирование в русских событийных номинализациях**. В экспериментальном исследовании [Pereltsvaig et al. 2018] противопоставляются генитив и инструменталис внешнего аргумента номинализации, при этом только генитивная форма считается грамматичной:

(1) a. *Это ювелирное изделие есть не что иное как подражание дилетанта/дилетантом мастеру.*
b. *Важным инструментом развития личности становится мечтание подростка/подростком о будущем.*

Далее мы обращаемся к **предикативному согласованию с сочиненным подлежащим, определяемым относительной клаузой**, которое предполагает однозначный выбор стратегии согласования в пользу множественного числа. Соответственно, в экспериментальном исследовании [Pasko 2023] были противопоставлены условия с согласованием матричного предиката по признакам единственного и множественного числа:

(2) a. *У беседки цветет/цветут роза и подсолнух, которые Аня поливала по вечерам.*
b. *На плите жарится/жарятся лук и морковка, которые Наташа принесла с рынка.*

К феноменам с высоким уровнем вариативности мы относим **предикативное согласование в относительных клаузах, определяющих личное местоимение**, где относительное местоимение *который* находится в позиции подлежащего. Из эксперимента [Лютикова 2023] мы берем для анализа стимулы с согласованием предиката вложенной клаузы по первому и третьему лицу:

(3) a. *Естественно, что мы, которые постоянно работаем/работают по ночам, хотим хорошо выспаться днем.*
b. *Удивительно, что я, который отлично разбираюсь/разбирается в технике, не могу починить стиральную машину.*

Также высокая вариативность характерна для **отрицательных конструкций с инфинитивными оборотами, содержащими отрицательное местоимение**, которые были экспериментально исследованы в работе [Lyutikova, Gerasimova 2023]. В случае данного феномена мы отдельно рассматриваем варьирование в контексте равносубъектных и разносубъектных инфинитивов. В ситуации равносубъектных инфинитивов нас интересуют экспериментальные условия, в которых противопоставляются следующие две позиции отрицательного местоимения: перед матричным предикатом и базовая позиция (4). Разносубъектные инфинитивы допускают положение отрицательного местоимения в позиции перед вложенным инфинитивом и в базовой позиции, поэтому будут анализироваться соответствующие стимулы (5).

(4) a. *Журналист (никому) не пробовал возражать (никому) в комментариях к статье.*
b. *Консультант (никому) не пробовал помогать (никому) в развитии бизнес-проекта.*

(5) a. *Чиновник не просил сотрудника (никому) отказывать (никому) в бюджетной поддержке.*
b. *Председатель не вынуждал ассистента (никому) аплодировать (никому) на партийном съезде.*

Основные характеристики экспериментов, результаты которых были использованы для анализа согласованности суждений о приемлемости представлены в табл. 1. В следующем разделе мы обсудим результаты применения метрик согласованности к представленному пулу вариативных феноменов и установим, насколько деление феноменов на две группы по уровню вариативности подтверждается контрольными характеристиками приемлемости.

Таблица 1

Характеристики экспериментов

Феномен (*группа феноменов*)	Противопоставляемые условия	Метод	Количество участников эксперимента	Количество наблюдений на условие от одного респондента	Публикация результатов
Падежное варьирование в русских событийных номинализациях (*низкая вариативность*)	Генитив vs инструменталис внешнего аргумента номинализации	Шкала Ликерта 1–5	73	6	[Pereltsvaig et al. 2018]
Согласование с сочиненным подлежащим с определительным придаточным (*низкая вариативность*)	Единственное vs множественное число предиката матричной клаузы	Шкала Ликерта 1–7	84	4	[Паско 2023]
Согласование в относительной клаузе с вершиной — личным местоимением 1-го лица (*высокая вариативность*)	Первое vs третье лицо предиката вложенной клаузы	Шкала Ликерта 1–7	76	5	—
Позиция отрицательного местоимения в конструкциях с равносубъектным инфинитивным оборотом (*высокая вариативность*)	Позиция перед матричным предикатом vs базовая позиция отрицательного местоимения	Шкала Ликерта 1–7	124	4	[Lyutikova, Gerasimova 2023]
Позиция отрицательного местоимения в конструкциях с разносубъектным инфинитивным оборотом (*высокая вариативность*)	Позиция перед вложенным инфинитивом vs базовая позиция отрицательного местоимения	Шкала Ликерта 1–7	124	4	[Lyutikova, Gerasimova 2023]

3. Анализ согласованности суждений

С точки зрения внешней согласованности наши ожидания о распределении вариантов подтвердились только частично (табл. 2). В случае событийных номинализаций действительно бóльшая часть респондентов предпочитала генитив инструменталису. Однако для феномена с частичным согласованием бóльшая часть респондентов не делали различий между конкурирующими вариантами. Для феноменов с высокой вариативностью, напротив, выделились группы респондентов, предпочитающих только один вариант из представленных, причем группы неслучайны: они составляют не менее 10 % от общей выборки.

Таблица 2

Анализ внешней согласованности респондентов

Феномен	Условие 1 > Условие 2	Условие 2 > Условие 1	Нет различий между условиями
Падежное варьирование в русских событийных номинализациях	GEN > INSTR	INSTR > GEN	GEN = INSTR
	66 (90,4 %)	0	7 (9,6 %)
Согласование с сочиненным подлежащим с определительным придаточным	SG > PL	PL > SG	SG = PL
	21 (25 %)	8 (9,5 %)	55 (65,5 %)
Согласование в относительной клаузе с вершиной — личным местоимением	1P > 3P	3P > 1P	1P = 3P
	8 (10,5 %)	13 (17,1 %)	55 (72,4 %)
Позиция отрицательного местоимения в конструкциях с равносубъектным инфинитивным оборотом	базовая > производная	производная > базовая	базовая = производная
	15 (11,9 %)	54 (42,9 %)	57 (45,2 %)
Позиция отрицательного местоимения в конструкциях с разносубъектным инфинитивным оборотом	базовая > производная	производная > базовая	базовая = производная
	18 (14,5 %)	25 (20,2 %)	81 (65,3 %)

При анализе последовательности респондентов мы будем выделять три уровня: высокий — при размере среднего стандартного отклонения до 1, средний — при попадании показателя в интервал от 1 до 2 баллов, и низкий — при среднем стандартном отклонении выше 2 баллов. Каждый феномен мы охарактеризуем с точки зрения того, какие уровни последовательности показывают респонденты: будем считать уровень действительным для феномена, если его показывают не менее 15 % от всей выборки. Как видно из табл. 3, исследуемые феномены характеризуются различными уровнями последователь-

ности. Высокую последовательность мы наблюдаем для падежного варьирования в номинализациях. Далее для согласовательных феноменов носители демонстрируют высокий и средний уровень последовательности. Наконец, в случае феноменов, связанных с порядком отрицательных местоимений, мы видим полностью задействованный диапазон варьирования с пиком на среднем уровне.

Таблица 3

Анализ последовательности респондентов

Феномен	Высокая	Средняя	Низкая
Падежное варьирование в русских событийных номинализациях	69 (94,5 %)	4 (5,5 %)	0 (0 %)
Согласование с сочиненным подлежащим с определительным придаточным	36 (42,9 %)	40 (47,6 %)	8 (9,5 %)
Согласование в относительной клаузе с вершиной — личным местоимением 1-го лица	27 (35,5 %)	47 (61,8 %)	2 (2,6 %)
Позиция отрицательного местоимения в конструкциях с равносубъектным инфинитивным оборотом	25 (19,8 %)	75 (59,5 %)	26 (20,6 %)
Позиция отрицательного местоимения в конструкциях с разносубъектным инфинитивным оборотом	31 (25 %)	72 (58,1 %)	21 (16,9 %)

В табл. 4 приведено распределение респондентов по последовательности в привязке к группам с точки зрения единодушия в предпочтениях. Наибольший интерес в этом отношении вызывают те респонденты, которые показывают низкий уровень последовательности. Как в случаях согласовательной вариативности, так и в конструкциях с инфинитивным оборотом большая часть таких респондентов не делает различий между альтернативными вариантами.

Таблица 4

Комбинированный анализ единодушия и индивидуальной последовательности респондентов

Последовательность	Условие 1 > Условие 2	Условие 2 > Условие 1	Нет различий между условиями
Падежное варьирование в русских событийных номинализациях	GEN > INSTR	INSTR > GEN	GEN = INSTR
высокая	65 (89 %)	0	4 (5,5 %)
средняя	1 (1,4 %)	0	3 (4,1 %)
низкая	0	0	0

Последовательность	Условие 1 > Условие 2	Условие 2 > Условие 1	Нет различий между условиями
Согласование с сочиненным подлежащим с определительным придаточным	SG > PL	PL > SG	SG = PL
высокая	8 (9,5 %)	6 (7,1 %)	22 (26,2 %)
средняя	13 (15,5 %)	2 (2,4 %)	25 (29,8 %)
низкая	0	0	8 (9,5 %)
Согласование в относительной клаузе с вершиной — личным местоимением	1P > 3P	3P > 1P	1P = 3P
высокая	2 (2,6 %)	4 (5,3 %)	21 (27,6 %)
средняя	6 (7,9 %)	9 (11,8 %)	32 (42,1 %)
низкая	0	0	2 (2,6 %)
Позиция отрицательного местоимения в конструкциях с равносубъектным инфинитивным оборотом	базовая > производная	производная > базовая	базовая = производная
высокая	4 (3,2 %)	13 (10,5 %)	8 (6,5 %)
средняя	9 (7,3 %)	36 (29 %)	30 (24,2 %)
низкая	2 (1,6 %)	5 (4 %)	17 (13,7 %)
Позиция отрицательного местоимения в конструкциях с разносубъектным инфинитивным оборотом	базовая > производная	производная > базовая	базовая = производная
высокая	9 (7,3 %)	6 (4,8 %)	16 (12,9 %)
средняя	8 (6,5 %)	18 (14,5 %)	46 (37,1 %)
низкая	1 (0,8 %)	1 (0,8 %)	19 (15,3 %)

Мы также проанализировали последовательность респондентов в отдельных экспериментальных условиях. Оказалось, что для феномена падежной вариативности в номинализациях ответы респондентов при подсчете стандартного отклонения отдельно для каждого условия характеризуются меньшей устойчивостью: последовательность снижается до среднего уровня. Так, в табл. 5 можно увидеть, что респонденты, предпочитающие генитив внешнего аргумента, при оценке генитива могут показывать как высокий, так и средний уровень последовательности (ср. с табл. 4 и соответствующим уровнем последовательности, посчитанным для обоих условий сразу). Для других феноменов подобных изменений не обнаружено. Такой результат для номинализаций объясняется тем, что для части респондентов оценка одного условия менее стабильна по

сравнению с оценкой другого условия, а среднее стандартное отклонение нивелирует подобные различия.

Таблица 5

Характеристика последовательности в отдельных экспериментальных условиях

Падежное варьирование в русских событийных номинализациях	(1) GEN > (2) INSTR		(2) INSTR > (1) GEN		(1) GEN = (2) INSTR	
	1	2	1	2	1	2
высокая	34 (23,3 %)	47 (32,2 %)	0	0	2 (1,4 %)	2 (1,4 %)
средняя	32 (21,9 %)	19 (13 %)	0	0	5 (3,4 %)	4 (2,7 %)
низкая	0	0	0	0	0	1 (0,7 %)

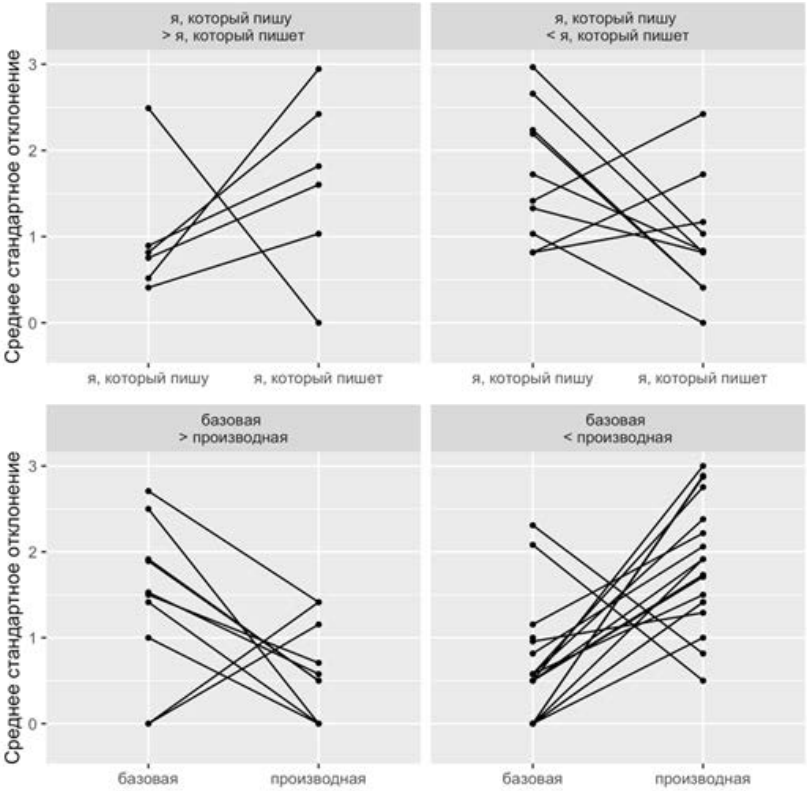

Рисунок 1. Соотношение последовательности респондентов в оценках для альтернативных вариантов. Вверху: согласование в относительной клаузе с вершиной — личным местоимением; внизу: позиция отрицательного местоимения в конструкциях с разносубъектным инфинитивным оборотом

4. Обсуждение

В статье мы ставили цель исследовать диапазон суждений о приемлемости вариативных феноменов с позиций внешней и внутренней согласованности данных. Необходимым предварительным условием для решения задачи по сравнению языковых компетенций человека и нейросети должно быть понимание того, каким в принципе может быть распределение оценок приемлемости. Мы привлекли экспериментальные данные по четырем явлениям вариативности, которые отличаются уровнем варьирования и типом грамматического взаимодействия, и проанализировали согласованность данных.

В результате исследования можно заключить, что четыре рассмотренных феномена демонстрируют широкий диапазон допустимых суждений о приемлемости. Обобщим основные характеристики суждений носителей языка, которые в дальнейшем можно будет использовать в качестве ориентира при анализе приемлемости в нейросетевой модели. Специфичность рассмотренных феноменов проявляется в неодинаковом распределении параметра внешней согласованности: в ситуации внутриязыковой вариативности выделяются группы респондентов с различными грамматическими предпочтениями. При этом для каждого из рассматриваемых феноменов выделяется одна основная группа респондентов, составляющая более 50 % выборки. Примечательно, что в трех случаях мы наблюдаем действительную вариативность: бóльшая часть респондентов не делает различий между условиями. Две другие группы оказываются противопоставлены друг другу и группе большинства.

Соотнесем распределение по внешней согласованности с основными тенденциями выборок. В случае падежного варьирования в событийных номинализациях ответы большей части респондентов соответствуют ожидаемому уровню вариативности и задают значимое различие между сравниваемыми условиями. Для согласования с сочиненным подлежащим с определительным придаточным наблюдается более высокий уровень вариативности, чем предсказывался в теории. Тем не менее, основная тенденция выборки задается группой большинства: различий между приемлемостью согласования по единственному и по множественному числу нет. Аналогично устроена ситуация с приемлемостью в случае согласования в относительной клаузе с вершиной — личным местоимением, хотя здесь наличие групп носителей с различными предпочтениями ожидаемо в отличие от предыдущих феноменов.

В конструкциях с инфинитивными оборотами вариативность также предсказывается на основании структурных обобщений, но

выражается в различном распределении оценок приемлемости. В обоих случаях различие между приемлемостью базовой и производной позиции значимо, и производная позиция оценивается значимо выше, чем базовая. Для конструкций с равносубъектными инфинитивными оборотами основную тенденцию выборки задает одна из групп респондентов с выраженным предпочтением варианта, хотя данная группа соразмерна группе респондентов, не делающих различия между условиями. Примечателен тот факт, что в случае конструкций с разносубъектными инфинитивами группа респондентов, которая последовательно ставит более высокие оценки предложениям с отрицательным местоимением в производной позиции, уступает в размерах группе респондентов, не различающих приемлемость двух альтернатив.

Таким образом, фактическое распределение грамматических профилей носителей языка оказывается много сложнее, чем может следовать из обобщений, сделанных для всей совокупности участников эксперимента. Наше исследование подтверждает обобщения работы [Герасимова, Лютикова 2021] о низком уровне единодушия среди носителей в контексте лингвистического эксперимента, посвященного вариативным феноменам.

Что касается внутренней согласованности, т. е. индивидуальной последовательности, обобщение [Герасимова, Лютикова 2021] о среднем уровне последовательности респондентов и размере среднего стандартного отклонения от 1 до 2 баллов для большей части респондентов подтверждается лишь частично. Контрпримером становится феномен падежной вариативности в номинализациях, для которого даже при подсчетах последовательности отдельно по условиям большинство респондентов демонстрируют высокий уровень последовательности. Причиной тому может быть меньшее количество доступных значений на шкале Ликерта 1–5 по сравнению со шкалой 1–7[1]. Однако ввиду того, что другие достоверные данные, которые могли бы подтвердить смещение оценок при изменении размерности шкал, отсутствуют, на текущий момент мы не можем составить однозначное заключение о роли этого фактора.

[1] В [Leung 2011] показано, что психометрические свойства шкал Ликерта с 4, 5, 6 и 11 делениями совпадают, в том числе совпадают основные характеристики распределения — средние и стандартные отклонения, хотя большее количество делений и снижает асимметрию распределения оценок. Учитывая это наблюдение, мы включаем в рассмотрение эксперимент со шкалой Ликерта 1–5. Кроме того, мы предполагаем, что носители пользуются шкалами приемлемости единообразно, ориентируясь главным образом на ярлыки, присвоенные числам, и допускают равную вариативность в оценках для одного условия вне зависимости от количества делений на шкале.

Для всех других рассмотренных феноменов, действительно, большинство участников эксперимента показывает средний уровень последовательности, однако не менее 40 % респондентов при этом характеризуются высокой или низкой последовательностью. Иными словами, мы видим существенную вариативность данного параметра при переходе от феномена к феномену. Теоретически ожидаемый уровень варьирования для грамматического явления также не является предиктором последовательности: из большей вариативности не обязательно следует меньшая уверенность в оценках. Так, для контекста относительной клаузы с вершиной — личным местоимением 1-го лица респонденты совсем не показывают низкого уровня последовательности, хотя в конструкциях с инфинитивными оборотами доля респондентов с низким уровнем последовательности достаточно велика.

Обратимся теперь к вопросу о связи единодушия респондентов с их индивидуальной последовательностью. Важный результат исследования состоит в том, что в группе, не делающей различия между вариантами, наблюдается самый низкий уровень последовательности. Вероятно, уверенность в оценке уменьшается, если в идиолекте носителя доступна альтернатива. При этом, однако, собственно распределение вариантов по приемлемости никак не коррелирует с большей или меньшей последовательностью респондента в оценках. Мы наблюдали как случай большей последовательности для (высоких оценок) более приемлемого варианта, так и большую уверенность в (низких) оценках менее приемлемой альтернативы.

Итак, однозначной корреляции между доступностью в грамматике языка одного или нескольких вариантов определенной конструкции и единодушием и последовательностью респондентов в оценках приемлемости не наблюдается. Феномены показывают различный уровень вариативности не только в отношении предпочтения одного из доступных вариантов, но и в отношении уверенности респондента в собственных предпочтениях.

Закономерно возникает вопрос о том, насколько исследованные параметры согласованности данных о приемлемости значимы для нейросетевых моделей языка. В отношении параметра единодушия мы можем ожидать, что языковые модели столкнутся с трудностями в ситуации вариативности, и это выразится в том, что в модели вероятностное предпочтение будет всегда отдаваться одному из двух возможных вариантов. Поскольку задача предсказания оценок приемлемости с помощью нейронных сетей ранее решалась только в бинарной разметке (см., например, [Warstadt et al. 2019]), доступный, но оцененный как менее вероятный вариант неизбежно получает статус

неграмматичного, что совсем не соответствует действительности. В свете проблемы моделирования грамматики результаты проведенного исследования подтверждают градуальный характер приемлемости и ставят под сомнение бинарно-категориальные архитектуры грамматики, которые не способны уловить сложное распределение приемлемости как с точки зрения единодушия респондентов, так и с точки зрения целостности грамматического представления одного индивида. Таким образом, языковая компетенция нейросетей также должна учитывать градуальность оценок приемлемости.

Отдельно стоит проблема неразличения уровня приемлемости в ситуации вариативности. Нейросетевые решения основываются на предварительном обучении на больших текстовых массивах. Приемлемость в контексте языковой модели при этом можно считать проекцией метрик частотности или вероятности появления определенного варианта в корпусе [Студеникина 2023]. Предположим, что грамматические альтернативы оказываются в равной степени маловероятными. Как показывает проведенный нами анализ оценок приемлемости, за общей тенденцией неразличения вариантов могут стоять разные причины. С одной стороны, возможно, что неразличение альтернативных вариантов свидетельствует о конкуренции групп носителей, имеющих различные грамматические предпочтения, причем основная тенденция выборки далеко не всегда совпадает с грамматическим профилем большей части носителей. С другой стороны, малая встречаемость в корпусе текстов, равно как и низкие или срединные оценки по шкале приемлемости, могут свидетельствовать о периферийном характере конструкции: вероятно, что подобные языковые выражения в целом следует рассматривать в контексте невыразимости (ср. *ineffability* [Pesetsky 1997]). Проблема состоит в том, что на текущем этапе развития больших языковых моделей отличить одну ситуацию от другой вряд ли возможно.

Обратимся теперь к параметру последовательности, который задает больший или меньший разброс оценок по шкале приемлемости. Чем выше последовательность, тем более однозначна оценка. Однако мы видим, что разные феномены характеризуются разными уровнями последовательности, а кроме того, разные уровни последовательности накладываются на разделение носителей по группам предпочтений. Встает вопрос о том, какие требования данный параметр может накладывать на нейросетевые модели. Мы предполагаем, что распределение носителей по индивидуальной последовательности в отношении феномена характеризует его статус через призму грамматических изменений. Поскольку избыточность кода ведет к спецификации отдельных вариантов, в конечном счете ожидается выбор только какой-то одной грамматической стратегии

в конкретном контексте. В то же время в синхронном аспекте последовательность в большей степени характеризует речь конкретного индивида. Нейросетевые архитектуры порождают тексты как некоторый обобщенный говорящий, в речи которого суммируются и ранжируются особенности всех текстов обучающего корпуса. Задача индивидуализации речи и имитации грамматического профиля носителя языка в настоящее время широко не ставится. Тем не менее, для решения такой задачи необходим учет диапазона речевых характеристик носителей языка, которые в том числе выражаются в разных уровнях последовательности.

Коррелятом оценок приемлемости в больших языковых моделях становятся метрики частотности или вероятности, посчитанные по большим корпусам текстов [Lau et al. 2017]. Поскольку и для учета параметра единодушия, и для учета параметра последовательности мы видим необходимость в индивидуализации языковых закономерностей, решением могло бы стать разделение текстов по авторству и отслеживание индивидуальных речевых характеристик. Такое решение могло бы приблизить языковую компетенцию нейросети к языковой компетенции человека.

Завершить статью мы хотели бы следующим вопросом: должна ли нейросеть в принципе рассматривать грамматические варианты как действительные альтернативы и подобно грамматике моделировать факторы, способствующие выбору того или иного варианта? Данный вопрос особенно актуален в свете разворачивающейся дискуссии об объяснительной силе больших языковых моделей, которые противопоставляются достижениям теоретической лингвистики вообще и генеративной грамматики в частности (см., напр., [Piantadosi 2023]). Сторонники апофеоза нейросетей предполагают, что вероятностно-статистический характер языковой модели достаточен сам по себе для моделирования языковой компетенции. Противники расширения технологий работы с текстом и речью до уровня лингвистических теорий исходят из того, что нейросетевые модели только подтверждают существование семантико-синтаксического интерфейса, но при этом не способны предоставить фундаментального понимания структуры языка (см. [Marcolli 2023]).

В связи с этой дискуссией мы можем отметить, что ни нейросетевые решения, ни лингвистические теории в настоящий момент никак не моделируют согласованность представлений о приемлемости в контексте вариативных феноменов. Фактически же параметры внешней и внутренней согласованности играют не менее важную роль в распределении суждений, чем грамматические предикторы, а следовательно, необходимы для моделирования языковой компетенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Герасимова А.А., Лютикова Е.А.* Лингвистический эксперимент на платформе Яндекс. Толока: оценка исследовательских возможностей // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2021. Vol. 78. № 1. P. 175–206.
2. *Герасимова А.А.* Количественные методы исследования грамматических ограничений (на материале вариативного согласования в русском языке): Дисс. … канд. филол. наук; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. М., 2023.
3. *Герасимова А.А, Лютикова Е.А., Паско Л.И.* Языковая компетенция сквозь призму грамматической вариативности. Часть 1. Теоретические и методологические соображения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 9–22.
4. *Лютикова Е.А., Герасимова А.А., Белова Д.Д., Студеникина К.А., Лютиков А.С.* Три аспекта непротиворечивости языковых данных: оценка и интерпретация // Интеллектуальные системы. Теория и приложения. 2022. Т. 26. № 1. С. 196–202.
5. *Студеникина К.А.* Parametrizing Number Variation in Russian Noun Phrases with Experimental Studies and Language Modeling // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2023. Vol. 9. №. 1. P. 192–205.
6. *Lau, J.H., Clark A., Lappin S.* Grammaticality, acceptability, and probability: A probabilistic view of linguistic knowledge // Cognitive Science. 2017. Vol. 41. № 5. P. 1201–1241.
7. *Leung S.O.* A Comparison of Psychometric Properties and Normality in 4-, 5-, 6-, and 11-point Likert scales // Journal of Social Service Research. 2011. Vol. 37, no. 4. P. 412–421.
8. *Marcolli M.* Public Address on Generative Linguistics. YouTube Lecture, 2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-gx3SK7FvKk (accessed : 23.10.2023).
9. *Pesetsky D.* Optimality Theory and Syntax: Movement and Pronunciation // Optimality Theory, an Overview / editors : D. Archangeli, D. T. Langendoen. Blackwell Publishers, 1997. P. 134–170.
10. *Piantadosi S.T.* Modern Language Models Refute Chomsky's Approach to Language. Ms., 2023. 45 p. URL: https://ling.auf.net/lingbuzz/007180.
11. *Warstadt A., Singh A., Bowman S.R.* Neural Network Acceptability Judgments // Transactions of the Association for Computational Linguistics (TACL). Cambridge, MA: MIT Press, 2019. P. 625–641.

REFERENCES

1. Gerasimova A.A., Lyutikova E.A. Lingvisticheskii eksperiment na platforme Yandeks. Toloka: otsenka issledovatel'skikh vozmozhnostei [A Linguistic Experiment on the Yandex.Toloka Crowdsourcing Platform: An Evaluation of Its Research Capacity]. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2021, vol. 78, № 1, pp. 175–206. (In Russ.)
2. Gerasimova A.A. Kolichestvennye metody issledovaniya grammaticheskikh ogranichenii (na materiale variativnogo soglasovaniya v russkom yazyke) [Quantitative Methods of Investigating Grammar (A Case Study of Agreement Variation in Russian]. Diss. … kand. filol. nauk. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2023. (In Russ.)
3. Gerasimova A.A, Lyutikova E.A., Pasko L.I. Yazykovaya kompetentsiya skvoz' prizmu grammaticheskoi variativnosti. Chast' 1. Teoreticheskie i metodologicheskie soobrazheniya [Linguistic Competence Through the Lens of Grammatical Variation. Part 1. Conceptual and Methodological Considerations]. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2024, no. 4, pp. 9–22. (In Russ.)

4. Lau, J.H., Clark A., Lappin S. Grammaticality, Acceptability, and Probability: A Probabilistic View of Linguistic Knowledge. *Cognitive Science*. 2017, vol. 41, no. 5, pp. 1201–1241.
5. Leung S.O. A Comparison of Psychometric Properties and Normality in 4-, 5-, 6-, and 11-point Likert Scales. *Journal of social service research*. 2011, vol. 37, no. 4, pp. 412–421.
6. Lyutikova E.A., Gerasimova A.A., Belova D.D., Studenikina K.A., Lyutikov A.S. Tri aspekta neprotivorechivosti yazykovykh dannykh: otsenka i interpretatsiya [Three aspects of Linguistic Data Consistency: Estimation and Interpretation]. *Intellektual'nye sistemy. Teoriya i prilozheniya* [Intelligent Systems. Theory and Applications]. 2022, vol. 26, no. 1, pp. 196–202. (In Russ.)
7. Marcolli M. Public Address on Generative Linguistics. YouTube Lecture, 2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-gx3SK7FvKk (accessed: 23.10.2023).
8. Pesetsky D. Optimality Theory and Syntax: Movement and Pronunciation. Optimality Theory, an Overview / editors : D. Archangeli, D. T. Langendoen. Blackwell Publishers, 1997, pp. 134–170.
9. Piantadosi S.T. Modern Language Models Refute Chomsky's Approach to Language. Ms., 2023. 45 p. URL: https://ling.auf.net/lingbuzz/007180.
10. Studenikina K.A. Parametrizing Number Variation in Russian Noun Phrases with Experimental Studies and Language Modeling // *Research result: Theoretical and applied linguistics*. 2023, vol. 9, no. 1. P. 192–205.
11. Warstadt A., Singh A., Bowman S.R. Neural network acceptability judgments. Transactions of the Association for Computational Linguistics (TACL). Cambridge, MA: MIT Press, 2019, pp. 625–641.

Поступила в редакцию 02.11.2023
Принята к публикации 16.04.2024
Отредактирована 20.05.2024

Received 02.11.2023
Accepted 16.04.2024
Revised 20.05.2024

ОБ АВТОРАХ

Герасимова Анастасия Алексеевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М.В. Ломоносова; anastasiagerasimova432@gmail.com

Лютикова Екатерина Анатольевна — доктор филологических наук; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М.В. Ломоносова; lyutikova2008@gmail.com

Паско Лада Игоревна — студент магистратуры отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; paskolada@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Anastasia A. Gerasimova — PhD, Researcher, Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University; anastasiagerasimova432@gmail.com

Ekaterina A. Lyutikova — Prof. Dr. Habil, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University; lyutikova2008@gmail.com

Lada I. Pasko — MA student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; paskolada@yandex.ru

MODAL EXPRESSIONS IN BEZHTA

Zaira Khalilova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; zaira.khalilova@gmail.com

***Abstract**:* This paper deals with modal expressions in Bezhta (a language of the Tsezic branch of the Nakh-Daghestian family). The paper gives an overview of Bezhta modal expressions, presenting the main semantic and syntactic features. In Bezhta, modality is realized lexically, i.e. with the help of modal verbs, and morphologically, i.e. with the help of the suffixes. Traditionally, modality has been described as having the following main subtypes: deontic (obligation and permission), epistemic (probability), and dynamic (ability and volition). In Bezhta, modal interpretation often depends on the complementation strategy of a modal verb. For instance, deontic and epistemic senses of the modal verb -aq- 'to be able, can' is expressed with the infinitival complement, and dynamic modality is expressed with the converbal complement. This paper analyzes previously unstudied data on Bezhta modal expressions.

Keywords: Bezhta; modal verbs; complementation; complement-taking predicates; complement-taking strategy; epistemic, deontic and dynamic modality; potential construction

***Funding**:* This research is supported by the Russian Science Foundation, grant no. 22-18-00528.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-10

For citation: Khalilova Z. (2024) Modal Expressions in Bezhta. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 5, pp. 129–143.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В БЕЖТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

З.М. Халилова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; zaira.khalilova@gmail.com

***Аннотация**:* В статье рассматриваются средства выражения модальности в бежтинском языке (нахско-дагестанская семья). В бежтинском языке модальность выражается лексическими (модальные глаголы) и морфологическими средствами (с помощью различных аффиксов). Традиционно в типологии выделяются такие типы модальности, как эпистемическая, деонтическая

© Khalilova Z., 2024

и динамическая. В бежтинском языке некоторые модальные глаголы имеют лишь определенные модальные значения, например, модальный глагол *nuc'o-* 'быть должным' выражает лишь деонтическую модальность. Другие же модальные глаголы могут совмещать несколько модальных значений, например, выражение определенного типа модального значения зависит от стратегии оформления сентенциального актанта при модальном глаголе *-aq-* 'мочь, уметь'. Так, при оформлении сентенциального актанта инфинитивом при глаголе *-aq-* 'мочь, уметь' конструкция получает деонтическую и эпистемическую интерпретации, а при оформлении сентенциального актанта конвербом конструкция выражает динамическую модальность. В бежтинском языке представлены и морфологические средства выражения модальности. Имеются две потенциалисные конструкции, которые образуются с помощью таких суффиксов, как *-jł-* и *-jc'-*, и выражают динамическую модальность. Конструкция с суффиксом *-jc'-* обладает инволитивным и потенциальным значением, тогда как конструкция с суффиксом *-jł-* выражает только потенциальное значение. В конструкции потенциалиса меняется маркирование канонического агенса на косвенный падеж: агенс в потенциалисной конструкции принимает форму посессива.

Ключевые слова: бежтинский язык; модальные глаголы; конструкции с сентенциальными актантами; стратегии оформления сентенциального актанта; эпистемическая модальность; деонтическая модальность; динамическая модальность; потенциалис

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00528.

Для цитирования: *Халилова З.М.* Средства выражения модальности в бежтинском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 129–143.

Introduction

Bezhta belongs to the Tsezic group of the Nakh-Daghestanian language family. Bezhta is a minority unwritten language spoken in the Republic of Daghestan in the Russian Federation. Bezhta has three dialects — Bezhta Proper, Tladal and Khasharkhota. The data for this article comes from the Bezhta Proper dialect. The Bezhta data are mostly taken from a text corpus. Although corpus examples predominate, there are also a few simple elicited examples. Syntactically, Bezhta is a head-final language with the basic word order Subject Object Verb. As is generally the case in the Nakh-Daghestanian languages, the case-marking pattern is ergative. In Bezhta, nominal categories of gender and number are implied to cross-reference the verbal arguments. Bezhta has intransitive, unergative, transitive, and affective verbs. Intransitive verbs are typically one-place verbs. Intransitive verbs have the single argument (S) in the absolutive case (e.g. *-ek'e-* 'to burn', *k'ok'o-* 'to be sick', *-eⁿƛ'e* 'to go', *qoqo-* 'to dry', *-ija* 'to cry', etc.). The unergative verbs are a small group of onomatopoeic verbs, with S_A in ergative, no agreement, e.g. *hahƛo-* 'to yawn', *wajƛo-* 'to moan', *hik'ƛo-* 'to hiccup', *hawƛo-* 'to bark', *wič'ƛo-* 'to cheep', *hoⁿhoⁿƛo-* 'to neigh',

ʁoλo- 'to cry, to scream', etc. Diachronically, these onomatopoeic verbs seem to have arisen from the incorporation of an onomatopoeic element like *hik'* 'hiccup' into the verb *iλe-*, which in Bezhta means 'to call' but has the more general meaning 'to say' in some other Tsezic languages (for example, in Khwarshi). Transitive verbs have two core arguments, where one argument (A) is marked with the ergative case and the other argument (P) takes the absolutive case. Typical transitive verbs are two-place verbs (e.g. *qow-* 'to read', *-oo-* 'to do, to make', *niλ-* 'to give', *-eže-* 'to carry, to take', *gul-* 'to put', *-ü^{n}q-* 'to eat', etc.). Typical affective verbs are two-place perception, emotion and cognition verbs (e.g. *-at'-* 'to love, to want', *tuq-* 'to hear', *-ega-* 'to see', *č'äł-* 'to feel', *-iq'e-* 'to know', *čoq-* 'to be informed, to hear', *bidži -aq-* 'to understand', and other verbs). Affective verbs have animate argument that experiences the action, which is the experiencer in the lative case, and another argument is the stimulus marked with the absolutive case. The verbal morphology has a very rich morphological system of tense-aspect-mood, with distinct finite (a rich set of synthetic and analytical verbal forms) and non-finite forms (infinitive, participles, masdar, and various contextual and specialized converbs). Most Bezhta verbs show gender/number agreement and agree with the arguments in the absolutive case. As a rule, only vowel-initial verbs have a prefixal slot for gender-number agreement, plus a small number of verbs with internal vowel change.

Modality deals with the speaker's attitude towards the propositional content of the utterance [Palmer 2001]. Modality has the following main subtypes — dynamic, deontic and epistemic. In this paper, I use the notion of dynamic, deontic and epistemic modality proposed by Palmer [2001]. Deontic modality is concerned with obligation, necessity and permission; dynamic modality refers to ability or volition; and epistemic modality conveys the speaker's opinion on the factual status of the proposition. Palmer argues that it is quite common for a language to use similar sets of markers to express different modality subtypes. This is found in English, which uses modal verbs *may*, *can* and *must* to express epistemic and deontic/dynamic modality.

Bezhta verbal morphology was analyzed by local and foreign scholars, such as Erkert [1985], Bokarev [1959], Madieva [1965], Khalilov [1980], Kibrik & Sandro [1988]. The modality system has only been addressed in part by Comrie, Khalilov & Khalilova [2015]. Modal expressions in Bezhta include modal predicates and potential constructions. The Bezhta modal predicates are *-aq-* 'to be able, can', *nuc'o-* 'must', *k'ezi -aq-* 'to be able' and *häžät -aq-* 'to need' [Comrie et al. 2015: 322]. The potential construction, which is formed with the potential suffix *-jł/-ijł*, expresses the physical and mental ability. Another potential construction, formed with *-jc'*, is less productive.

Section 2 looks at modal verbs. Sections 3 and 4 describe potential constructions. Section 4 summarizes the paper.

Bezhta modal verbs

The Bezhta modal verbs are *nuc'o-* 'must', *-aq-* 'to be able, can', *k'ezi -aq-* 'to be able', *häžät -aq-* 'to need', and *bažarzi -aq-* 'to be able'. The last three modal verbs are borrowings from Avar, which is a lingua franca within the Andic and Tsezic speaking area.

The modal verb *nuc'o-* 'must' only has a deontic meaning and expresses obligation. This verb can only take an infinitive as its complement. The argument structure of the whole construction is determined by the transitivity value of the lexical verb, i.e. by the infinitive. If the lexical verb is intransitive, the most prominent argument is in the absolutive case (example 1); if it is transitive, the most prominent argument is in ergative case (example 2); if it is affective, and the experiencer argument is in the lative case (example 3). Example (1) is an expression of the high degree of obligation, as the man has to pay the rent in order to be allowed to stay.

(1) biƛoʔ b-eč-ejas aƛna wodo Ø-ohda-al
house.IN HPL-be-PST.PTCP.GEN1 seven day I-work-INF
nuc'o-s zuq'o-jo abo
must-IMPF.CVB be-PST father(I).ABS

'My father had to work for seven days to stay at that place.'

(2) öždi ijodoj kaʁaj čaχ-al nuc'o-s
boy.ERG mother.APUD letter write-INF must-PRS

'The boy has to write a letter to his mother.'

(3) kibbal bit'arab žo j-iq'-al nuc'o-s
girl.LAT true thing(IV) IV-know-INF must-PRS

'The girl must know the truth.' (i.e. someone must tell the girl the truth)

When the modal verb *nuc'o-* 'must' is combined with the verb *-aq-* 'become, happen', it expresses epistemic modality of probability and uncertainty. Sentence (4) has two interpretations — first, inference is based on general knowledge, for example, 'the girl is usually at home', and second, the inference is based on direct evidence, i.e. the speaker is a direct witness to the inferred situation, for example, 'the girl must be at home, because the speaker sees that the lights are on'.

(4) kanłi j-ega-łol, dije pikro b-aq-ijo
light(IV) IV-see-ANTR 1SG.GEN1 thought(III) III-happen-PST
kid biƛoʁa j-aq-al nuc'o-s
girl(II) at.home II-happen-INF must-PRS

'Seeing the lights in the window, I thought the girl must be at home.'

The modal meaning of ability 'to be able, can' is expressed with the polysemous verb *-aq-*, which means 'to become, happen, stay, be, be borne', and expresses the modal meaning 'to be able, can' as well. As a modal verb, it has three meanings — deontic modality expressing permission, epistemic modality expressing probability, and dynamic modality expressing ability. This predicate can take an infinitival complement or converbal complement. The interpretation of a certain type of modality depends on the complement-taking strategy of *-aq-*. The infinitival strategy of this verb expresses both deontic and epistemic modality. As for the agreement structure, it is the lexical predicate that assigns the case to the most prominent argument and not the modal predicate *-aq-* 'to be able, can'. In (5a) the lexical verb is intransitive, in (5b) the lexical verb is transitive, and in (5c) the lexical verb is affective. Such a construction is also an example of clause union, where lexical and modal predicates form a single complex predicate. Clause union constructions are found in other Nakh-Daghestanian languages, for example, in Godoberi, an Andic language [Haspelmath 1999; Kibrik 1996], and Hinuq, a Tsezic language [Forker 2013].

(5) probability

a.	kid	biʎoʁa	j-ec-al	j-aq-ca
	girl(II)	at.home	II-stay-INF	II-can-PRS

'The girl might stay at home.'

b.	kibba	bäbä	b-oχ-al	b-aq-ca
	girl.ERG	bread(III)	III-buy-INF	III-can-PRS

'The girl might buy bread.'

c.	kibbal	χabar	tuq-al	b-aq-ca
	girl.LAT	gossip(III)	hear-INF	III-can-PRS

'The girl might hear the gossip.'

(6)

žensa	gej	müžmär	wodo=na,	müžmär	gähija?	
today	be.PRS	Friday	day=ADD	Friday	be.SIM.CVB	
Ø-o^{n}q'o-da	axo	gej	sadaq'a	j-ok'ol-al	j-aq-ca	
I-come-COND	well	be.PRS	offering(IV)	IV-gather-INF	IV-can-PRS	

'Today is Friday, if I come to the Friday prayer, I might gather offerings.'

(7) permission

dil	q'ac'c'o	χic	j-ü^{n}q-äl	j-aq-ca-di ?
1SG.LAT	all	pancake(IV)	iv-eat-INF	IV-can-PRS-QUES

'Can I eat all the pancakes?'

The modal *-aq-* 'be able, can' takes converbal complement and combines only with intransitive, unergative and transitive verbs, and never with affective verbs. Such a construction expresses the dynamic meaning of

physical and intellectual ability of the main participant. The most structurally prominent argument in such a construction is marked with the possessive case. The main predicate shows 'default' agreement in gender IV, agreeing with the converbal clause which is in the object position.

(8) a. öžö teli Ø-ogi<ja>c-ca
boy(I).ABS much I-jump<ITER>-PRS
'The boy is jumping a lot.'

b. öždiqa teli Ø-ogi<ja>c-na Ø-aq-ijo
boy(I).OBL-POSS much I-jump<ITER>-CVB I-can-PST
'The boy could jump a lot.'

(9) a. kibba aχo č'änäʁö-š
girl.ERG good run-PRS
'The girl runs fast.'

b. kibba-qa aχo č'änäʁö-nä j-aq-ca
girl.OBL-POSS good run-CVB IV-can-PRS
'The girl can run fast.'

(10) a. öždi t'ek qoh-ca
boy.ERG book(IV) read-PRS
'The boy reads a book.'

b. öždi-qa t'ek qoh-na j-aq-ca
boy.OBL-POSS book(IV) read-CVB IV-can-PRS
'The boy can read a book.' / 'The boy is able to read a book.'

The modal verb *k'ezi -aq-* 'to be able', which is intransitive, expresses dynamic modality of ability. It is very often found in non-assertive contexts, with negative auxiliaries, but it can also be used in an assertive context. The most prominent argument of the modal verb *k'ezi -aq-* 'to be able' is marked with the absolutive case, irrespective of the valency of the lexical verb. This verb takes an infinitival complement. This verb is a compound verb formed with the intransitive light verb *-aq-* 'to happen, become', and the lexical part is formed with the loan verb *k'ezi*, originally from the Avar verb *k'k'eze* 'to be able' [Khalilov & Khalilova 2016a]. Sentences (11) and (12) show the use of the intransitive and transitive lexical verbs.

(11) jiƛa roƛ'ila Ø-ek'el-lo do, holłola
much love.GEN2 I-burn-PST 1SG.ABS 3SG.GEN2
biƛołdaa goc'oq-al-zu=na k'ezi Ø-aq-aʔas
house.DIRECT look-INF-FOC=ADD be.able I-become-NEG.PST
'I could not look in the direction of her house because I was burning with great love.'

(12) χäƛe-jo hem-coj gej hiχło-na,
hit-PST.PTCP column-CMPR BE.PRS stay-CVB
dena-beta χäbä b-aʁ-al k'ezi Ø-aq-eč'e
then-then leg(III) III-take-INF be.able I-become-NEG.PST

'I remained like a stuck column, not daring to move a leg.'

The modal verb *häžät -aq-* 'to need' expresses deontic modality of necessity. Note that this verb is a compound verb, which is formed with the intransitive light verb *-aq-* 'to happen, become', and the lexical part being expressed with the nominal *häžät* 'need', originally from Arabic. This verb takes an infinitival complement as well as a nominal argument, and the experiencer subject is expressed with the lative. The modal affective verb *häžät -aq-* 'to need', combined with infinitives, always takes the experiencer in the lative, even if these infinitives are intransitive or transitive verbs.

(13) a. öždil biƛoʁa Ø-eⁿƛ'-al häžät Ø-aq-na
boy.LAT at.home I-go-INF need I-become-PST

'The boy needs to go home.'

b. kibbal it'ino gedo b-oχ-al häžät b-aq-na
girl.LAT small cat(III) III-buy-INF need III-become-PST

'The girl needs to buy a small cat.'

c. öždil hinis ijo j-ega-al häžät j-aq-na
boy.LAT SELF.GEN1 mother(II) II-see-INF need II-become-PST

'The boy needs to see his mother.'

The dynamic modality of ability is expressed with the compound verb *bažarzi -aq-* 'to be able'. The modal verb consists of two parts, where the lexical part *bažarzi* 'ability' is a loan from Avar and the light verb is expressed with the intransitive *-aq-* 'to become, to happen' [Comrie & Khalilov 2009]. The potential argument in such construction stands in the possessive case. The use of this verb is limited to converbal complement. *bažarzi -aq-* 'to be able' can be combined with intransitive, transitive and unergative verbs, and never with affective verbs.

(14) öždi-qa wanaʔ Ø-eƛ'e-na bažarzi Ø-aq-ijo
boy.OBL-POSS forest.IN I-go-CVB be.able III-become-NEG.PST

'The boy was able to go to the forest.'

(15) holo häl hökmö maʁo-s sik'a-qa
that condition(III) decision(III) body-GEN1 mouth.OBL-POSS
niso-na bažarzi b-aq-aʔas niʁa-na
say-CVB be.able III-become-NEG.PST HOW-ADD

'I was unable to say what I felt.'

Marked potential construction

The potential construction expresses the dynamic modality of ability and possibility. The potential verb is marked with the potential suffix *-jɬ* (*-ijɬ* after a consonant). The argument of the potential construction to which ability is assigned (i.e. the X of 'X can Verb') stands in the possessive case, irrespective of the valency of the basic or potential verb [Comrie et al. 2015: 554; Khalilov & Khalilova 2016b; Khalilova et al. 2022]. The potential construction can be derived from patientive intransitive, transitive and one affective verb, a few unergative verbs and never from agentive intransitive verbs and most affective verbs. The potential construction derived from agentive intransitives adds a new argument, marked with the possessive case. Additionally, the construction with *-jɬ*/*-ijɬ* expresses an accidental situation ('X did accidentally Verb'). Similar potential constructions are also found in other closely related languages, for example, in Hinuq [Forker 2013] or Tsez [Comrie 2000].

(16) a. łi ʁajʎo-s
water boil-PRS

'The water boils.'

b. kibba-qa łi ʁajʎo-jɬ-ijo
girl.OBL-POSS water boil-POT-PST

'The girl could boil the water.'

(17) amma wo-bo j-o<wa>χ-da komaklil Ø-eⁿʔe-č'e
but dog-PL NHPL-catch<PL>-COND help.LAT I-go-NEG.CVB
Ø-eče-jɬ-aʔas huli
I-be-POT-NEG.PRS that.ABS

'But if the dogs were caught, he could not resist helping them.'

The potential construction derived from the transitive verb does not change the number of verbal arguments; the potential agent stands in the possessive case and the patient remains in the absolutive case. The predicate agrees in gender and number with the absolutive patient.

(18) a. kibba q'arpuz m-üq-ijo
girl.ERG watermelon(III) III-eat-PST

'The girl ate the watermelon.'

b. kibba-qa q'ac'c'o q'arpuz m-üq-ijɬ-ijo
girl.OBL-POSS all watermelon(III) III-eat-POT-PST

'The girl could eat the whole watermelon.'

(19) a. öždi aⁿc j-iⁿqo-jo
boy.ERG door IV-close-PST

'The boy closed the door.'

b. öždiqa aⁿc j-iⁿqo-jc'-ijo
boy.OBL-POSS door(IV) IV-close-POT-PST

'The boy could close the door. / The boy accidentally closed the door.'

The potential construction can be derived from some unergative verbs: *hahɬ-al* 'to yawn', *wajɬ-* 'to moan, to groan', *öhɬö-* 'to cough', *hik'ɬo-* 'to hiccup', *morɬo-* 'to scold', *hawɬo-* 'to bark', *wič'ɬo-* 'to cheep', *xixɬo-* 'to blow one's nose', *qäɬe-* 'to shout', *ʁoɬo-* 'to cry, to shout' and many others. The unergative verbs are actually onomatopoeic verbs, with S_A in the ergative case and no agreement. In the potential construction, the number of arguments does not change, but the potential S_A appears in the possessive case.

(20) a. öždi jiɬ'a öhɬö-jo
boy.ERG much cough-PST

'The boy coughed a lot.'

b. öždi-qa öhɬö-jł-ijo
boy.OBL-POSS cough-POT-PST

'The boy could cough.'

(21) a. kibba χiχɬo-s
girl.erg blow.one's.nose-prs

'The girl blows her nose.'

b. kibbaqa χiχɬo-jł-ijo
girl.obl.poss blow.one's.nose-pst

'The girl could blow her nose.'

The potential construction derived from the affective verb adds a new argument in the possessive case. The predicate shows agreement in gender and number with the absolutive argument. Potential derivation is available only for one affective verb *-ega-* 'to see'. When potential is used with *-ega-* 'to see', the verb becomes causative with the meaning 'to show'. In the potential construction with *-ega-* 'to see', a verbal valency is increased by one.

(22) a. isil c'odolo gedo b-ega-jo
sister.LAT black cat(III) III-see-PST

'The sister saw a black cat.'

b. ist'iqa isil c'odolo gedo b-ega-jł-ijo
brother.POSS sister.LAT black cat(III) III-see-POT-PST

'The brother could show the sister a black cat.'

Bezhta has another potential construction formed with the suffix *-jc'* (*-ijc'* after a consonant). This derivation is present only with transitive

verbs. The potential construction with *-jc'/-ijc'* expresses dynamic modality of ability. Additionally, this construction expresses an accidental situation ('X did accidentally Verb'). In the potential construction with *-jc'/-ijc'* the most agent-like argument is marked with the possessive case, the P argument is in the absolutive case. The construction with the suffix *-jc'/-ijc'* can also denote incomplete or unsuccessful action, with no or little control over its final phase. Compare two potential constructions with *-jc'/-ijc'* and *-jɬ/-ijɬ* in the corresponding examples (23b) and (23c).

(23) a. öždi aⁿc j-iⁿqo-jo
boy.ERG door IV-close-PST
'The boy closed the door.'

b. öždi-qa aⁿc j-iⁿqo-jc'-ijo
boy.OBL-POSS door(IV) IV-close-POT-PST
'The boy could almost close the door.'

c. öždi-qa aⁿc j-iⁿqo-jɬ-ijo
boy.OBL-POSS door(IV) IV-close-POT-PST
'The boy could close the door.'

(24) a. kibba k'ima-li-s sik j-aⁿk-ijo
mother.ERG cheese-OBL-GEN1 sack(IV) IV-untie-PST
'The girl untied the sack of cheese.'

b. kibbaqa k'ima-li-s sik j-aⁿk-ijc'-ijo
mother.ERG cheese-OBL-GEN1 sack(IV) IV-untie-POT-PST
'The girl managed to untie the sack of cheese.'

Unmarked potential construction

Another potential construction, which I call unmarked potential construction, expresses dynamic modality of ability. The verb in such potential construction does not contain any potential morpheme. The potential meaning is expressed through the case change of the main arguments. The potential construction can be derived from semantically patientive intransitive and transitive verbs. In such potential construction the most agent-like argument appears in the possessive case, the P argument is in the absolutive case; gender-number agreement is with the P [Comrie et al. 2015]. Additionally, this construction expresses an accidental situation ('X did accidentally Verb').

The unmarked potential constructions with patientive intransitives require a new argument in the Possessive case, while the Absolutive S argument remains unchanged. This alternation increases the valency of the intransitive verb by one. The instances of patientive intransitive verbs are *-äč'ɬ-* 'to be cold', *-ek'e-* 'to burn', *-ek-* 'to fall', *-иʁо-* 'to die', *-oq'-* 'to

come, to appear', *-iše-* 'to break', *pacpaƛo-* 'to blink', *hele-* 'to cook', *qoqo-* 'to dry', and others.

(25) a. ilos balilas χöχö b-ek-ijo
1PL.GEN1 cherry.GEN1 tree(III) III-fall-PST

'Our cherry tree fell down.'

b. aboqa ilos balilas χöχö b-ek-ijo
father.POSS 1PL.GEN1 cherry.GEN1 tree(III) III-fall-PST

'The father could make the cherry tree fall.'

(26) a. ijos vaza b-iše-jo
mother.GEN1 vase(III) III-break-PST

'The mother's vase broke up.'

b. diiqa ijos vaza b-iše-jo
1SG.POSS mother.GEN1 vase(III) III-break-PST

'I could break the vase. / I accidentally broke the vase.'

(27) a. χiƛa-s kisa b-äχe-jo
trousers.OBL-GEN1 pocket(III) III-tear-PST

'The trousers pocket tore.'

b. it'ina öždiqa χiƛa-s kisa b-äχe-jo
small.OBL boy.POSS trousers.OBL-GEN1 pocket(III) III-tear-PST

'The little boy could tear his trouser pocket. / The little boy accidentally tore his trouser pocket.'

The unmarked potential construction is based on few transitive verbs, for example, *-üč'-* 'to cut', *haʔo-* 'to grind'. The most agent-like argument is marked with the possessive case, the P argument is in the absolutive case; agreement is with the P. Example (28) illustrates the transitive construction with the ergative agent *kibba* and the potential construction with the possessive agent-like argument *kibbaqa*.

(28) a. it'ina kibba bäbä b-üč'-ijo
little.OBL girl.ERG bread(III) III-cut-PST

'The little girl cut bread for herself.'

b. it'ina kibbaqa bäbä b-üč'-ijo
small.OBL girl.POSS bread(III) III-cut-PST

'The little girl could cut bread.'

Conclusion

In this paper, I have presented a descriptive analysis of Bezhta modal expressions focusing on their semantic and syntactic properties. Bezhta modal expressions distinguish dynamic, epistemic and deontic modality.

Bezhta modal verbs are polyfunctional because they can express more than one modal meaning. The deontic modality of obligation and permission is expressed with the modal verbs *-aq-* 'to be able, can', *nuc'o-* 'must', *k'ezi -aq-* 'to be able' and *häžät -aq-* 'to need'. The dynamic modality of ability and volition is expressed with the modal verbs *–aq-* 'to be able, can', *bažarzi -aq-* 'can, to be able' and three potential constructions. The epistemic modality of probability is covered by the modal *-aq-* 'to be able, can'. All modal verbs take infinitives as their clausal complements. In addition to the infinitival complement, *-aq-* 'to be able, can' allows alternative marking of the complement with the converb. In the potential construction the verb requires a nominal argument but not a complement. All modal verbs, except for the deontic modal *nuc'o-* 'must' and the epistemic modal *-aq-* 'to be able, can', control the valency frame of the whole construction. The case frame of the deontic *nuc'o-* 'must' and the epistemic *-aq-* 'to be able, can' is controlled by the embedded verbs. To summarize, Table 2 outlines the use of all modal expressions in Bezhta.

TABLE 2

Modal expressions in Bezhta

Modal verb / construction	Modal meaning	Case marking
nuc'o- 'must'	deontic modality of obligation	S_{ABS} Intr. Infinitive + Must A_{ERG} Tran. Infinitive + Must Exp_{LAT} Affec. Infinitive + Must
	epistemic modality of probability and uncertainty	S_{ABS} 'happen' + Must
-aq- 'to be able, can'	dynamic modality of ability	A_{POSS} Converb + Can
	epistemic modality of probability	S_{ABS} Intr. Infinitive + Can A_{ERG} Tran. Infinitive + Can Exp_{LAT} Affec. Infinitive + Can
k'ezi -aq- 'to be able'	dynamic modality of ability	S_{ABS} Infinitive + Be able
häžät -aq- 'to need'	deontic modality of necessity	Exp_{LAT} Infinitive + Need
bažarzi -aq- 'can, to be able'	dynamic modality of ability	A_{POSS} Converb + Can
potential construction with *-jł* /*-ijł*	dynamic modality of ability	A_{POSS} P_{ABS} Verb (marked with *-jł* /*-ijł*)
potential construction with *-jc'*	dynamic modality of ability	A_{POSS} P_{ABS} transitive Verb (marked with *-jc'*)
unmarked potential construction	dynamic modality of ability	A_{POSS} P_{ABS} Verb (with no marking)

Abbreviation

Agreement prefixes in Bezhta

	I (male human)	II (female human)	III (animate)	IV (animate and inanimate)
SG	Ø-	j-	b-	j-
PL	b-	b-	j-	j-

Roman numerals I–IV indicate genders, ABL = ablative, ABS = absolutive, ADD = additive particle, CMPR = comparative, COND = conditional converb, COP = copula, CVB = converb, GEN1 = genitive 1 (used when the head noun is in the absolutive case), GEN2 = genitive 2 (used when the head noun is in the oblique case), ITER = iterative, LAT = lative, ERG = ergative case, HPL = human plural, LOC = locative, NARR = narrative particle, NEG = negative, NHPL = nonhuman plural, IMPF = imperfective, IN = in-essive, INF = infinitive, OBL = oblique, PF = perfective, PL = plural, POSS = possessive, POT = potential, PROG = progressive, PRS = present tense, PST = past tense, PTCP = participle, QUES = question particle, REFL = reflexive pronoun, SG = singular

REFERENCES

1. Alekseev M.E. *Sravnitel'no-istoricheskaia morfologiia nakhsko-dagestanskikh jazykov. Kategoriia imeni* [Comparative Morphology of the Nakh-Daghestanian Languages. Noun]. M., 2004. (In Russ.)
2. Authier G., Maisak T. *Tense, Aspect, Modality and Finiteness in East Caucasian Languages*. Bochum, 2011.
3. Bokarev, E. A. *Cezskie (didoiskie) jazyki Dagestana* [The Tsezic languages of Daghestan]. M., 1959. (In Russ.)
4. Comrie B., Khalilov M. Loanwords in Bezhta, a Nakh-Daghestanian of the North Caucasus. In: Martin Haspelmath and Uri Tadmor (eds.), *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*, Berlin/New York, 2009. P. 414–429.
5. Comrie B., Khalilov M., Khalilova Z. *A Grammar of Bezhta: Phonology, Morphology, and Word Formation*. Leipzig/Makhachkala, 2015.
6. Comrie B., Khalilov M., Khalilova Z. Valency and Valency Classes in Bezhta. In Andrej Malchukov, Martin Haspelmath & Bernard Comrie (eds.). *Valency Classes*. Berlin, 2015. P. 541–570.
7. Comrie, B. Valency-Changing Derivations in Tsez. In R.M.W. Dixon & Alexandra Y. Aikhenvald (eds.), *Changing Valency: Case Studies in Transitivity*. Cambridge, 2000. P. 360–374.
8. Erkert R. von. *Die Sprachen des kaukasischen Stammes*. Wien, 1985.
9. Forker D. *A Grammar of Hinuq*. Berlin, 2013.
10. Haspelmath, M. Long-Distance Agreement in Godoberi (Daghestanian) Complement Clauses. *Folia Linguistica* 33, 1999. P. 131–151.
11. Khalilov M., Khalilova Z. Word Formation in Avar. In Müller, Peter O., Ingeborg Ohnheiser, Susan Olsen & Franz Rainer (eds.), 2015. *Word-Formation: An International Handbook of the Languages of Europe*. Berlin/New York, 2016a. P. 3633–3647.

12. Khalilov M., Khalilova Z. Word Formation in Bezhta. In Müller, Peter O., Ingeborg Ohnheiser, Susan Olsen & Franz Rainer (eds.), 2015. *Word-Formation: An International Handbook of the Languages of Europe.* Berlin/New York, 2016b. P. 597–3616.
13. Khalilov, M.Sh. *Bezhtinsko-russkii slovar'* [Bezhta-Russian Dictionary]. Makhachkala, 1995.
14. Khalilova Z. *A Grammar of Khwarshi*. Utrecht, 2009.
15. Khalilova Z. Evidentiality in the Tsezic Languages. In *Linguistic Discovery* 9, 2011. P. 30–48.
16. Khalilova Z.M., Khalilov M.Sh., Testelets Ya.G. Involitivnaia konstrukciia v bezhtinskom i khvarshinskom iazykakh: klassy glagolov i problema podlezhashchego [Involitive Construction in Bezhta and Khwarshi: Verbal Classes and Problem of Subject]. In *Sbornik 'Malye iazyki v bolshoi lingvistike 2022'*, 22–23 April 2022, Lomonosov Moscow State University, 2022. (In Russ.)
17. Kibrik A.E. et al. (eds.) *Godoberi*. München/Newcastle: Lincom Europa, 1996.
18. Kibrik A.E., Kodzasov S.V. *Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh iazykov. Glagol*. M., 1988. (In Russ.)
19. Madieva G.I. *Grammaticheskii ocherk bezhtinskogo iazyka* [The Bezhta Grammar Sketch]. Makhachkala, 1965. (In Russ.)
20. Palmer, F. *Mood and Modality*. 2nd edition. Cambridge, 2001.
21. Van den Berg H. The East Caucasian Language Family. In *Lingua* 115 (1–2), 2005. P. 147–190.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев М.Е.* Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М., 1988.
2. *Бокарев Е.А.* Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959.
3. *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М., 1988.
4. *Комри Б., Халилов М., Халилова З.* Грамматика бежтинского языка. Лейпциг; Махачкала, 2015.
5. *Мадиева Г.И.* Грамматический очерк бежтинского языка. Махачкала: Типография Дагестанского научного центра Российской академии наук, 1995.
6. *Халилов М.Ш.* Бежтинско-русский словарь. Махачкала, 1995.
7. *Халилова З.М., Халилов М.Ш., Тестелец Я.Г.* Инволитивная конструкция в бежтинском и хваршинском языках: классы глаголов и проблема подлежащего // Малые языки в большой лингвистике (сборник). 22–23 апреля 2022 года, МГУ имени М.В. Ломоносова. Тезисы.
8. *Authier G., Maisak T.* Tense, Aspect, Modality and Finiteness in East Caucasian Languages. Bochum, 2011.
9. *Comrie B., Khalilov M.* Loanwords in Bezhta, a Nakh-Daghestanian of the North Caucasus. In: Martin Haspelmath and Uri Tadmor (eds.), Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook, Berlin/New York, 2009. P. 414–429.
10. *Comrie B.* Valency-Changing Derivations in Tsez. In R.M.W. Dixon & Alexandra Y. Aikhenvald (eds.). Changing Valency: Case Studies in Transitivity. Cambridge, 2000. P. 360–374.
11. *Comrie B., Khalilov M., Khalilova Z.* Valency and Valency Classes in Bezhta. In: Andrej Malchukov, Martin Haspelmath & Bernard Comrie (eds.). Valency Classes. Berlin, 2015. P. 541–570.
12. *Erkert R. von.* Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1985.
13. *Forker D.* A Grammar of Hinuq. Berlin, 2013.

14. *Haspelmath M.* Long-Distance Agreement in Godoberi (Daghestanian) Complement Clauses. Folia Linguistica. 1999. No. 33. P. 131–151.
15. *Khalilov M., Khalilova Z.* Word Formation in Avar. In Müller, Peter O., Ingeborg Ohnheiser, Susan Olsen & Franz Rainer (eds.). Word-Formation: An International Handbook of the Languages of Europe. Berlin/New York, 2016a. P. 3633–3647.
16. *Khalilov M., Khalilova Z.* Word Formation in Bezhta. In Müller, Peter O., Ingeborg Ohnheiser, Susan Olsen & Franz Rainer (eds.). Word-Formation: An International Handbook of the Languages of Europe. Berlin/New York, 2016b. P. 597–3616.
17. *Khalilova Z.* A Grammar of Khwarshi. Utrecht, 2009.
18. *Khalilova Z.* Evidentiality in the Tsezic languages. In Linguistic Discovery. 2011. No. 9. P. 30–48.
19. *Kibrik A.E. et al.* (eds.) Godoberi. München/Newcastle, 1996.
20. *Palmer F.* Mood and Modality. 2nd edition. Cambridge, 2001.
21. *Van den Berg H.* The East Caucasian Language Family. In Lingua. 2005. No. 115 (1–2). P. 147–190.

Поступила в редакцию 22.08.2023
Принята к публикации 16.04.2024
Отредактирована 20.08.2024

Received 22.08.2023
Accepted 16.04.2024
Revised 20.08.2024

ОБ АВТОРЕ

Халилова Заира Маджидовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН; zaira.khalilova@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Zaira Khalilova — PhD, Senior Researcher, Laboratory for Study and Preservation of Minority Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; zaira.khalilova@gmail.com

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 144–156
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 5, pp. 144–156

КОМПОЗИЦИОННЫЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ СТАРОЙ И СОВРЕМЕННОЙ МОСКВЫ В СТАТЬЯХ Н.М. КАРАМЗИНА В «ВЕСТНИКЕ ЕВРОПЫ» (1802–1803 гг.)

В.С. Савельев, Ли Вэнвэнь

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; alfertinbox@mail.ru, 18103654701wen@gmail.com

Аннотация: Работа посвящена изучению лексических особенностей описания Москвы в статьях Н.М. Карамзина, опубликованных в журнале «Вестник Европы» в годы его редакторства (1802–1803 гг.). Устанавливается, что, несмотря на свойственную этим статьям политематичность, их объединяет то, что многие из них посвящены истории и современной жизни Москвы. Отмечается, что автор также описывает различные объекты Подмосковья, причем «точкой отсчета» в их характеристиках является их отношение к Москве и отношение к ним москвичей. Выделяется круг городских объектов, интересующих Н.М. Карамзина, и описываются особенности их номинации. В частности, определяется, что, поскольку в статьях рассказывается о Москве XVII и XIX вв., автор использует топонимы-архаизмы и топонимы, актуальные для употребления в начале XIX в.: первые из них он приводит с комментариями, которые позволяют установить связь между историческим и современным Н.М. Карамзину топонимиконом. Рассматриваются фрагменты статей, показывающие, что автор не только интересуется происхождением московских топонимов, но и указывает различия в их этимологии: одни из них являются заимствованиями, другие образуются на основе нарицательных имен русского языка. Устанавливается следующая закономерность: при описании городских объектов Н.М. Карамзин последовательно переходит от бóльших по размеру к меньшим; также отмечается, что бóльшие по размеру объекты характеризуются им через меньшие, а объекты статичные — через объекты динамичные. Также устанавливается, что, используя современные ему московские топонимы, Н.М. Карамзин не поясняет, какие именно объекты они называют, что позволяет сделать вывод: с точки зрения автора, адресатом его статей являются москвичи, обладающие теми же знаниями о Москве, что и он сам.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин; «Вестник Европы»; описание Москвы; топонимы

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-11

Для цитирования: *Савельев В.С., Ли Вэнвэнь.* Композиционные и лексические особенности описания старой и современной Москвы в статьях Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы» (1802–1803 гг.) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 144–156.

© Савельев В.С., Ли Вэнвэнь, 2024

COMPOSITIONAL AND LEXICAL FEATURES OF THE DESCRIPTION OF OLD AND MODERN MOSCOW IN ARTICLES OF N.M. KARAMZIN IN THE MAGAZINE *VESTNIK EVROPY* [*MESSENGER OF EUROPE*] (1802–1803)

Victor Savelyev, Li Wenwen

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; alfertinbox@mail.ru, 18103654701wen@gmail.com

Abstract: The work is devoted to the study of the lexical features of the description of Moscow in the articles of N.M. Karamzin, published in the magazine *Vestnik Evropy* [*Messenger of Europe*] during the years of his editorship (1802–1803). It is established that, despite the polythematic nature of these articles, they are united by the fact that many of them are devoted to the history and modern life of Moscow. It is noted that the author also describes various objects of the Moscow region, and the "reference point" in their characteristics is their attitude towards Moscow and the attitude of Muscovites towards them. The work defines a list of urban objects that are of interest to N.M. Karamzin, and describes the features of their nomination. In particular, it is determined that, since the articles describe Moscow in the 17th and 19th centuries, the author uses archaic toponyms and toponyms that are relevant for use at the beginning of the 19th century: he cites the former with comments that allow establishing the connection between historical and modern toponymicon. Fragments of articles are considered, showing that the author is not only interested in the origin of Moscow toponyms, but also indicates differences in their etymology: some of them are borrowings, others are formed on the basis of common nouns in the Russian language. A regularity is established: when describing urban objects, N.M. Karamzin consistently moves from larger to smaller ones; it is also noted that larger objects are characterized through smaller ones, and static objects are characterized through dynamic objects. It is also established that, using contemporary Moscow toponyms, N.M. Karamzin does not explain exactly what objects they name, which allows us to conclude that, from the author's point of view, the addressee of his articles are Muscovites who have the same knowledge about Moscow as he does.

Keywords: N.M. Karamzin; *Vestnik Evropy* [*Messenger Of Europe*]; description of Moscow; toponyms

For citation: Savelyev V.S., Li Wenwen (2024). Compositional and Lexical Features of the Description of Old and Modern Moscow in the Articles of N.M. Karamzin in the Magazine *Vestnik Evropy* [*Messenger of Europe*] (1802–1803). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 5, pp. 144–156.

В 1802–1803 гг. в журнале «Вестник Европы» было опубликовано несколько статей, написанных его первым редактором — Николаем Михайловичем Карамзиным. Значительную их часть составили статьи, посвященные разным темам: книгопечатанию [Карамзин 1802a], достопримечательностям паломнического маршрута [Карамзин 1802b] и городских предместий [Карамзин 1803a], чтению

публичных лекций [Карамзин 1803f], особенностям уклада городской жизни — историческим [Карамзин 1803d] и современным [Карамзин 1803b], различным происшествиям — также историческим [Карамзин 1803c] и современным [Карамзин 1802c], — но объединенные тем, что в них рассказывается *о Москве*.

Интерес Н.М. Карамзина к Москве неслучаен: именно здесь он поселился после путешествия по Европе в начале 90-х гг. XVIII в., и тематика «Вестника Европы» — *московского* журнала — неразрывно связана с *местом* его издания, для именования которого писатель использует ряд слов: помимо лексемы *Москва* автором употребляется слово *город* (например, [Карамзин 1802b: 213; Карамзин 1802c: 69; Карамзин 1803d: 257; Карамзин 1803f: 266]), а также — в разных сочетаниях — слово *столица*. Примечательно, что во времена Н.М. Карамзина Москва не была столицей уже почти целый век, что заставляет его употреблять сочетания *наша древняя столица* [Карамзин 1803a: 283], *древняя столица Русского царства* [Карамзин 1803b: 283]. Однако в статье [Карамзин 1803d: 251] писатель использует сочетание *наша столица*. Это оказывается возможным потому, что хронотоп текста переносит читателя в XVII век, и неслучайно, что в той же статье встречается сочетание *старая Москва* [Карамзин 1803d: 251]. Аналогично используется слово *столица* и в статьях [Карамзин 1802b: 213; Карамзин 1803b: 280; Карамзин 1803c: 120]. Однако и при описании современной Москвы Н.М. Карамзин называет ее столицей — *столицей Российского Дворянства* [Карамзин 1803f: 266] и просто *столицей* [Карамзин 1803b: 279, 284]. Таким образом, можно предположить, что для Н.М. Карамзина Москва — город, обладающий особой значимостью среди прочих русских городов.

В статьях Н.М. Карамзина описывается не только Москва, но и ее окрестности. Примечательно, что при этом точкой отсчета в повествовании о подмосковных достопримечательностях является Москва: в свое путешествие рассказчик отправляется из Москвы («въ прекраснѣйшее время года я выѣхалъ изъ Москвы» [Карамзин 1802b: 207]); подмосковные объекты описываются с точки зрения их значимости для москвича — бывает ли он в них («первымъ моимъ ночлегомъ было Кусково, нѣкогда столь извѣстное Московскимъ жителямъ, а нынѣ оставленное и забытое» [Карамзин 1803a: 279]), играют ли они какую-либо роль в его жизни («Коломна славится еще яблоками, вишнями и другими плодами: мы ѣдимъ ихъ въ Москвѣ» [Карамзин 1803a: 286]); даже при описании зданий рассказчик «организует пространство» таким образом, что точкой отсчета становится Москва («Я спѣшилъ видѣть сіе почтенное зданіе <...>. Оно очень не высоко, но занимаетъ въ длину саженъ тридцать.

На лѣвой сторонѣ отъ Москвы были комнаты Царя, на правой жили Царевны, а въ серединѣ Царица» [Карамзин 1802b: 208]). О том же свидетельствует регулярное использование автором субстантива *Подмосковная* (например, [Карамзин 1803a: 289; Карамзин 1803b: 280, 282]), обозначавшего во времена Н.М. Карамзина «имение под Москвой» [Словарь русского языка XVIII века: 236]: «Только при Государѣ ПЕТРѢ Великомъ знатные начали строить домы въ Подмосковныхъ; но еще за 40 лѣтъ передъ симъ богатому Рускому дворянину казалось стыдно выѣхать изъ столицы и жить въ деревнѣ. Какая розница съ нынѣшнимъ временемъ, когда Москва совершенно пустѣетъ лѣтомъ» [Карамзин 1803b: 280]. Таким образом, рассказчик оценивает пространство вокруг Москвы как с течением времени осваиваемое москвичами, причем речь идет не только о дворянах, имеющих свои *Подмосковные*, или о людях состоятельных («Число сельскихъ домиковъ въ окрестностяхъ ея [*Москвы.* — В.С., Л.В.] годъ отъ году умножается; ихъ нанимаютъ не только дворяне, но и купцы» [Карамзин 1803b: 280]), но и о небогатых москвичах, выезжающих в Подмосковье на прогулки: «Самые ремесленники любятъ уже веселиться хорошимъ днемъ на чистомъ воздухѣ. Поѣзжайте въ Воскресенье на Воробьевы Горы, къ Симонову Монастырю, въ Сокольники: вездѣ множество гуляющихъ. Портные и сапожники съ женами и дѣтьми рвутъ цвѣты на лугахъ, и съ букетами возвращаются въ городъ» [Карамзин 1803b: 281].

Последний фрагмент интересен тем, что свидетельствует об историческом явлении — вхождении подмосковных населенных пунктов и местностей в состав Москвы. Именно это произошло с упоминаемыми Н.М. Карамзиным *Воробьевыми горами*, *Симоновым монастырем* и *Сокольниками* [Карамзин 1803b: 281], *Марьиной рощей* [Карамзин 1803e: 100], *Кусково*, *Останкино* и *Кунцево* (у Н.М. Карамзина — *Кунцово*) [Карамзин 1803a: 280, 281], а также *Алексеевским* и *Ростокино* — два последних топонима во времена Н.М. Карамзина использовались как ойконимы[1], называющие *села* [Карамзин 1802b: 208, 214], а в настоящее время являются городскими хоронимами[2], именующими районы Москвы. Схожим образом изменилось употребление ойконима Люберцы: бывшая *деревня Люберцы* [Карамзин 1803a: 282] стала подмосковным городом.

Анализ статей позволил установить круг городских объектов, вызывающих интерес Н.М. Карамзина, и способы их номинации.

[1] «Ойконим — вид топонима. Собственное имя любого поселения» [Подольская 1988: 89].

[2] «Городской хороним — вид хоронима и вид урбанонима. Собственное имя части территории города, в том числе района, квартала, парка» [Подольская 1988: 146].

Наиболее подробное их описание встречается в статье [Карамзин 1803d] и ее продолжении [Карамзин 1803e].

Н.М. Карамзин рассказывает об особенностях городской планировки. Примечательно, что автор описывает ее в двух временных планах: вслед за Адамом Олеарием сообщает о «частях» Москвы середины XVII в. и соотносит эти сведения со сведениями начала XIX в.: «Олеарій при описаніи своего путешествія издалъ весьма хорошій и вѣрный планъ Москвы. Въ его время она раздѣлялась на *Китай-городъ*, *Царь-городъ* (нынѣ бѣлой-городъ), *Скородомъ* и Стрѣлецкую Слободу, бывшую за Москвою-рѣкою» [Карамзин 1803d: 255][3]. Как мы видим, писатель перечисляет городские хоронимы, одни из которых продолжают и ныне использоваться как названия районов Москвы (*Китай-город*, *Кремль*), а другие перешли в разряд архаизмов (*Царь-город*, *белый город*, *Скородом*, *Стрелецкая Слобода*), притом один из них — *Царь-город* — являлся архаизмом уже во времена Н.М. Карамзина, в связи с чем он считает необходимым дать пояснение «нынѣ бѣлой-городъ». В этом случае писатель прибегает к одной из речевых тактик, позволяющих ему разграничить исторические и современные сведения, — использованию временного дейктика *ныне* и его дериватов: «нынѣ бѣлой-городъ» [Карамзин 1803d: 255]; «Уже при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ <...> для всякаго товара былъ въ Москвѣ особенный рядъ, какъ и нынѣ, и на томъ же самомъ мѣстѣ» [Карамзин 1803d: 256]; «Третья часть Москвы (за нынѣшнимъ *бѣлымъ городомъ*) называлась *Скородомомъ* <...>» [Карамзин 1803d: 257]; «Лютеране имѣли церковь свою въ Бѣломъ городѣ (близь нынѣшней Меншиковой башни)» [Карамзин 1803e: 96]. Также обращает на себя внимание выделение соотносимых в тексте хоронимов (*Китай-городъ* и др.) курсивом[4].

Следует отметить, что Н.М. Карамзина интересует происхождение городских хоронимов, при этом он или ссылается на А. Олеария, оценивая достоверность его информации, или приводит свои сведения: «Олеарій не изъясняетъ имени Кремля; но мы знаемъ, что оно Татарское и значитъ *крѣпость*. За то онъ сказываетъ намъ, что имя Китая-города значитъ *средній городъ* — вѣроятно, также на Монгольскомъ или Татарскомъ языкѣ, изъ котораго наши предки заимствовали довольно словъ. Будучи между Кремлемъ и Царемъ-

[3] В продолжении статьи Н.М. Карамзин также упоминает *Земляной Город*, позднее получивший название *Скородома*: «Черезъ нѣкоторое время они построили новую [*церковь* — В.С., Л.В.] въ Земляномъ Городѣ; но скоро должны были совсѣмъ переселиться за валъ» [Карамзин 1803e: 97].

[4] О функциях курсива в одной из рассматриваемых статей Н.М. Карамзина 1802 г. см. [Савельев 2024b].

городомъ, *Китай* могъ назваться *среднимъ*» [Карамзин 1803d: 255]; «Третья часть Москвы (за нынѣшнимъ *бѣлымъ городомъ*) называлась *Скородомомъ* отъ того, что она состояла изъ однихъ деревянныхъ маленькихъ домовъ, которыхъ строеніе не требовало много времени» [Карамзин 1803d: 257]. Таким образом, Н.М. Карамзин указывает два возможных источника появления городских хоронимов: заимствование из чужого языка или превращение исконного нарицательного существительного в имя собственное. В этом плане интересно использование самим Н.М. Карамзиным некоторых слов в качестве нарицательных названий городских объектов (о чем свидетельствует употребление им строчных букв), в настоящее время преобразовавшихся в урбанонимы[5]: ср. *каменный мост* [Карамзин 1803b: 284] и *Большой Каменный мост* [Носарев, Скрябина 2004: 110], *поганый пруд* [Карамзин 1803d: 257] и *Поганый пруд* [Сытин 2011: 199], *белый город* [Карамзин 1803d: 257] и *Белый город* [Сытин 2011: 111]. Впрочем, в последнем случае следует обратить внимание на вариативность написания у Н.М. Карамзина: *белый город* [Карамзин 1803d: 255, 257], но *Белый город* в [Карамзин 1803b: 285; Карамзин 1803e: 96] и даже *Белый Город* в [Карамзин 1803c: 133] — неупорядоченность дистрибуции прописных vs строчных букв в карамзинское время заставляет с осторожностью относиться к фактам их употребления[6].

Примечателен рассказ Н.М. Карамзина об истории именования и переименования одного городского объекта: 1) «Жены солдатъ Нѣмецкихъ, замѣтивъ что нибудь странное въ Рускихъ, ходившихъ мимо ихъ оконъ, кричали другъ другу: *Кукке, кукке гиръ*, то есть: *смотри, смотри!* Рускіе затвердили это слово, и прозвали Нѣмецкую слободу *Кукуемъ*» [Карамзин 1803e: 96] — автор обращает внимание на народную этимологию, сопровождающую заимствование; 2) «Мальчишки бѣгали за ними [*за иностранцами* — В.С., Л.В.] по улицамъ, оскорбляли ихъ непристойными словами и дразнили именемъ Кукуя. Наконецъ, лишась терпѣнія, Нѣмцы требовали защиты Царя. <...> Добрый Царь Алексѣй Михайловичь приказалъ <...> всенародно объявить, чтобы никто не смѣлъ оскорблять чужестранныхъ ни словомъ, ни дѣломъ <...> и что жилище Нѣмцовъ

[5] «Урбаноним — вид топонима. Собст. имя любого внутригородского топографического объекта, в т. ч. агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [Подольская 1988: 139].

[6] «Отличительную черту орфографии Карамзина составляет обилие больших букв, которыми у него начинаются не только все иностранные существительные имена (не говоря уже о собственных, сущ. и прил.), но и многие свои, которым приписывалось особое значение» [Грот 1873: 498, 499]. Об использовании прописных букв у Н.М. Карамзина см. также [Савельев 2024a].

должно впредь называться *новою иноземскою Слободою*. Вотъ происхожденіе нынѣшней Слободы Немецкой» [Карамзин 1803e: 98, 99] — автор называет причину замены иноязычного топонима на русскоязычный, а также сообщает современное название городского объекта.

Говоря об исторических частях города, Н.М. Карамзин обращает внимание на окружающие их стены — их наличие, цвет и материал, из которых они сделаны: «Китай-городъ окруженъ былъ красною, а *Царь-городъ* бѣлою стѣною» [Карамзин 1803d: 257]; «Въ *Скородомѣ*, окруженномъ деревянною стѣною съ башнями, жили мѣщане и подъячіе» [Карамзин 1803d: 257]; «Четвертая частъ города, или Стрѣлецкая Слобода (за Москвою-рѣкою), также обнесенная деревянною стѣною <...>» [Карамзин 1803d: 257].

Необходимо заметить, что, характеризуя «части» Москвы через наличие одной из их «конструктивных деталей» — стен, Н.М. Карамзин реализует модель, обнаруживаемую во всех его статьях: он описывает городские объекты, переходя от более крупных к образующим их менее крупным. Так, «части» города состоят из ряда городских пространств — *площадей*, *улиц* или их объединений («Кремль считался только частію Китая-города» [Карамзин 1803d: 255]), на них находятся торговые *ряды* («Олеарій именуетъ ряды шелковый, суконный, серебряный, шапошный, сѣдельный, сапожный, иконный и проч.» [Карамзин 1803d: 256]) и другие объекты, определяемые по роду деятельности, осуществляемой городскими жителями, — *рынок* («Онъ говоритъ еще о рынкѣ (между Посольскимъ Дворомъ и Красною Площадью), гдѣ въ хорошую погоду Московскіе жители стригли себѣ волосы <...>» [Карамзин 1803d: 256, 257]), *конюшня* и *литейный двор* («<...> тамъ же [*в Царь-городе* — В.С., Л.В.] были Царская конюшня и литейной дворъ <...>» [Карамзин 1803d: 257]). На площадях и улицах находились строения: жилые здания — *дома*, *домики*, *дворцы*, *палаты* («Не многіе изъ нихъ имѣли каменные домы, и то уже во время Романовыхъ; при Годуновѣ жили они въ деревянныхъ, маленькихъ и темныхъ домикахъ» [Карамзин 1803d: 261]; «Палаты Никона Патріарха были тамъ, послѣ дворца, огромнѣйшимъ зданіемъ» [Карамзин 1803d: 255]) или здания, связанные с осуществлением какой-либо иной социальной функции, — *церкви*, *лавки*, *темница* («Во время Царя Михаила Ѳеодоровича считалось въ Москвѣ около 2000 церквей» [Карамзин 1803d: 251]; «Купецъ, идучи по утру въ лавку, заходилъ прежде на рынокъ, покупалъ хлѣбъ, и разрѣзавъ его на ломти, отдавалъ нищимъ» [Карамзин 1803d: 267]; «По древнему обыкновенію Цари наши, въ первый день Пасхи, между заутрени и обѣдни, ходили въ

городскую темницу» [Карамзин 1803d: 267]). В свою очередь в строениях обнаруживались разные помещения, например *горницы* («<...> при Годуновѣ жили они въ деревянныхъ, маленькихъ и темныхъ домикахъ. Горницы обивались иногда выбѣленною холстиною, и единственнымъ украшеніемъ ихъ были образа» [Карамзин 1803d: 261]).

В итоге в статьях Н.М. Карамзина обнаруживаются описательные фрагменты, в которых перечисляются взаимосвязанные (прежде всего пространственными отношениями) городские объекты и их характеристики. Приведем пример одного из таких фрагментов: «Кремль считался только частію Китая-города. Олеарій пишетъ о великолѣпіи дворца, построеннаго въ Италіянскомъ вкусѣ Царемъ Михаиломъ для сына его, Алексѣя Михайловича; самъ же Царь жилъ для своего здоровья въ деревянномъ домѣ. Всѣ знатнѣйшіе Бояре имѣли домы въ Кремлѣ. Палаты Никона Патріарха были тамъ, послѣ дворца, огромнѣйшимъ зданіемъ. <...> Будучи между Кремлемъ и Царемъ-городомъ, Китай могъ назваться среднимъ. Въ немъ жили тогда всѣ богатѣйшіе гости или купцы, нѣкоторые Князья Московскіе и дворяне. Олеарій, упоминая о готической и примѣчанія достойнѣйшей въ Китаѣ-городѣ церкви Василія Блаженнаго, разсказываетъ, что Царъ Іоаннъ, будучи ею весьма доволенъ, приказалъ выколоть глаза Архитектору ея <...> Не далеко отъ Василія Блаженнаго было возвышенное мѣсто, на которомъ лежали неподвижно двѣ огромныя пушки, обращенныя къ той улицѣ, откуда обыкновенно приходили Татары. На Красной Площади съ утра до вечера толпилось множество людей праздныхъ, господскихъ слугъ, купцовъ и продавцевъ всякаго роду вещей» [Карамзин 1803d: 255, 256]. Как мы видим, вначале упоминаются «большие» открытые пространства — *Кремль* и *Китай-город*, причем между ними устанавливаются партитивные отношения. Далее упоминаются объекты, расположенные внутри Кремля, — *дворец*, *дома* и *палаты*; параметрами описания этих зданий служат материал, предназначение (указано, кто в них жил), стиль, красота, а также размер: *палаты были после дворца огромнейшим зданием* означает, что палаты были меньше дворца, но больше домов. Далее рассказчик переходит к описанию оставшейся части Китай-города, упомянув вначале ее месторасположение по отношению к уже описанному Кремлю. Определяется наиболее значимый объект — *церковь Василия Блаженного*, рассказывается легенда, связанная с возведением храма. Затем рассказчик называет менее значимые и потенциально динамичные объекты — *пушки*, причем описывается их местоположение относительно более крупных статичных объектов — уже охарактеризо-

ванной *церкви*, *улицы*, которой дается описательная характеристика (*улица, откуда обыкновенно приходили татары*), а также *возвышенного места*, которое само по себе упоминается в связи с его пространственным отношением к церкви (*недалеко от Василия Блаженного*). Далее упоминается еще один тип городского пространства, для именования которого используется агороним[7] *Красная площадь*. Примечательно, что, характеризуя во фрагменте различные объекты через отношение к ним людей, рассказчик вначале называет постоянных «обитателей» — жителей Кремля и Китай-города, а затем указывает на тех, кто временно оказывается на открытом пространстве Красной площади, полностью заполняя его (*толпилось множество людей*).

Обращает на себя внимание использование Н.М. Карамзиным экклезионима[8] *церковь Василия Блаженного* и *Василий Блаженный* — топонима, во времена А. Олеария не существовавшего[9] (сам А. Олеарий называет храм Троицкой церковью[10] сообразно употреблявшемуся в его время именованию[11]). Как мы видим, Н.М. Карамзин предпочитает использовать «уникальное», а не «официально-церковное» название храма (*церковь Василия Блаженного* вместо *Покровский собор*), и эта особенность иллюстрирует традиционность данного словоупотребления, сохранившегося и до наших дней.

Помимо уже упомянутых в статьях Н.М. Карамзина встречаются и другие топонимы: гидронимы[12] *Москва-река* ([Карамзин 1803b:

[7] «Агороним — вид урбанонима. Название городской площади, рынка» [Подольская 1988: 27].

[8] «Экклезионим — класс топонима. Собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, монастыря» [Подольская 1988: 149].

[9] «Одновременно с названием “Покровский собор” храм назывался в XVI веке также собором Входа в Иерусалим, по западному приделу. Только много позднее здание стало называться собором Василия Блаженного. Это произошло, видимо, только в XVIII веке, уже значительно позднее пристройки к северо-западному углу здания в 1588 году придела, посвященного этому святому» [Брунов 1988: 195].

[10] «1-го октября у русскихъ справлялся большой праздникъ, въ который его царское величество со своими придворными и патріархъ со всѣмъ клиромъ вошли въ стоящую передъ Кремлемъ искусно построенную Троицкую церковь, которую нѣмцы зовутъ Іерусалимскою» [Олеарий 1906: 50].

[11] «После возвращения Грозного из Казанского похода был сооружен каменный храм Троицы, а вокруг него были расставлены семь деревянных церквей. Вся группа храмов, составлявшая единое целое, была посвящена, вследствие господствующего значения центральной церкви, Троице. <...> При перестройке собора заново в 1555 году он был переименован из Троицкого в Покровский» [Брунов 1988: 195, 200].

[12] «Гидроним — вид топонима. Собственное имя любого водного объекта, природного или созданного человеком» [Подольская 1988: 48].

285] и др.), *Яуза* [Карамзин 1802c: 69; Карамзин 1803e: 96, 98, 99], *Неглинная* [Карамзин 1803c: 137], городской хороним *Труба*[13] [Карамзин 1802c: 69], годонимы[14] *Рожественка* [Карамзин 1802c: 69], *Дмитровка* [Карамзин 1803c: 137], *Тверская* [Карамзин 1803c: 137], экклезионим *Сретенский монастырь* [Карамзин 1803c: 128], некроним[15] *Немецкое кладбище* [Карамзин 1803e: 100][16], ойкодомонимы[17] *Земский Двор* [Карамзин 1803c: 136], *Воспитательный Дом* [Карамзин 1803b: 285], урбанонимы *Спасская башня* [Карамзин 1802c: 70], *Спасские ворота* [Карамзин 1803c: 129].

Обращают на себя внимание особенности употребления топонима *Москва-река*: а) в отличие от прочих гидронимов он используется Н.М. Карамзиным исключительно как сложное слово, что объясняется необходимостью различать объекты — Москву-*город* и Москву-*реку*[18], б) во всех случаях Н.М. Карамзин склоняет обе части гидронима (Москва-рѣка [Карамзин 1803a: 286], (на берегу) Москвы-рѣки [Карамзин 1803a: 281, 283; Карамзин 1803b: 284], (увидѣлъ) Москву-рѣку [Карамзин 1803a: 283], по Москвѣ-рѣкѣ [Карамзин 1803d: 264], за Москвою-рѣкою [Карамзин 1803d: 255, 257, 265, 269], на Москвѣ-рѣкѣ [Карамзин 1803b: 285]), что соответствует книжной норме употребления этого слова XVIII–XIX вв[19].

Анализ употребления топонимов в статьях Н.М. Карамзина позволяет обнаружить следующую закономерность: во всех случаях он не поясняет, какой именно объект называет топоним, если этот

[13] «Перенесемся в Москву XVII века. Неглинной улицы еще нет — на ее месте открыто течет река Неглинная. Поэтому здесь нет и ворот в стене Белого города, а в глухой башне есть лишь отверстие — перегороженная железной решеткой арка, через которую протекает река Неглинная. Отверстие имело в длину 5 метров и называлось "Трубою". Отсюда и вся местность вокруг стала носить название "Труба", потом — "Трубная площадь"» [Сытин 2011: 270].

[14] «Годоним — вид урбанонима. Название линейного объекта в городе, в т. ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [Подольская 1988: 52].

[15] «Некроним — вид топонима. Собственное имя места погребения» [Подольская 1988: 86].

[16] Находилось рядом с Марьиной рощей, не входившей в тот момент в городскую черту.

[17] «Ойкодомоним — имя собственное здания. <...> *Примеч.:* обычно это имя здания в городе, которое известно не только как памятник зодчества, но и как учреждение. В этом случае это вид эргонима» [Подольская 1988: 88].

[18] Интересно, что топоним *Москва* изначально называет именно реку: «Если гор. Москва <...> появился лишь в 1147 г., то название р. Москва, по расположению на которой и получил название город, появилось на одно-два, а то и более тысячелетий раньше» [Поспелов 2007: 66].

[19] По словам С.И. Ожегова, «отсутствие склонения в сочетании *Москва-река* — явление, типичное для старого московского просторечия» (цит. по [Левашов 2009: 53]).

топоним сохраняется в употреблении; если же используется архаизм, автор приводит пояснение, чаще всего упоминая современное именование того же объекта. На наш взгляд, данная особенность свидетельствует о том, что в сознании Н.М. Карамзина читателем «Вестника Европы» является *москвич*, обладающий той же когнитивной базой, что и автор статей: автору нет необходимости пояснять, что называют не только общеизвестные слова *Москва*, *Кремль*, *Китай-город*, но и требующие особых знаний *Яуза*, *Труба*, *Неглинная*, *Дмитровка* и под. Таким образом, «Вестник Европы» Н.М. Карамзина являлся несомненным *московским* журналом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брунов Н.И.* Храм Василия Блаженного в Москве. Покровский собор. М., 1988.
2. *Грот Я.К.* Филологические разыскания. СПб., 1873.
3. *Карамзин Н.М.* Записки стараго московскаго жителя: [Очерк об улучшениях в Москве] // Вестник Европы. 1803b. Ч. 10. № 16. С. 276–286.
4. *Карамзин Н.М.* Известия и замечания. Москва // Вестник Европы. 1802c. Ч. 6. № 21. С. 69–73.
5. *Карамзин Н.М.* Историческия воспоминания и замечания на пути к Троице // Вестник Европы. 1802b. Ч. 4. № 15. С. 207–226.
6. *Карамзин Н.М.* О книжной торговле и любви к чтению в России // Вестник Европы. 1802a. Ч. 3. № 9. С. 57–64.
7. *Карамзин Н.М.* О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича // Вестник Европы. 1803c. Ч. 11. № 18. С. 119–145.
8. *Карамзин Н.*М. О публичном преподавании наук в Московском Университете // Вестник Европы. 1803f. Ч. 12. № 23/24. С. 261–268.
9. *Карамзин Н.М.* Путешествие вокруг Москвы // Вестник Европы. 1803a. Ч. 7. № 4. С. 278–289.
10. *Карамзин Н.М.* Руская старина (продолжение) // Вестник Европы. 1803e. Ч. 12. № 21/22. С. 94–103.
11. *Карамзин Н.М.* Руская старина // Вестник Европы. 1803d. Ч. 11. № 20. С. 251–271.
12. *Левашов Е.А.* Еще раз о Москве-реке и Москва-реке // Русская речь. 2009. № 3. С. 52–54.
13. *Носарев А.В., Скрябина Т.А.* Мосты Москвы. М., 2004.
14. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина. СПб., 1906.
15. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1988.
16. *Поспелов Е.М.* Географические названия Московской области. Топонимический словарь. М., 2007.
17. *Савельев В.С.* К истории использования прописных букв при написании имен монархов (на материале статей Н.М. Карамзина 1802–1803 гг.) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2024a. Т. 28. № 2. С. 10–20.
18. *Савельев В.С.* Функции курсива в статье Н.М. Карамзина «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице» (1802 г.) // Филология и человек. 2024b. № 2. С. 7–17.

19. *Словарь русского языка XVIII века*. Выпуск 20. Планета — Подняться. СПб., 2013.
20. *Сытин П.В.* Из истории московских улиц. М., 2011.

REFERENCES

1. Brunov N.I. *Hram Vasiliya Blazhennogo v Moskve. Pokrovskij sobor* [St. Basil's Cathedral in Moscow. Intercession Cathedral]. Moscow, Izdatel'stvo «Iskusstvo», 1988. 256 p. (In Russ.)
2. Grot YA.K. *Filologicheskie razyskaniya* [Philological Research]. SPb., Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk, 1873. 668 p. (In Russ.)
3. Karamzin N.M. Istoricheskiya vospominaniya i zamechaniya na puti k Troice [Historical Memoirs and Notes on the Path to the Trinity]. *Vestnik Evropy*, 1802b, vol. 4, no. 15, pp. 207–226. (In Russ.)
4. Karamzin N.M. Izvestiya i zamechaniya. Moskva [News and Remarks. Moscow]. *Vestnik Evropy*, 1802c, vol. 6, no. 21, pp. 69–73. (In Russ.)
5. Karamzin N.M. O knizhnoj torgovle i lyubvi k chteniyu v Rossii [On the Book Trade and the Love of Reading in Russia]. *Vestnik Evropy*, 1802a, vol. 3, no. 9, pp. 57–64. (In Russ.)
6. Karamzin N.M. O moskovskom myatezhe v carstvovanie Alekseya Mihajlovicha [About the Moscow Rebellion in the Reign of Alexei Mikhailovich]. *Vestnik Evropy*, 1803c, vol. 11, no. 18, pp. 119–145. (In Russ.)
7. Karamzin N.M. O publichnom prepodavanii nauk v Moskovskom Universitete [On Public Teaching of Sciences at Moscow University]. *Vestnik Evropy*, 1803f, vol. 12, no. 23/24, pp. 261–268. (In Russ.)
8. Karamzin N.M. Puteshestvie vokrug Moskvy [Travel around Moscow]. *Vestnik Evropy*, 1803a, vol. 7, no. 4, pp. 278–289. (In Russ.)
9. Karamzin N.M. Ruskaya starina (prodolzhenie) [Russian Antiquity (Continued)]. *Vestnik Evropy*, 1803e, vol. 12, no. 21/22, pp. 94–103. (In Russ.)
10. Karamzin N.M. Ruskaya starina [Russian Antiquity]. *Vestnik Evropy*, 1803d, vol. 11, no. 20, pp. 251–271. (In Russ.)
11. Karamzin N.M. Zapiski starago moskovskago zhitelya [Notes of an Old Moscow Resident]. *Vestnik Evropy*, 1803b, vol. 10, no. 16, pp. 276–286. (In Russ.)
12. Levashov E.A. Eshche raz o Moskve-reke i Moskva-reke [Once Again about the Moscow River]. *Russkaya rech'*, 2009, no. 3, pp. 52–54. (In Russ.)
13. Nosarev A.V., Skryabina T.A. *Mosty Moskvy* [Bridges of Moscow]. Moscow, Veche, 2004. 260 p. (In Russ.)
14. Olearij A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno* [Description of the Journey to Muscovy and Through Muscovy to Persia and Back]. Vvedenie, perevod, primechaniya i ukazatel' A. M. Lovyagina. Saint Petersburg, Izdanie A.M. Suvorina, 1906. 582 p. (In Russ.)
15. Podol'skaya N.V. *Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1988. 192 p. (In Russ.)
16. Pospelov E.M. *Geograficheskie nazvaniya Moskovskoj oblasti. Toponimicheskij slovar'* [Geographical Names of the Moscow Region. Toponymic Dictionary]. Moscow, AST Astrel' Hranitel', 2007. 600 p. (In Russ.)
17. Savel'ev V.S. K istorii ispol'zovaniya propisnyh bukv pri napisanii imen monarhov (na materiale statej N.M. Karamzina 1802–1803 gg.) [To the History of Use of Capital Letters When Writing the Names of Monarchs (Based on the Articles of N.M. Karamzin in 1802–1803)]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta, Filologicheskie nauki*, 2024a, vol. 28, no. 2, pp. 10–20. (In Russ.)

18. Savel'ev V.S. Funkcii kursiva v stat'e N.M. Karamzina «Istoricheskie vospominaniya i zamechaniya na puti k Troice» (1802 g.) [Functions of Italics in the Article by N.M. Karamzin "Historical Memories and Remarks on the Way to the Trinity" (1802)]. *Filologiya i chelovek*, 2024b, no. 2, pp. 7–17. (In Russ.)
19. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Issue 20. Planeta — Podnyat'sya. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2013. 246 p. (In Russ.)
20. Sytin P.V. *Iz istorii moskovskih ulic* [From the History of Moscow Streets]. Moscow, AST i dr., 2011. 512 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 18.01.2024
Принята к публикации 16.04.2024
Отредактирована 20.08.2024

Received 18.01.2024
Accepted 16.04.2024
Revised 20.08.2024

ОБ АВТОРАХ

Савельев Виктор Сергеевич — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета имени М.В. Ломоносова; alfertinbox@mail.ru

Ли Вэнвэнь — аспирант кафедры русского языка филологического факультета имени М.В. Ломоносова; 18103654701wen@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Victor Savelyev — PhD, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; alfertinbox@mail.ru

Li Wenwen — Postgraduate Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; 18103654701wen@gmail.com

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 157–169
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 5, pp. 157–169

НАРОДНО-ПЕСЕННЫЙ РАЗМЕР *5+5* В РУССКИХ ЭПИЧЕСКИХ ДУХОВНЫХ СТИХАХ[1]

А.М. Петров

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук, Петрозаводск, Россия; hermitage2005@yandex.ru

Аннотация: В статье на материале эпических духовных стихов рассматриваются проблемы фольклорной метрики. В центре внимания — особенности метроритмической структуры тех строк, которые укладываются в структуру народно-песенного двухиктного размера *5+5*. Тексты для анализа извлечены методом сплошной выборки из научных публикаций и из архивных источников (71 вариант, 8827 строк). Цель — установить степень распространенности ритмических форм типа *5+5* в эпическом тексте: ведь обычно размер *5+5* ассоциируется с народной лирикой. Как удалось установить, доля строк, укладывающихся в размер *5+5*, составляет порядка 13 %. Они представлены 30 ритмическими вариациями, среди которых преобладают «дольниковые». Доказано, что основу ритмики строк типа *5+5* в эпических духовных стихах составляет альтернация 3- и 4-ударных строк. Также зафиксированы структуры с пропуском ударений на тонических константах, с нарушением цезуры (12 %). Помимо опубликованных текстов, были использованы архивные аудиоматериалы. Анализ этих источников обнаружил, что при устном исполнении текста на мелодию меняется акцентная структура строки. Выявлена тенденция к выравниванию ударности слогов; словесные ударения не подавляются фразовыми. Также в общем массиве материала были обнаружены строки, которые можно условно отнести к «дериватам» схемы *5+5*. Это 11-сложники с наполнительными союзами-частицами, цезурными наращениями и т. п. Их генетическая связь с размером *5+5* подлежит дополнительному изучению и обоснованию. Отмечается необходимость использования более точных экспериментально-фонетических методов для анализа звучащих текстов; перспективным видится также тщательное изучение «пограничных» явлений в области фольклорной метрики.

Ключевые слова: стиховедение; фольклор; метрика; ритмика; размер *5+5*; духовные стихи

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-12

[1] Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках работы по госзаданию. Выражаю сердечную признательность анонимным рецензентам за ценные советы и замечания.

© Петров А.М., 2024

Для цитирования: *Петров А.М.* Народно-песенный размер *5+5* в русских эпических духовных стихах // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 157–169.

FOLK METRE *5+5* IN RUSSIAN EPIC SPIRITUAL VERSES

Alexander M. Petrov

Institute of Linguistics, Literature, and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia; hermitage2005@yandex.ru

Abstract: The paper focuses on the features of the metrical and rhythmical structure of the metre defined as *5+5*. The materials of the study are Russian epic spiritual verses. Texts for analysis were selected from academic publications and from archival sources by the method of continuous sampling (71 texts, 8827 lines). The purpose of the presented paper is to identify the extent of the distribution of this metre in the epic text: usually the *5+5* meter is associated with folk lyrics. As I was able to discover, the share of lines in the form of *5+5* is about 13 %. They are represented by 30 rhythmical variations, among which "dol'nik" type (an accentual verse with mono- and disyllabic inter-ictic interval) predominates. The basis of the *5+5* metre in epic spiritual verses is the alternation of lines with 3 and 4 stresses. Also, I managed to detect structures with skipped stresses on ictic positions and lines with a shift of caesura (12 %). In addition to published texts, I also used the archival audio recordings. An analysis of these sources revealed that when a text is performed orally to a melody, the accent structure of a line significantly changes. As far as I could discover, a word stress is never suppressed by a phrase accentuation. Also, in the entire corpus of materials, I managed to reveal the lines that can be conditionally classified as "derivatives" of the *5+5* scheme. These are lines with 11 syllables with additional particles, caesura extensions, etc. Their connection with a *5+5* form is subject to further study and argumentation. In the paper, the need to use precise methods of experimental phonetics is emphasized. A thorough study of "transitional" phenomena in the field of folklore metrics also seems promising.

Keywords: study of verse; folklore; metrics; rhythm; *5+5* metre; spiritual verses

For citation: Petrov A.M. (2024) Folk Metre *5+5* in Russian Epic Spiritual Verses. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 157–169.

1. Введение в проблему. Материал, цель, задачи

Народно-песенный размер *5+5* («кольцовский пятисложник») принято связывать с **лирическими** жанрами фольклора [Бейли 2010: 267], реже он обнаруживается в русском героическом эпосе [Беззубов 1978: 113]. Кратко напомним его важнейшие структурные признаки: «два пятисложных полустишия, цезура перед шестым слогом, постоянные ударения на третьем и восьмом слогах и факультативные ударения на последних слогах каждого полустишия»

[Бейли 2010: 219]. Хрестоматийный пример: «У коло́дезя, / у студе́нова, // Добрый мо́лодец / сам коня́ поил» [Бейли 2010: 219].

Вопрос о тяготении этого размера к лирике или эпосу долгое время оставался дискуссионным, в настоящее время более убедительным представляется его лирический «ореол». На этом фоне интересно попытаться выявить какие-то его следы в фольклорных **эпических** духовных стихах: ранее на этом материале «кольцовский пятисложник» не изучался. Метрика песенного фольклора — это сочетание разнонаправленных тенденций, не до конца изученных. Описание даже небольшого фрагмента стихового строя хотя бы в пределах одного эпического жанра дает возможность в дальнейшем сформулировать и более концептуальные вопросы: проблема межжанрового взаимодействия, эволюция народного стиха и т. д.

Эпические духовные стихи представляют собой довольно пестрый в тематическом и структурном отношении материал, однако строки, укладывающиеся в структуру размера *5+5*, встречаются здесь регулярно, пусть и не очень часто. Обычно произведения этого жанра — чистая народная тоника. Широко известны такие, например, сюжеты, как «Голубиная книга», «Мучения Егория», «Егорий и змей», «Два Лазаря», «Алексей, человек Божий», «Вознесение Христа», «Сорок калик со каликою» и мн. др.

Источники исследования — известные **публикации** народных духовных стихов [Бессонов; Кузнецова 2015]. Поскольку фольклорные произведения поются, то в работе нами использованы **аудиозаписи** Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН (далее — ФА) — экспедиционные материалы, собранные во 2-й пол. XX в. Всего аудиозаписей — **9**, полные тексты опубликованы в [Кузнецова 2015], из них **7** сопровождаются нотной записью. Всего было подвергнуто анализу **8827** строк в **71** варианте на разные сюжеты. Обычно строки *5+5* встречаются в сюжетах «Сорок калик со каликою», «Голубиная книга», «Мучения Егория», «Егорий и змей». Перечень материалов представлен в **Приложении**.

Цель работы — выявить степень распространенности размера *5+5* в эпических духовных стихах. **Задачи** — составление выборки; подсчет количества строк, укладывающихся в структуру *5+5*, в общем массиве текстов; выявление и описание стиховой структуры строк *5+5*; классификация метрических типов и ритмических вариаций.

Мы руководствуемся очень жесткими критериями отбора строк для анализа. Выборку составили только «чистые» строки *5+5*, т. е. строки, удовлетворяющие всем параметрам определения этого размера (по Дж. Бейли): десятисложники с цезурой, две тонические константы — на третьем и на восьмом слогах, без искусственных

переносов ударения. Вот несколько примеров из духовных стихов: «А и су́мочки / изпове́сили» [Бессонов 1861: 10]; «У нас И́ндрик зверь / всем зверья́м мати́[2]: // Что живе́т тот зверь / во свято́й горе, // Он и пье́т и ест / во свято́й горе <…> // Когда э́тот зверь / возыгра́ется, // Словно о́блацы / по подне́бесью: // Потому́ тот зверь / всем зверья́м мати́» [Бессонов 1861: 273].

Количество «чистых» строк структуры *5+5* составило **1211** (**13,7 %**). Разумеется, общее количество доступных сюжетов и вариантов существенно больше, но далеко не все из них содержат строки данного типа (например, в стихах «Алексей, человек Божий» или «Два Лазаря» можно не встретить ни одной строки *5+5* на всем протяжении текста).

Помимо «чистых» строк *5+5* имеются десятисложные строки, которые не полностью соответствуют определению Дж. Бейли (пропущено ударение на икте или нарушена цезура). Часть из них может быть отнесена к размеру *5+5* с натяжкой; часть, скорее всего, относится к какому-то другому структурному типу, несмотря на внешнее сходство с изучаемым размером. В **71** варианте общее количество таких строк составило **1094** (**12,4 %**): **651** случай пропуска ударения на тонической константе, в этом случае для образования чистого размера *5+5* необходимо искусственно перенести ударение на икт: «Когда́ Христо́с Бо́г на распя́тье шо́л» [Бессонов 1861: 272]; **177** случаев нарушения цезуры: «А Его́рья све́та / ничто́ нейме́т» [Бессонов 1861: 498]; **266** случаев — это комбинация обоих факторов: «Желты́ пески́ / ве́тры повы́несли» [Бессонов 1861: 499]. Какая-то часть таких строк может быть отнесена к размеру *5+5*. Например, перенос одного ударения в строке (особенно если этот перенос подкреплен сложившейся практикой исполнения песни и зафиксирован в словаре) вполне допустим. В случаях же наподобие «Он ру́чкой ма́шет, / го́лосом кричи́т» [Бессонов 1861: 17] пропущены оба ударения на гипотетических иктах, а для соответствия схеме необходимо перенести три ударения подряд. Такие трансформации представляются уже чрезмерными. Подробно описать этот интересный материал целесообразнее в специальной работе.

2. Структура строк *5+5*

Строки *5+5*, как уже было отмечено, содержат **две** тонические константы (ххХхх/ххХхх). Однако количество реализованных словесных ударений почти всегда больше; в этом случае можно говорить о сверхсхемных ударениях. Методика расстановки ударений для

[2] Так в публикации Бессонова. Сдвиг ударения в словоформах *мати́*, *птица́м*, *мысле́й* и др. характерен для акцентного рисунка стиха о Голубиной книге.

разметки фольклорного стиха может допускать разные пределы свободы. Например, Дж. Бейли мог атонировать служебные слова, уделяя первостепенное внимание самостоятельным частям речи [Бейли 2010: 235]. В нашей разметке мы руководствуемся техникой, подробно описанной в [Скулачева 2012]: она представляется вполне адекватной рассматриваемому материалу.

Ниже приведен полный список всех слогоакцентных реализаций схемы *5+5*, встретившихся в исследованных эпических духовных стихах (курсивом обозначены места сверхсхемных ударений).

Двухударные строки

xxXxx/xxXxx (2.2/2.2) А и су́мочки / изпове́сили [Бессонов 1861: 9]: **160** (**13,2 %**)

Трехударные строки

*X*xXxx/xxXxx (0.1.2/2.2) Я́ по па́мяти, / як по гра́моте [Бессонов 1861: 270]: **58** (**4,8 %**)

x*X*Xxx/xxXxx (1.0.2/2.2) Идти́ се́лами / и дере́внями [Бессонов 1861: 8]: **26** (**2,1 %**)

xxX*X*x/xxXxx (2.0.1/2.2) У нас е́сть до́чь да / одино́кая [Кузнецова 2015: 422]: **1** (**0,1 %**)

xxXx*X*/xxXxx (2.1.0/2.2) Во Ердáнь-реке́ / искупáтися [Бессонов 1861: 8]: **235** (**19,4 %**)

xxXxx/*X*xXxx (2.2/0.1.2) Соходи́лися / Пра́вда с Кри́вдою [Бессонов 1861: 273]: **92** (**7,6 %**)

xxXxx/x*X*Xxx (2.2/1.0.2) Благове́рному / царю́ Фе́дору [Бессонов 1861: 468]: **8** (**0,7 %**)

xxXxx/xxXx*X* (2.2/2.1.0) Становѝлися / во еди́ной кру́г [Бессонов 1861: 9]: **45** (**3,7 %**)

Четырехударные строки

*X*xX*X*x/xxXxx (0.10.1/2.2) О́н пошéл ча́рь да / закручи́нился [Кузнецова 2015: 307]: **1** (**0,1 %**)

*X*xXx*X*/xxXxx (0.11.0/2.2) Со́рок ка́лик и́х / со кали́кою [Бессонов 1861: 8]: **58** (**4,8 %**)

*X*xXxx/*X*xXxx (0.1.2/0.1.2) Ма́ло спа́лося, / мно́го ви́делось [Бессонов 1861: 273]: **34** (**2,8 %**)

*X*xXxx/x*X*Xxx (0.1.2/1.0.2) Зо́ри я́сныя / от ри́з Бо́жиих [Бессонов 1861: 275]: **3** (**0,3 %**)

*X*xXxx/xxXx*X* (0.1.2/2.1.0) Зо́ри бе́лыя / от оче́й Божьи́х [Бессонов 1861: 270]: **32** (**2,6 %**)

x*X*Xx*X*/xxXxx (1.01.0/2.2) Пришли́ все́ они́, / поклони́лися [Бессонов 1861: 17]: **5** (**0,4 %**)

x*X*Xxx/*X*xXxx (1.0.2/0.1.2) Скрича́т ка́лики / зы́чным го́лосом [Бессонов 1861: 9]: **9** (**0,7 %**)

x*X*Xxx/x*X*Xxx (1.0.2/1.0.2) Сиди́т де́вича / душа́ кра́сная [Бессонов 1861: 512]: **5** (**0,4 %**)

x*X*Xxx/xxXx*X* (1.0.2/2.1.0) Дожди́ си́льные / от мысле́й Божьи́х [Бессонов 1861: 275]: **7** (**0,6 %**)

xxXx*X*/*X*xXxx (2.1.0/0.1.2) Атама́н Касья́н / сы́н Миха́йлович [Бессонов 1861: 8]: **50** (**4,1 %**)

xxXx*X*/x*X*Xxx (2.1.0/1.0.2) Кабы бе́л поше́л / с земли́ на́ небо [Бессонов 1861: 292]: **27** (**2,2 %**)

xxXx*X*/xxXx*X* (2.1.0/2.1.0) Станови́л кали́к / во еди́ной кру́г [Бессонов 1861: 15]: **258** (**21,3 %**)

xxXxx/*X*xXx*X* (2.2/0.11.0) Подата́манье — / бра́т его́ родно́й [Бессонов 1861: 9]: **10** (**0,8 %**)

Пятиударные строки

*X*xXx*X*/*X*xXxx (0.11.0/0.1.2) Са́м Иису́с Христо́с, / ца́рь небе́сныий [Бессонов 1861: 291]: **8** (**0,7 %**)

*X*xXx*X*/x*X*Xxx (0.11.0/1.0.2) Ты́ бери́ себе́ / коня́ си́ваго [Бессонов 1861: 478]: **10** (**0,8 %**)

*X*xXx*X*/xxXx*X* (0.11.0/2.1.0) Мла́д-светёл месе́ц / от груде́й его́ [Бессонов 1861: 270]: **55** (**4,5 %**)

*X*xXxx/*X*xXx*X* (0.1.2/0.11.0) Дру́гой му́кушкой, / о́н пило́й пили́л [Кузнецова 2015: 453]: **3** (**0,3 %**)

x*X*Xx*X*/xxXx*X* (1.01.0/2.1.0) Свята́ Ру́сь земля́ / всем земля́м оте́ц [Бессонов 1861: 311]: **1** (**0,1 %**)

x*X*Xxx/*X*xXx*X* (1.0.2/0.11.0) Царя́ Фе́дора / о́н мече́м сколо́л [Бессонов 1861: 498]: **2** (**0,2 %**)

xx*X*X*X*/xxXx*X* (2.00.0/2.1.0) Начался́ бе́л све́т / от Свята́ Духа́ [Бессонов 1861: 275]: **1** (**0,1 %**)

xxXx*X*/x*X*Xx*X* (2.1.0/1.01.0) Из уше́й яво́ / столбо́м ды́м иде́т [Бессонов 1861: 465]: **1** (**0,1 %**)

Шестиударные строки

*X*xXx*X*/*X*xXx*X* (0.11.0/0.11.0) Са́м Иису́с Христо́с, / ца́рь небе́сный Бо́г [Бессонов 1861: 335]: **6** (**0,5 %**)

Всего — **30** схем. Цезурный ритм может поддерживаться внутренними рифмами между полустишиями: «Как Ёгорей-свет / во двенадцать лет» [Кузнецова 2015: 473].

Для строк *5+5* характерны *интервалы*, типичные для *дольника* (1, 2) и *акцентного стиха* (в наших примерах сигналом акцентного стиха являются нулевые и четырехсложные интервалы: *Т**ы** бер**и** себ**е** кон**я** с**и**ваго*; *Дожд**и** с**и**льные от мысл**е**й Божь**и**х*). Интерпретация

метрики этих строк — отдельная проблема [Бейли 2010: 221]. Дж. Бейли сначала рассматривал стих *5+5* как четырехстопный хорей с сильной дактилической цезурой [Бейли 2010: 222], однако впоследствии пересмотрел это определение и отказался от интерпретации метрики в точных терминах, предложив «нейтральное обозначение “размер 5+5”» [Бейли 2010: 222]. О точной метрике можно говорить лишь в контексте целого стихотворного текста. В нашем материале такие строки встречаются спорадически и не задают явного метроритмического рисунка. Однако следует обратить внимание на строки типа «А и су́мочки / изпове́сили», «Во Ерда́нь-реке́ / искупа́тися», «Соходи́лися / Пра́вда с Кри́вдою», «Станови́л кали́к / во еди́ной кру́г». В совокупности на них приходится более **60 %** строк *5+5*; именно с этими схемами обычно ассоциируется характерное звучание «кольцовского пятисложника». Поскольку преобладающей здесь является «дольниковая» вариация, мы можем присоединиться к мнению М.Л. Гаспарова, считавшего размер *5+5* **дольником** [Гаспаров 1984: 127–129; Гаспаров 1997: 103–104]. Что касается размера стиха *5+5*, то, на наш взгляд, с уверенностью можно говорить о **двух** тонических константах. Таким образом, метр строк *5+5* в эпических духовных стихах условно совпадает с **двухиктным дольником**. Мы не упускаем из виду и иные (в том числе «стопные») интерпретации, этот вопрос пока что не имеет окончательного решения. Материал, которым мы располагаем, не дает основы для каких-либо крупных обобщений.

Как мы уже заметили, количество реализованных словесных ударений почти всегда больше, чем количество ударений схемных. На этом материале подтверждается тенденция, ранее выявленная в былинном тактовике [Петров 2023: 87]: стихотворный строй эпического фольклора создается в основном **конкуренцией 3- и 4-ударных строк** (в сумме они дают порядка **80 %**, причем в эпических духовных стихах преобладают 4-ударные строки), с резким падением частотности строк 2-ударных (**13,2 %**); строки иной длины (5- и 6-ударные) редки, их интервальные схемы — это, скорее, ритмические раритеты, которыми в общем массиве строк можно пренебречь.

3. Особенности песенного исполнения

Фольклорный стих существует прежде всего в виде устного произведения. Исполнение на мелодию многое меняет в распределении ритмических акцентов. Важнейший момент — это **тенденция к выравниванию силы ударений**: словесные ударения, насколько можно судить по аудиозаписям, не подавляются фразовыми. Аналогич-

ная особенность обнаружена в былинном стихе [Петров 2023: 88]. На данном этапе работы мы пока что не прибегаем к инструментально-фонетическим методам анализа и ограничиваемся прослушиванием записей, однако подчеркнем, что для более уверенных и точных выводов ряд фонетических экспериментов необходим.

Проиллюстрируем сказанное показательным примером. В сборнике духовных стихов [Кузнецова 2015] имеется текст № 155 [Кузнецова 2015: 257–258], сюжет «Мучения Егория», записан в 1981 г. от А.Г. Крошниной в Беломорском районе Карелии. В нашем распоряжении имеется аудиозапись этого текста [ФА 2623/21[3]]. Стих исполняется А.Г. Крошниной в два приема: первую часть она поет (строки 1–19), вторую — пересказывает ритмизованной прозой (наподобие говорного стиха, но без рифмы; строки 20–47). В первой части повествование ведется плавно, каждое слово выделено сильным ударением, нет тенденции к ускорению или замедлению, мелодия во многом требует от исполнителя очень тщательной артикуляции звуков. Поэтому на слух опознать «канонический» ритм размера *5+5* не так просто: две ударные константы «растворяются» среди прочих ударений, особенно в тех случаях, когда имеются распевы с характерным протягиванием гласных, расширением силлабического состава строки. Переход на пересказ приводит к двум важнейшим последствиям: 1) В тексте появляются помарки, оговорки; если первую часть исполнительница поет очень чисто, без единой ошибки, то вторая содержит самоперебивы, обрывы, перестановки слов, паузы, во время которых вспоминается текст. Без мелодии исполнительская техника функционирует с явными сбоями. 2) Коренным образом меняется акцентная структура строки: появляются отчетливые фразовые ударения, исполнение приобретает «волнообразный» характер: сильные акценты чередуются с более слабыми, второстепенными: «ОставлЕ́ньицо, / чА́до мИ́лое» (с напевом), «Свѐту бЕ́лого, / сòлнца крА́сного» (без напева), «РоскатИ́ли все / сѐры кА́мешки» (без напева).

4. Переходные формы

В некоторых случаях размер *5+5* может быть «замаскирован», «завуалирован» наполнительными «фольклорными» частицами-союзами. Специально мы такие строки не регистрировали, поскольку они не относятся к 10-сложным, а их генетическая связь с размером *5+5* не всегда может быть доказана. Однако в качестве интересного материала для исследований в области истории фольклорного сти-

[3] Первое число обозначает номер носителя (кассеты или диска), второе — номер дорожки.

ха они могут быть учтены. Приведем примеры: «Жил Царищо Кудриянищо, // Кудриянищо **да** Царь Наянищо, // Кудриянищо / Царь Наянищо, // Всих князей-бояр **да** ён поднець[4] склонил, // Всих князей-бояр / ён поднець склонил, // Ён поднець склонил, **да** головы срубил, // У само-верного князя Фёдора. // Оставалосе **да** цядо милоё, // Оставалосе / цядо милоё, // Цядо милоё, дитя любимоё, // Как Ёгорей-свет / во двенадцать лет» [Кузнецова 2015: 473]; «**И** от чего у нас / зори-молоньи?» [Бессонов 1861: 283].

Наиболее тесную связь с размером *5+5* обнаруживают строки с частицей «да» на месте цезурного рассечения. Строки с частицей «да» имеют хореический ритм, обычно они по слогоакцентной структуре укладываются в схему 5- или 6-стопного хорея: «Кудриянищо да Царь Наянищо» [Кузнецова 2015: 473] (Х5 с дактилической клаузулой[5]), «Ён стоём стоит да всё стихи поет» [Кузнецова 2015: 473] (Х6 с мужской клаузулой). Такие случаи ранее были выявлены на другом фольклорном материале: в стихотворных небылицах, балладах [Бейли 2009: 23–25]. Возможно, варьирование размера *5+5* по модели 6-стопного хорея в какой-то мере предопределено именно фольклорной стиховой традицией, поскольку этот размер широко распространен в народной поэзии: это стих севернорусских причитаний, лирических песен, авторских подражаний народным песням [Тарановский 2010: 317–318].

Являются ли ответвлением от размера *5+5* строки с начинательным союзом-частицей: «**И** от чего у нас зори-молоньи?» — вопрос более сложный. Мы не склонны проводить здесь прямые параллели, особенно вне контекста.

К рассмотренным строкам примыкают и некоторые другие, в которых размер *5+5* просвечивает сквозь иную метрическую структуру. Это строки типа «У само-верного /ˀ князя Фёдора», «Уж ён стал неверной, /ˀ ёго мучити», «Уж ён стал Ёгорья /ˀ топором рубить» и т. п., в которых отчетливо ощущается автономность последних пяти слогов, а отклонение от схемы *5+5*, вероятно, создается добавлением лишнего слога в анакрузе или гипотетическим цезурным наращением («невер-ной», «Ёгорь-я»). Подобные явления в области цезуры отмечаются на самом обширном материале русского стиха [Корчагин 2021: 140].

Силлабические колебания, заметим, не являются чем-то невозможным в строках *5+5*. Если вспомнить, к примеру, романс «Очи черные», то в известном исполнении Ф.И. Шаляпина в кульминационный момент развития лирического сюжета происходит разлом

[4] Так в публикации. Имеется в виду «под меч склонил».

[5] Подобные строки вне метроритмического контекста могут быть интерпретированы и как *трехстопный анапест*.

метрики, который сопровождается сильнейшим интонационным выделением: «Не встречал бы вас, / не страдал бы так, // Я бы прожил жизнь / улыбаючись. // Вы **сгубили** меня, / очи чёрныя, // Унесли навек / моё счастие». Здесь строка «Вы сгубили меня» звучит 2-стопным анапестом, на такие случаи уже указывалось ранее [Беззубов 1978: 110].

Таким образом, размер *5+5* не может быть сведен лишь к «чистым» реализациям стихового конструкта. Классическая схема *5+5* — это инвариант, который в фольклоре (и не только) может представать в неожиданном облике. На наш взгляд, наиболее интересные явления располагаются именно в «пограничных» областях между моделью и ее интерпретациями. Этот материал заслуживает самого внимательного изучения.

5. Выводы

В настоящей работе представлены результаты исследования строк, совпадающих по структуре с народно-песенным размером *5+5*, на материале эпических духовных стихов. Проанализирован **71** вариант (**8827** строк); всего текстов существенно больше, но мы отбирали **только** те, в которых фиксировались строки типа *5+5* без значительных отступлений. Такие ритмические формы в эпических текстах занимают устойчивые позиции, но ни в коем случае не могут быть признаны характерными для жанра. Основная область пятисложника — лирические формы фольклора, на что ранее указал Дж. Бейли. В эпических духовных стихах, проанализированных нами, количество строк «чистого» размера *5+5* составляет порядка **13,7 %**. Все эти случаи представлены **30** ритмическими вариациями, среди которых преобладают вариации «дольниковые». Следовательно, ритмика этого метра существенно разнообразнее, чем может показаться при беглом знакомстве с текстами. В основе стиховой структуры — **альтернация 3- и 4-ударных строк** с незначительным преобладанием **4-ударных**.

Вариативность, возможный разнобой в народно-песенной акцентуации, неоднородное качество фиксации материалов — эти и другие факторы способствуют тому, что, помимо «чистых», «классических» форм размера *5+5*, в структуре фольклорного стиха могут быть обнаружены разного рода «переходные» явления; структуры, напоминающие о размере *5+5*, но не вписывающиеся в рамки точного определения этого размера. К таким структурам мы отнесли 10-сложники с пропусками ударений на тонических константах и нарушением цезуры — их набралось **12,4 %**. Они требуют отдельного изучения в обязательном сопоставлении с размером *5+5*.

Кроме 10-сложников, имеются и 11-сложники с наполнительными союзами-частицами, цезурными наращениями и т. п. Значительная их часть, несомненно, коррелирует с размером *5+5*, но представляет собой уже ответвление от «канона»; они совпадают с ритмами 5-стопного и 6-стопного хорея.

Использованы также аудиозаписи произведений фольклора. Важнейшая закономерность, обнаруженная при их прослушивании, заключается в следующем: в отличие от литературной декламации, при устном музыкальном исполнении существенно ослаблена тенденция к образованию сильных фразовых ударений; исполнение звучит очень ровно, ударность слогов на слух воспринимается как практически идентичная. Эта часть работы требует дополнительной экспериментально-фонетической проверки на более широком материале.

Наиболее перспективными представляются дальнейшие исследования в «пограничных» областях фольклорной метрики, поскольку принципиальная неточность, за которой все же улавливается языковая закономерность, — это самое существенное и ценное, что отличает устный народный стих от литературных, книжно-письменных форм версификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беззубов А.Н.* Пятисложник // Исследования по теории стиха. Л., 1978. С. 104–117.
2. *Бейли Дж.* Был ли 5-стопный хорей древней формой русского эпического размера? // Славянский стих. VIII: Стих, язык, смысл. М., 2009. С. 20–30.
3. *Бейли Дж.* Три русских народных эпических размера. М., 2010.
4. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984.
5. *Гаспаров М.Л.* Русский народный стих и его литературные имитации // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. III. О стихе. М., 1997. С. 54–131.
6. *Корчагин К.М.* Русский стих: цезура. СПб., 2021.
7. *Петров А.М.* Существует ли трехиктный былинный тактовик? // Вопросы языкознания. 2023. № 4. С. 65–95. doi: 10.31857/0373-658X.2023.4.65-95
8. *Скулачева Т.В.* Методы определения метра в неклассическом стихе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Том 71. № 2. С. 45–54.
9. *Тарановский К.Ф.* Русские двусложные размеры. Статьи о стихе. М., 2010.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бессонов П.А. Калеки перехожие. Вып. 1–6. М., 1861–1864.

Духовные стихи Русского Севера / Сост. *В.П. Кузнецова*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015.

Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ФА)

REFERENCES

1. Bailey J. Byl li 5-stopnyi khorei drevnei formoi russkogo epicheskogo razmera? [Was Trochaic Pentameter an Archaic Form of Russian Epic Meter?]. *Slavyanskii stikh. VIII: Stikh, yazyk, smysl*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009, pp. 20–30. (In Russ.)
2. Bailey J. *Tri russkikh narodnykh epicheskikh razmera* [Three Russian Lyric Folk Song Meters]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2010. 584 p. (In Russ.)
3. Bezzubov A.N. Pyatislozhnik [Pentasyllabic]. *Issledovaniya po teorii stikha*. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 104–117. (In Russ.)
4. Gasparov M.L. *Ocherk istorii russkogo stikha: metrika, ritmika, rifma, strofika* [Outline of the History of Russian Verse: Metrics, Rhythm, Rhyme, Stanza]. Moscow, Nauka Publ.,1984. 320 p. (In Russ.)
5. Gasparov M.L. Russkii narodnyi stikh i ego literaturnye imitatsii [Russian Folk Verse and Its Literary Imitations]. Gasparov M.L. *Izbrannye trudy. T. III. O stikhe*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1997, pp. 54–131. (In Russ.)
6. Korchagin K.M. *Russkii stikh: tsezura* [Russian Verse: Caesura]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2021. 520 p. (In Russ.)
7. Petrov A.M. Sushchestvuet li trekhiktnyi bylinnyi taktovik? [Is There a Three-Ictic *Taktovik* in the Verse of Russian Bylinas?]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2023, 4, pp. 65–95. (In Russ.). doi: 10.31857/0373-658X.2023.4.65-95
8. Skulacheva T.V. Metody opredeleniya metra v neklassicheskom stikhe [Methods of Determining Metre in Non-classical Verse.]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2012, vol. 71, no. 2, pp. 45–54. (In Russ.)
9. Taranovskii K.F. *Russkie dvuslozhnye razmery. Stat'i o stikhe* [Russian Binary Metres. Papers about Verse]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ, 2010. 552 p. (In Russ.)

SOURCES

Bessonov P.A. *Kaleki perekhozhie. Vyp. 1–6* [Kaleki perekhozhie. Iss. 1–6]. Moscow, Tip. A. Semena, Bakhmeteva, Lazarevskogo Instituta vostochnykh yazykov Publ., 1861–1864. 1664 p.

Dukhovnye stikhi Russkogo Severa [Spiritual Verses of the Russian North]. Kuznetsova V.P. (comp.). Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN Publ., 2015. 800 p.

Fonogrammarkhiv Instituta yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN [Audio Archive of the Institute of Linguistics, Literature, and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences]

Поступила в редакцию 20.12.2023
Принята к публикации 16.04.2024
Отредактирована 21.08.2024

Received 20.12.2023
Accepted 16.04.2024
Revised 21.08.2024

ОБ АВТОРЕ

Петров Александр Михайлович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; hermitage2005@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander M. Petrov — PhD, Senior Researcher; Department of Folklore and Literature (with Audio Archive), Institute of Linguistics, Literature, and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences; hermitage2005@yandex.ru

Приложение

СПИСОК ИЗУЧЕННЫХ СЮЖЕТОВ И ВАРИАНТОВ

«Сорок калик со каликою» (Бессонов, № 4), «Голубиная книга» (Бессонов, №№ 76–84, 87, 88; Кузнецова, №№ 57, 151, 299), «Мучения Егория», «Егорий Храбрый («Егорий и змей»)» (Бессонов, №№ 98–104, 106–108, 114, 117–120; Кузнецова, №№ 19, 20, 27, 38, 42, 43, 140[6], 143, 152, 155[7], 162[8], 164, 169, 183, 185, 194[9], 198[10], 222, 223, 233, 241, 244, 249, 267[11], 268[12], 273[13], 275, 285[14], 308, 311–313, 315), «Федор Тирянин» (Бессонов, №№ 121–124), «Агрик и его сын Василий» (Бессонов, №№ 126, 127), «Борис и Глеб» (Бессонов, № 140), «Два Лазаря» (Кузнецова, № 26[15]).

[6] В сборнике [Кузнецова 2015] имеется нотация; аудиозапись этого варианта отсутствует.

[7] Аудиозапись — ФА 2623/21.

[8] Аудиозапись — ФА 2623/10 (в сборнике [Кузнецова 2015] имеется также нотная запись).

[9] Аудиозапись — ФА 3399/18 (имеется нотная запись).

[10] Аудиозапись — ФА 3262/7 (имеется нотная запись).

[11] Аудиозапись — ФА 2533/2 (имеется нотная запись).

[12] Аудиозапись — ФА 2540/1 (имеется нотная запись).

[13] Аудиозапись — ФА 1422/10 (имеется нотная запись).

[14] Аудиозапись — ФА 2633/2 (имеется нотная запись).

[15] Аудиозапись — ФА 485/1.

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 170–181
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 5, pp. 170–181

КАКОЙ РАЗМЕР БЫЛ ПЕРВИЧНЫМ ДЛЯ АЛФАВИТНЫХ ОРАКУЛОВ: ЯМБИЧЕСКИЙ ТРИМЕТР ИЛИ ГЕКЗАМЕТР?

Е.В. Приходько

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; aristonica@list.ru

Аннотация: Алфавитные оракулы — это собрание одностишных прорицаний, расположенных по алфавитному принципу. Известны они лишь благодаря двенадцати надписям II в. н. э., найденным в юго-западной Малой Азии. Десять оракулов написаны ямбическим триметром и лишь два — гекзаметром. Возникает вопрос: какой размер был для этого вида мантики первичным? Надписи с оракулами, написанными гекзаметром, были найдены во фригийском городе Гиераполе. Почти две трети прорицаний гекзаметрического оракула совпадают по содержанию с прорицаниями алфавитного оракула с территории писидийского города Тимбриады. Нолле показывает, что оракул из Тимбриад мог послужить образцом для оракула из Гиераполя, поскольку 1) большинство алфавитных оракулов написано ямбом, 2) в Σ- и Ω-стихах имя бога Сераписа, почитавшегося во всем регионе, заменено на почитавшегося в Гиераполе Аполлона Карейского, 3) K- и M-стихи оставлены в ямбе, но позаимствованы не из оракула из Тимбриад, а из более распространенной версии. Автор статьи ставит перед собой задачу проверить заключение Нолле путем сравнения текста идентичных по содержанию изречений и выбирает для этого Γ-, N- и Ψ-стихи. При этом она опирается не на общий смысл изречений, а на сопоставительный анализ их языковой структуры. Проведенное исследование подтверждает первичность ямбического оракула. В прорицаниях из Тимбриад используется традиционный языковой материал, им свойственна стройность и логичность. Прорицания из Гиераполя выглядят более искусственно: в них присутствуют редкие слова и синтаксические неологизмы, а также явно лишние слова, добавленные для наполнения более длинного гекзаметрического стиха, что говорит о зависимости содержания этих прорицаний от более короткого оригинала.

Ключевые слова: алфавитный оракул; поэтический размер прорицания; ямбический триметр; гекзаметр; Тимбриады; Гиераполь

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-13

Для цитирования: *Приходько Е.В.* Какой размер был первичным для алфавитных оракулов: ямбический триметр или гекзаметр? // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 170–181.

© Приходько Е.В., 2024

WHAT METER WAS PRIMARY FOR ALPHABETICAL ORACLES: IAMBIC TRIMETER OR HEXAMETER?

Elena V. Prikhodko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; aristonica@list.ru

Abstract: Alphabetical oracles are a collection of one-line prophecies organized in alphabetical order. Their existence is known solely through epigraphic evidence. Twelve inscriptions were discovered in southwestern Asia Minor, dating back to the 2nd century AD. Among these, ten oracles were composed in iambic trimeter, while only two were in hexameter. The question arises: what meter was primarily employed for this form of divination? Inscriptions containing alphabetical oracles in hexameter were revealed in the Phrygian city of Hierapolis. Almost two-thirds of the hexametric oracle's prophecies coincide in content with the prophecies of the oracle originating from the region of the Pisidian city of Timbriada. Nollé argues that the oracle from Timbriada might have served as a prototype for the Hierapolis oracle, for several reasons: 1. The majority of alphabetical oracles are composed in iambic meter; 2. In the Σ- and Ω-verses, the name of the widely venerated god Serapis, prominent across the region, is substituted with Apollo Kareios, who was revered in Hierapolis; 3. The K- and M-verses remain in iambic meter, yet they are not borrowed from the Timbriada oracle but from a more prevalent version. The author of the article aims to validate Nollé's conclusion by comparing the text of prophecies that share identical content. The investigation relies not on the overall meaning of the prophecies, but on a comparative analysis of their linguistic structure. To achieve this, the author selects Γ-, N- and Ψ-verses. The research confirms the supremacy of the iambic oracle. The verses of the Timbriada oracle employ traditional linguistic elements, characterized by coherence and logic. In contrast, the verses of the Hierapolis oracle appear more artificial, incorporating uncommon vocabulary and syntactic neologisms, along with extra words inserted to fill the longer hexametric lines. All this indicates the dependence of the content of these verses on the shorter original.

Keywords: alphabetical oracle; poetic meter of divination; iambic trimeter; hexameter; Timbriada; Hierapolis

For citation: Prikhodko E.V. (2024) What Meter Was Primary for Alphabetical Oracles: Iambic Trimeter or Hexameter? *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 170–181.

1. Что такое алфавитный оракул, или Введение

Алфавитные оракулы — это редкое направление мантического искусства, известное нам только благодаря эпиграфическому материалу. В нескольких соседних регионах Малой Азии: Писидии, Памфилии, Ликии, Кибиратиде и Фригии, — а также на Кипре было найдено двенадцать надписей, содержащих алфавитные оракулы.

Долгое время эти надписи были разбросаны по эпиграфическим публикациям, и только в 2007 г. их собрал вместе в одном издании Й. Нолле [Nollé 2007: 223–279]. Датируются они II — нач. III в. н. э. и демонстрируют очень разную степень сохранности: от полного текста до четырех слов из первых двух строк в надписи из Сиды. Алфавитный оракул представляет собой собрание из двадцати четырех одностишных прорицаний, расположенных по алфавитному принципу: первое прорицание начинается с альфы, второе — с беты и так до омеги. Собственно, эти прорицания нельзя признать предсказаниями: они не рисуют картин будущего, но дают конкретные советы по тактике поведения для достижения стоящей перед вопрошающим цели. Каким образом происходил выбор нужного прорицания, точно неизвестно. Для этого могли использовать набор камешков с нанесенными на них буквами или бросать астрагалы и по определенному алгоритму вычислять искомую букву [Nollé 2007: 224].

2. Постановка вопроса об изначальном размере алфавитных оракулов

Прорицания десяти алфавитных оракулов, хотя частично и разнятся по содержанию, написаны ямбическим триметром, и лишь два оракула, найденные во фригийском городе Гиераполе, написаны гекзаметром. На первый взгляд может показаться, что именно эти гекзаметрические оракулы старше своих ямбических собратьев, так как, во-первых, гекзаметр был признанным размером для изречений оракулов и, во-вторых, распространенные в то же самое время в этих же областях оракулы по пяти и семи астрагалам почти все были написаны гекзаметром. Однако это предположение разбивается о целый ряд контрдоводов. Дело в том, что приблизительно две трети прорицаний гекзаметрического оракула совпадают по содержанию с прорицаниями оракулов из писидийского города Тимбриады (точнее, из святилища Эвримедонта и Матери богов, расположенного на землях Тимбриад[1]) и из кипрского города Солы. Сравнивая эти оракулы, Нолле приходит к заключению, что ямбический оракул из Тимбриад (или некий аналогичный ему оракул, не дошедший до наших дней) послужил образцом при создании гекзаметрического оракула из Гиераполя [Nollé 2007: 226–227]. Подобный вывод основан на следующих наблюдениях.

Во-первых, большинство алфавитных оракулов было написано ямбом, гекзаметрические образцы происходят только из Гиераполя и явно представляют собой исключения. Во-вторых, Σ- и Ω-стихи

[1] Для краткости мы будем называть его оракулом из Тимбриад.

оракула из Тимбриад адресуют просителя к Серапису, богу, который широко почитался в этом регионе: «Сераписа ты вопрошай — неложный бог»[2] и «К кому Серапис благосклонен, счастлив тот». При этом в Σ-стихе имя бога было к тому же закреплено акростихом. В тексте оракула из Гиераполя Серапис не упоминается, а вместо него в Σ- и Ω-стихах появляется Аполлон Карейский, особо почитавшийся в Гиераполе, но его имя не стоит в начале стиха и не связано с акростихом: «Чрез прорицанья Карейца спасет тебя царь всех бессмертных» и «Тюхе Кареец направит к тому, к кому бог благосклонен». В-третьих, оракул из Гиераполя позаимствовал в неизменном виде, то есть в ямбе, К- и М-стихи, но не из оракула из Тимбриад, а из более распространенной версии: так выглядят эти стихи и у обоих оракулов из Олимпа (М-стих только у одного оракула из Олимпа) и у оракулов из Анбарджыка, Эноанд, города возле Коджаалилер и Аспенда. Также и Λ-стих был переработан в гекзаметр только наполовину: его концовка была оставлена ямбической и точно соответствует Λ-стиху оракулов основной традиции.

Аргументы Нолле вполне логичны и не вызывают сомнений. Однако если учесть весьма ограниченный объем обнаруженного материала, — трудно даже представить, какой процент от существовавших надписей оказался сейчас в нашем распоряжении, — то возникает стремление найти дополнительные доказательства вторичности гекзаметрического оракула. Здесь следует подчеркнуть, что алфавитные оракулы до сих пор изучались только эпиграфистами, и Нолле делает свои выводы исходя из общих смысловых фактов. Последовательный филологический анализ этих текстов никогда не проводился. Поэтому целью данной работы будет выявить первичность ямбического или гекзаметрического текста исключительно на основании сравнения языка идентичных по содержанию изречений. При этом не будем забывать, что оба оракула были созданы во II в. н. э., и, значит, один может быть старше другого всего на несколько десятилетий, то есть их авторы не только жили в соседних областях Малой Азии, но и были людьми одной эпохи или даже одного поколения и творили в русле общей литературной традиции того времени.

3. Сравнение трех идентичных по содержанию изречений

Жанр статьи не позволяет нам провести сравнение всех парных изречений, и поэтому для данной работы были выбраны три наиболее показательные пары.

[2] Все переводы с древнегреческого — как прозаические, так и поэтические — сделаны автором.

3.1. Г-стих

Г-стих напоминал вопрошавшему о судьбе земледельца, спасшего замерзшую змею. Оракул из Тимбриад возвещает:

> Γεωργὸς ὣς ἔ[χιδ]ναν εἰς κόλπους δέχῃ, —
> «Как пахарь, ты змею за пазуху кладешь».

И ему вторит оракул из Гиераполя:

> Γειαρότης, ὥς φασι, δέχου κόλποισι ἔχιδναν, —
> «О земледелец, как молвят, змею ты за пазухой спрятал».

Мотив спрятанной за пазухой змеи известен уже с Феогнида: «Сгинь, и богам ненавистный, и для людей вероломный, ты, который имел за пазухой холодного пестрого змея» (601–602). Но оракул определенно опирается на сюжет басни Эзопа «Крестьянин и змея»: «Крестьянин нашел зимней порой скованную холодом змею и, пожалев ее, взял и положил за пазуху. Змея же, согревшись и придя в себя, ужалила благодетеля и убила. И он, умирая, сказал: “По заслугам я страдаю, ибо пожалел злодейку”. Басня показывает, что злые нравы неисправимы, даже если им оказывают великие благодеяния» (62 Hausrath–Hunger). Похожий сюжет имеет в эзоповом корпусе также и басня о путешественнике и гадюке (186 Hausrath–Hunger). В дальнейшем о змее, убившей своего спасителя, повествовали басни Бабрия (II 143) и Федра (IV 20); кроме того, образ согреваемой змеи неоднократно появлялся в произведениях как античных, так и византийских авторов. Например, у Флавия Филострата Аполлоний уверяет влюбленного в эмпусу Мениппа, что он «греет змею» (VA. IV 25). Либаний призывает город не прекращать вражду, не гасить ненависть, «не заботиться о змее» (Or. LVII 39). Григорий Богослов, обращаясь к своей плоти, говорит: «Ведь у меня нет времени пригревать домашнего врага, чтобы он, как замерзшая змея, потом, согревшись, поразил меня, будучи у груди моей)» (Ad suam animam, col. 1440 Migne PG XXXVII). Согласно паремиографу Арсению, существовала поговорка «Кормить змею», которая означала «делать добро злодею» (XIII 79a).

Распространенность этого сюжета способствовала тому, что он был выбран составителем алфавитного оракула для одного из прорицаний — ведь когда все изречение должно уложиться в одну строку, использование знакомого сюжета позволяет расширить содержательные рамки прорицания за счет того, что нет необходимости излагать детали, уже известные вопрошающему из общего культурного наследия. Оба изречения начинаются со слова «земледелец», чья начальная гамма определяет место этого изречения

в акростихе. Но у оракула из Тимбриад это слово γεωργός, а у оракула из Гиераполя — γειαρότης. Замена слова явно произошла по требованию размера. Однако употребительность этих слов не сопоставима. Слово γεωργός активно использовали уже авторы V в. до н. э., и с веками его функционирование в языке не ослабевало. В баснях и Эзопа, и Бабрия — а значит, и в идущей от них традиции изложения сюжета — стоит именно γεωργός. Γειαρότης, напротив, слово крайне редкое. Оно появилось где-то к концу эллинизма и, по данным ресурса TLG, зафиксировано (кроме нашего оракула) 4 раза: у поэтов Архия и Антипатра Фессалонийского (?) (AP. XVI 94, 2; IX 23, 1), в «Гномах» Псевдо-Фокилида (201) и в эпиграмме, найденной в Аполлонии, на границе Фригии и Писидии (MAMA IV 140, 1). В первых двух случаях γειαρότης служит обозначением человека, а в двух других это эпитет быка. Интересно отметить, что надпись из Аполлонии датируется 222 г., то есть по времени создания она близка оракулу из Гиераполя, и, если учесть, что оба города — и Аполлония, и Гиераполь — были расположены во Фригии, можно высказать предположение о местном, фригийском использовании этого слова.

После «земледельца» в обоих изречениях стоит ὥς, но в оракуле из Тимбриад оно вводит сравнение вопрошающего с земледельцем и расположено постпозитивно, а в оракуле из Гиераполя конструкция изменена: с ὥς начинается вводное выражение «как говорят», сравнения здесь нет, а γειαρότης оказывается обращением к вопрошающему. При этом во всем этом построении отсутствует поэтическая стройность. Почему проситель назван «земледельцем»? Видимо, по-другому связать с ним ситуацию со змеей у автора не получилось. Почему в качестве звательного падежа вместо γειαρότα использована форма именительного? Понятно, что metri causa. Зачем в столь короткий текст изречения вставлена совершенно бессмысленная здесь фраза «как говорят»? Очевидно, что из-за необходимости наполнить более длинный гекзаметрический стих.

Если форма сказуемого изречения из Тимбриад не вызывает никаких вопросов: δέχῃ — praesens ind. med.-pass. 2 sg. «ты принимаешь», — то относительно формы сказуемого прорицания из Гиераполя мнения ученых разделились: Ф. Д'Андрия [D'Andria 2003: 229], Т. Ритти [Ritti 1989: 249] и М. Хорнум [Hornum 1993: 293] полагают, что δέχου — это imperativus praes. med.-pass. 2 sg. «прими»[3], с чем категорически не согласен Нолле, утверждающий, что импе-

[3] В другой работе Ритти δέχου переведено как «ты принимаешь» [Ritti 2006: 168], но, видимо, это — проблема неточного английского перевода: в итальянском языке есть две омонимичные формы accogli: 2-е лицо индикатива настоящего времени и 2-е лицо императива.

ратив делает это прорицание бессмысленным, а форму δέχου следует рассматривать как эпический имперфект без аугмента [Nollé 2007: 259]. Правда, и при таком толковании остается вопрос: почему было не оставить вполне подходящую по метрике форму δέχῃ?

В изречении из Тимбриад при δέχομαι стоит εἰς κόλπους, а в изречении из Гиераполя — κόλποισι. Дательный падеж встречается при этом глаголе чаще, но к моменту создания алфавитных оракулов в языке использовались оба вида управления (был также и вариант ἐν κόλποις), а значит, падеж слова κόλπος не дает нам никаких аргументов в пользу первенства того или другого прорицания.

Слово ἔχιδνα присутствует в обоих изречениях и тоже не может указать на более ранний вариант.

3.2. N-стих

N-стих обещает просителю перемены к лушему. В оракуле из Тимбриад сказано:

> Νυκτὸς κελαινῆς ἐκ μέσης ἔσται φάος, —
> «Из непроглядной полночи возникнет свет».

Оракул из Гиераполя объявляет:

> Νυκτὸς ἀπὸ ζοφερῆς ἐφάνη ποτὲ φωσφόρος ἀκτί[ς], —
> «Луч светоносный однажды из ночи возник непроглядной».

Прорицание из Тимбриад в своем построении опирается на литературную традицию. Так, Пиндар утверждает: «Богу по силам из черной ночи поднять неосквернённый свет (μελαίνας ἐκ νυκτὸς ἀμίαντον ὄρσαι φάος)» (Fr. 108b). У Флавия Филострата Аполлоний говорит правителю Эллады: «Не бойся! Ведь будет из этой ночи свет» (VA. VIII 23). Или Евсевий пишет: «…они просияли, словно некий свет из мрачной ночи» (HE. IX 1, 8). Само по себе выражение ἔσται φάος «будет свет» можно встретить в произведениях разных авторов. Во «Всадниках» Аристофана хор поет: «Приятнейший свет дня будет и для присутствующих, и для приходящих, если погибнет Клеон» (973–976). У Ликофрона Кассандра предсказывает судьбу этолийцев, которые отправятся в Апулию потребовать земли Диомеда: «Будет однажды послам этолийцев там свет скорбный и всевраждебнейший» (1056–1057). В «Книге пророка Захарии» написано: «В тот день не будет света… И день тот ведом только Господу: и не день, и не ночь; и к вечеру будет свет» (14: 6–7). В «Сивиллиных книгах» предсказывается: «И не будет также в последнее время сияющего света луны» (V 347–348).

В изречении из Гиераполя место слова «свет» занимает словосочетание φωσφόρος ἀκτίς «светоносный луч». Привлечение столь

длинного по сравнению с φάος словосочетания объясняется опять же необходимостью заполнить более многосложный, нежели ямб, гекзаметрический стих. И в своем стремлении растянуть ямб до гекзаметра составитель оракула из Гиераполя создал словосочетание, которое оказывается синтаксическим гапаксом и больше ни у одного автора не встречается. Затем вместо глагола «быть» он воспользовался глаголом φαίνομαι, но поставил его почему-то в форму аориста, в результате чего прорицание, которое по сути своей должно было вести речь о грядущих событиях, превратилось в констатацию уже свершившегося факта: «некогда явился светоносный луч». И здесь составитель оракула из Гиераполя вновь прибегнул к литературному новаторству, соединив ἀκτίς и ἐφάνη — такого словосочетания у других авторов нет.

Согласно изречению из Тимбриад, свет должен возникнуть не просто «из ночи», а «из черной полночи». Словосочетание μέση νύξ / μέσαι νύκτες — буквально «серединная ночь», то есть «полночь», — впервые зафиксировано в стихотворении, которое связывают с творчеством Сапфо (Fr. 168 B Voigt), и затем насчитывает, согласно TLG, около двух сотен случаев употребления. Эпитет κελαινή «черная» закреплен за словом «ночь» уже гомеровской формулой ἀμφὶ δὲ ὄσσε κελαινὴ νὺξ ἐκάλυψε — «а глаза окутала черная ночь» (Il. V 310, XI 356, ср. XIV 438–439)[4], и затем его использовали Эсхил (Pers. 428), Еврипид (HF. 834), Аполлоний Родосский (IV 1171, 1631) и другие.

В прорицании из Гиераполя прилагательное μέση исчезло, а значит, «полночь» превратилась просто в «ночь», что сразу снизило напряженность контраста. Эпитет κελαινή был заменен эпитетом ζοφερή «мрачная». Словосочетание ζοφερὴ νύξ впервые встречается в поэме «Алексифармака» Никандра Колофонского (250–170 гг. до н. э.) и, если не считать одно позднее изречение оракула Руфину (AP. XIV 72, 2), активно использовалось только византийскими авторами. Поэтому в его появлении в прорицании из Гиераполя вполне можно усмотреть творческую волю автора.

Что касается предлогов, стоящих при слове νυκτός, то каждый из них имеет обширную историю употребления с этим словом и не

[4] Как показывает Н.К. Малинаускене, Гомер по-разному использовал эпитеты «ночи» со значением «черный»: постоянным эпитетом служило прилагательное μέλαινα, в то время как эпитет κελαινή сопровождал слово νύξ только в его переносном значении и почти всегда подчеркивал присутствие контрастности и внезапности [Садыкова 1975: 16]. И хотя у трагиков эта специфика значения κελαινός уже не наблюдается, в изречении оракула из Тимбриад вполне можно увидеть гомеровский принцип употребления этого слова: все прорицание построено на переносном значении и возвещает резкий, неожиданный переход от тьмы к свету, то есть от одного состояния к другому, максимально ему противоположному.

может помочь нам в решении поставленного вопроса. Правда, важно заметить, что выражение ἀπὸ νυκτὸς ἐφάνη составил исключительно автор оракула из Гиераполя.

3.3. Ψ-стих

В алфавитном оракуле из Тимбриад Ψ-стих предупреждает просителя:

> Ψυχῆς καθαρμὸν σώματός τε προσδέχου, —
> «Души и тела очищение прими».

Прорицание из Гиераполя отличается фактически всего двумя словами:

> Ψυχῆς ἐρχόμενον καὶ σώματος ἴσθι καθαρμόν, —
> «Знай, что уже наступает души очищенье и тела».

Существительное καθαρμός появляется в литературе с V в. до н. э. — его использовали Эмпедокл, Эсхил, Софокл, Еврипид, Геродот, Платон — и сохраняется в языке вплоть до поздних византийских авторов. Рассуждения об очищении души и (или) тела можно найти в разных произведениях, особенно в трудах, посвященных философским проблемам или вопросам культа: эта связка слов была устойчивой и традиционной. Так, Чужеземец в «Софисте» Платона предлагает назвать некий способ устранения из души зла «очищением души» (227 d). Согласно Плутарху, «врачевание Сократа было направлено не на тело, но было очищением души, гноящейся и гниющей» (Plat. Quaest. 3 (Mor. 1000 D)). А в «Гномах» Псевдо-Фокилида утверждается, что «ἁγνείη — это очищение души, а не тела» (228). Об очищении души часто пишут христианские авторы. Иоанн Златоуст в «Беседах на Первое послание к Коринфянам» признает весьма удивительным то, что «и перс, и сармат, и мавр, и индус познали очищение души, силу и неизреченное человеколюбие Божие, философию веры, наитие Святого Духа, воскресение тел и учение о жизни вечной» (VII 9). Он также объясняет, что, слыша о крещении, неверный представляет себе одну только воду, тогда как он сам видит не только видимое, но и «очищение души, совершаемое Духом» (VII 1).

В изречении из Тимбриад «очищением» управляет глагол προσδέχομαι. Подобные словосочетания, когда καθαρμόν зависит от δέχομαι, самого или с приставкой, можно встретить у отдельных авторов. Согласно Диодору Сицилийскому, все сыновья Нелея, кроме самого младшего, Нестора, высказались за то, чтобы «не совершать очищение» Геракла, убившего Ифита (IV 31, 4). Иоанн

Златоуст в «Беседах на книгу Бытия» пишет о том, что Бог хотел уничтожить и род человеческий, и землю, «дабы земля смогла принять некое очищение» (XXIV 3). Афанасий Великий в «Толковании на Псалмы» утверждает, что те, кто принял святых Апостолов, в качестве награды от Царя Небесного «примут очищение грехов» (LXVII 15).

В прорицании из Гиераполя место императива προσδέχου занял императив ἴσθι «знай», от которого зависит оборот accusativus cum participio с логическим подлежащим καθαρμόν. Буквально мы могли бы перевести: «Познай приближающееся очищение души и тела». Однако обычно глагол οἶδα не управлял καθαρμός: найти выражение καθαρμὸν οἶδα с учетом разных форм этого глагола нам не удалось. Получается, что составитель оракула из Гиераполя и в случае этого изречения воспользовался несвойственным древнегреческому языку вариантом соединения слов. Причем этим его новаторство не ограничилось. В качестве второстепенного предиката при καθαρμόν стоит причастие ἐρχόμενον, но ни у одного автора нет примеров того, чтобы действие субъекта, выраженного καθαρμός, передавалось через ἔρχομαι в любой его временной форме.

4. От ямба к гекзаметру, или Заключение

Сравнение трех пар изречений из оракулов Тимбриад и Гиераполя подтверждает тезис Нолле о первичности текста оракула из Тимбриад. Прорицаниям этого оракула свойственно использование традиционного языкового материала как в выборе слов, так и при их согласовании, а также стройность и логичность в построении всего изречения. Прорицания из Гиераполя, напротив, выглядят более искусственно: в них присутствуют редкие слова и непривычные конструкции, и, кроме того, наблюдаются элементы, не несущие на себе принципиальной смысловой нагрузки и добавленные для наполнения гекзаметрического стиха. Все эти особенности свидетельствуют, во-первых, о зависимости содержания изречения от более короткого оригинала и, во-вторых, об авторском характере текста.

Перед создателем оракула из Гиераполя стояла задача трансформировать имевшийся в его распоряжении ямбический образец в гекзаметрическое собрание прорицаний и связать его с культом Аполлона Карейского. Почему возникла необходимость заменить ямб на гекзаметр, сказать трудно. Можно допустить мысль о том, что это был заказ конкретного человека или святилища, и такова была воля заказчика, пожелавшего, чтобы его алфавитный оракул

выигрышно отличался благодаря эпическому размеру от обычных ямбических оракулов. Но в любом случае исполнитель этого заказа должен был по возможности сохранить содержательную сторону прорицаний, то есть фактически сочинить новое прорицание на строго заданную тему. Сделать это было значительно сложнее, нежели просто написать гекзаметрический стих. Такая задача потребовала от этого неизвестного жителя Гиераполя мобилизации всех его поэтических способностей. Работая с каждым изречением, он подбирал новые, соответствующие метрическим требованиям слова, менял соединения отдельных слов и структуру фразы в целом и к тому же был вынужден удлинять каждое изречение, нередко добавляя что-то откровенно лишнее. Именно поэтому получившийся в итоге текст хранит следы этой индивидуальной творческой деятельности, которые мы постарались выявить в данной работе. Полученный результат еще раз обращает наше внимание на тот факт, что исходным размером для алфавитных оракулов был не привычный для пророческих изречений гекзаметр, а именно шестистопный ямб, и причины этого явления внутри мантической традиции требуют дополнительного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Садыкова Н.К.* Цветообозначения у Гомера: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1975.
2. *D'Andria F.* Hierapolis of Phrygia (Pamukkale). An Archaeological Guide. İstanbul, 2003.
3. *Hornum M.B.* Nemesis, the Roman state and the games. (Religions in the Graeco-Roman world 117). Leiden; New York; Köln, 1993.
4. *Nollé J.* Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance. München, 2007.
5. *Ritti T.* Oracoli Alfabetici a Hierapolis de Frigia // Miscellanea Greca e Romana. 1989. XIV. P. 245–286.
6. *Ritti T.* An Epigraphic Guide to Hierapolis (Pamukkale). İstanbul, 2006.

REFERENCES

1. Sadykova N.K. Tsvetooboznachenija u Gomera [Color Designations in Homer: Abstract. dis. ... Candidate of Philology]. Moscow, 1975. (In Russ.)
2. D'Andria F. *Hierapolis of Phrygia (Pamukkale). An Archaeological Guide.* İstanbul, *Ege Yayınları,* 2003. 240 p.
3. Hornum M.B. *Nemesis, the Roman State and the Games.* (Religions in the Graeco-Roman world 117). Leiden, New York, Köln, Brill, 1993. 373 p.
4. Nollé J. *Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance.* München, *Verlag C.H. Beck,* 2007. 331 p.
5. Ritti T. Oracoli Alfabetici a Hierapolis de Frigia. *Miscellanea Greca e Romana*, 1989, XIV, pp. 245–286.

6. Ritti T. *An Epigraphic Guide to Hierapolis (Pamukkale).* İstanbul, Ege Yayınları, 2006. 211 p.

Поступила в редакцию 05.11.2023
Принята к публикации 16.04.2024
Отредактирована 07.08.2024

Received 05.11.2023
Accepted 16.04.2024
Revised 07.08.2024

ОБ АВТОРЕ

Приходько Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры древних языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; aristonica@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena Prikhodko — PhD, Associate Professor, Department of Classical Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; aristonica@list.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 182–191
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 5, pp. 182–191

МОТИВ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ГРАНИЦЫ В ПУТЕВЫХ ПИСЬМАХ МОЛОДОГО К.С. АКСАКОВА

М.Д. Кузьмина

Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия; Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; mdkuzmina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению мотива пересечения границы между «своим» и «чужим» пространством в путевых письмах К.С. Аксакова 1838 г. В июне 1838 г. Аксаков впервые далеко и надолго уехал из родительского дома — отправился в европейское путешествие. Поводом послужила тяжелая душевная травма, нанесенная ему петербургскими родственниками — «дядюшкой» и «тетушкой», Г.И. и Н.Т. Карташевскими, выступившими категорически против его сближения с их дочерью Марией. Посетив Петербург по пути на Запад и увидевшись там с родными, Аксаков поехал дальше, глубоко опечаленный и под сильным впечатлением от свидания с кузиной после почти двухлетней разлуки; к русско-европейской границе он приблизился в состоянии глубокой рефлексии, едва замечая что-либо вокруг. Но затем он как бы прозревает, вдруг осознает, что покинул «свой» мир и оказался в «чужом»: актуализируются мифопоэтические, архетипические представления о «своем» и «чужом» пространстве, в соответствии с которыми последнее мыслится как неправильное, пугающее «не-пространство» хаоса, противоположное «своему» «космосу». Аксаков быстро преодолевает ситуацию границы, символически умирает и оживает, проходит обряд инициации: «узнает» и принимает «свою» Европу. Однако образ Европы у Аксакова избирателен, локален: узнавая «свою» Европу, он дистанцируется от «чужой», принципиально сохраняя статус путешественника.

Ключевые слова: К.С. Аксаков; путевые письма; путешествие в Европу 1838 г.; мотив пересечения границы; мифопоэтика; архетип; «свое» и «чужое» пространство

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-14

Для цитирования: *Кузьмина М.Д.* Мотив пересечения границы в путевых письмах молодого К.С. Аксакова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 182–191.

© Кузьмина М.Д., 2024

THE MOTIVE OF BORDER CROSSING IN THE TRAVEL LETTERS OF THE YOUNG K.S. AKSAKOV

M.D. Kuzmina

Higher School of Printing and Media Technologies, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design; Herzen University, St. Petersburg, Russia; mdkuzmina@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the motive of crossing the border between "one's own" and "foreign" space in the travel letters of K.S. Aksakov in 1838. In June of this year, for the first time, he left his parental home for a long time and went on a European trip. The reason was the severe mental trauma inflicted on him by his St. Petersburg relatives — "uncle" and "aunt", G.I. and N.T. Kartashevsky, who spoke out categorically against his rapprochement with their daughter Maria, who took possession of his heart. Having visited the Northern capital on the way to the West, having seen his relatives there, Aksakov could not solve the problem and drove on, on the one hand, deeply saddened, on the other, strongly impressed by the meeting and communication with his cousin after almost two years of separation. So, he approached the Russian-European border in a state of deep reflection, hardly noticing anything around. But, approaching the border and moving across it, he realizes that he has left "his" world and ended up in a "foreign" one. Under his pen, mythopoetic, archetypal ideas about "his" and "foreign" space are actualized with unprecedented force, so that the latter is conceived as an incorrect, frightening "non-space" of chaos, opposite to "his" "cosmos". But the young man quickly enough overcomes the situation of the border, symbolically dies and comes to life, passes the rite of initiation. He "recognizes" and accepts "his" Europe. However, her image is selective, local. Recognizing "his" Europe, he distances himself from the "foreign" one, while fundamentally maintaining the status of a traveler.

Keywords: K.S. Aksakov; travel letters; travel to Europe in 1838; motive of crossing the border; mythopoetics; archetype; "own" and "foreign" space

For citation: Kuzmina M.D. (2024) The Motive of Border Crossing in the Travel Letters of the Young K.S. Aksakov. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 5, pp. 182–191.

В июне 1838 г. первенец и любимец С.Т. и О.С. Аксаковых Константин отправился в европейское путешествие, решившись на продолжительную разлуку с семьей. Поводом послужила душевная травма, нанесенная ему петербургскими родственниками — Г.И. и Н.Т. Карташевскими, родителями завладевшей его сердцем двоюродной сестры Марии, которые выступили категорически против ее сближения с Аксаковым. Путь юноши лежал через Северную столицу, где он провел несколько дней в сильнейших переживаниях — потрясения, радости, грусти, надежды, разочарования. Расставшись с «милой Машенькой», как он ее называл, Аксаков в состоянии глубокой печали покидал Россию. Свои состояния он раскрывал в письмах к родителям, по которым тосковал.

Неудивительно, что эти письма, особенно первые, исповедальны, лиричны, элегичны. В основе их сюжета лежит минорная рефлексия. Именно она выступает в роли характерной для элегии «генерализирующей», «всеобъемлющей эмоции» [Грехнев 1985: 136]. Лейтмотивы этой рефлексии — воспоминание и грусть. Аксаков признается: «…путешествие не может иметь на меня сильного впечатления, я слишком теперь в себе, чтоб мог замечать все внешние достопримечательности» [Аксаков 1898: 1, 78]. В какой-то момент с удивлением и неудовольствием обнаруживает: «…вокруг меня <…> немецкие лица и глупые чухонские рожи» [Аксаков 1898: 1, 75], «Дома, люди, язык — все чужое» [Аксаков 1898: 1, 77], — и возвращается в состояние самососредоточенности.

«Переломными» стали рижские письма от 19 и 20 июня 1838 г., в которых автор, наконец, осознает: «Я еще почти не описывал вам своего путешествия с внешней стороны, милые дражайшие родители…» [Аксаков 1898: 1, 78]. С этого момента путешествие медленно и трудно, исподволь (характерны, например, строки письма от 20 июня: «Написал вам сколько мог больше внешних моих дорожных приключений, и, признаюсь, мне гораздо приятнее писать просто к вам, что на душе у меня» [Аксаков 1898: 1, 83]) вытесняет элегическую рефлексию, все более властно утверждаются черты травелога. Они вступают в свои права начиная с писем от 22 и 23 июня, созданных в Тильзите и Кенигсберге.

Особую роль в переходе от лирико-психологической дневниковой прозы к путевому дневнику сыграла граница. Приближение к ней и переход через нее актуализировали архетипические представления о «своем» и «чужом» мире. Семиотически сверхзначимая точка в пространстве, она их на мгновение непостижимо соединяет — и одновременно разводит. Современный исследователь справедливо замечает: «Граница — <…> напряженный, конфликтный, чреватый внезапными встречами и неожиданными поворотами судьбы участок символического пространства… место наибольшего удаления от центра “своего” мира… где “свои”, защитные силы, ценности, святыни утрачивают (или, по крайней мере, уменьшают) свое благое воздействие… территория, от которой начинается “чужое” пространство, его законы и воздействующие силы… до границы человека как бы оберегает само окружающее мироздание… “за границей”… человек ощущает себя не просто социально или этнически, но и космически одиноким, среди “не своей” природы, “не своего” бытия» [Рычкова 2008: 44–45]. Еще В.Н. Топоров писал: «При переходе к новому пространству человек оказывается лишенным <…> прежней неосознаваемой опоры в виде старого пространства с его свойствами, и его охватывает… шопенгауэровски-ницшеанский

ужас» [Топоров 1983: 243]. Аксаков на бессознательном уровне впитал эти мифопоэтические представления.

Достигнув границы, юноша в первых же строках тильзитского и кенигсбергского писем избыточно-тавтологично это акцентирует, остро переживая. «Вот я в Пруссии, в Тильзите…» [Аксаков 1898: 2, 182], — говорит он дважды об одном и том же (достаточно было бы сказать: «в Тильзите»). И вслед за тем еще трижды: «…я уже в Кенигсберге <…>, я в самом деле за границей, в Пруссии» [Аксаков 1898: 2, 185], как будто никак не может осознать и уверяет себя и своих адресатов, что действительно пересек границу. К концу тильзитского письма он выскажет родителям: «…мне совсем уже не кажется так страшным ездить по чужим землям» [Аксаков 1898: 2, 192], — проговорившись, что ему было страшно. Это признание вкупе с актуализируемыми мифопоэтическими представлениями заставляет понимать выражение «чужие земли» под его пером не только как общепринятое в XIX в. по отношению к не-России, главным образом, к Европе[1], но и в его исконном смысле. Исходной антитезой для «своего» и «чужого» в мифопоэтическом сознании были, как известно, «космос» и «хаос». Первому, «организованному», «освоенному», «правильному» пространству противопоставлялось второе как «не-пространство», «не-норма», нечто неведомое и пугающее (см. подробнее, напр.: [Топоров 1992: 340]). Ю.М. Лотман ввел в научный обиход термин «их-пространство» [Лотман 2004: 257], аутентичный, как очевидно, для характеристики более поздней эпохи цивилизации, когда мир делится не на «пространство»-космос и «не-пространство»-хаос, а на «свое» и «их-пространство» (другого народа). Думается, для Аксакова на образ «их-пространства» накладывался архетипический образ «не-пространства», вследствие чего путешественник так остро переживал пересечение границы.

Выступив в путь, Аксаков символически, на архетипическом уровне, не принадлежал ни тому, ни другому. Дорога — это сама по себе граница, «“напряженная”, маргинальная часть пространства, <…> связанная и со своим, и с чужим миром» [Байбурин 1990: 11], «пространственная модель небытия» [Щепанская 2003: 41]. Пограничность положения и символическая временная непричастность ни к «своему», ни к «чужому» миру заставляет Аксакова напряженно думать о «чужом» и «своем».

В соответствии с архаичной традицией, «свое» в сознании Аксакова предстает, во-первых, «заполненным» «мифологизированными

[1] Этим выражением изобилуют тексты и Аксакова, и его современников: «Чужие в географическом плане, европейские края были, как правило, своими в интеллектуальном и культурном отношении для молодых людей, отправляющихся на Запад» [Анненкова 2018: 66]).

объектами» [Топоров 1992: 341], в роли каковых выступают родители и вся семья, «милая Машенька», дома, города — Москва и Петербург (ср.: «Часто вспоминаю я об вас, о Москве, о России…» [Аксаков 1898: 2, 185], «…к России прикованы эти воспоминания; они там, около вас, милые дражайшие родители мои, они также <…> около Петербурга…» [Аксаков 1898: 2, 187]), а во-вторых — предстает «организованным, расчлененным», состоящим из центра, отмеченного «высшей персонифицированной сакральной ценностью», и периферии [Топоров 1992: 341][2]. В роли центра, несомненно, выступает дом, место пребывания семьи, вне которой он не мыслит себя. В 1836 г. в письме к братьям Григорию и Ивану Константин раскрыл свое понимание семьи как сверхценности, чего-то сакрального, связанного не только кровно, но и духовно, и отгороженного от внешнего мира, — что им, братьям-мужчинам, надлежит беречь и по-рыцарски защищать [Аксаков 1837]. Нельзя не согласиться с суждением В.А. Котельникова: «Константина Аксакова “свое” в значительной степени поглотило. Безусловно первичным “своим” для него были семья с ее патриархальным укладом, дом, окружающие его природа и крестьянство <…> он постепенно раздвигал его границы — но при этом расширяемое “свое” сохраняло у него первоначальную “родственную” конфигурацию» [Котельников 2017: 22–23]. «Расчленяя» и «организуя» «свое» пространство, Аксаков его действительно последовательно расширяет, причем не только с течением жизни, как заметил В.А. Котельников, но и в ходе путешествия 1838 г. Юноша «осваивает» все больший диапазон: семья / дом — Москва (параллельный, желательный для него на тот момент ряд: «Машенька» / ее дом — Петербург) — Россия, — и тем самым вновь подсознательно актуализирует мифопоэтическую традицию, в соответствии с которой «…границы расходятся от человека концентрически, все большими и большими кругами» [Рычкова 2008: 45].

При всем том, тема России в «пограничных» письмах Аксакова осмысляется прежде всего на личном уровне, от которого он выходит к общему. Русское дорого, главным образом, постольку, поскольку связано с прошлым, родителями, семьей, домом, детством и юностью, наконец с «Машенькой». Аксаков актуализирует ностальгический лейтмотив прощания, многократно повторяя ключевое — «последний раз»: «Я спросил, нельзя ли здесь <в Тильзите. — *М. К.*> найти русских щей <…>. Желая в последний раз найти нашей вкусной похлебки, я отправился немедленно…» [Аксаков 1898: 2, 186], «Тут-то в последний раз я увидел нашу заставу, и мне стало грустно

[2] Его «типовая схема: своя страна → город → его центр → храм → алтарь → жертва...» [Топоров 1983: 255].

<…>; тут-то в последний раз взял у меня паспорт русский солдат; в последний раз видел я герб моего отечества, конец России! Прости!» [Аксаков 1898: 2, 189]. Думается, автор этих строк вдвойне переживал, полагая, что, лишив его «милой Машеньки», судьба лишила его и семьи, и отечества.

«Чужое», на эмпирическом же уровне, вызывало неприятие — как неравноценная замена того, что незаменимо; как нечто, не находящее отклика в душе, не соответствующее воспоминаниям и мечтам, — следовательно, как нечто неправильное, некая антинорма, хотя иногда и очень похожая на «норму» «своего» пространства, притворяющаяся ею. Таким образом вновь актуализировались мифопоэтические представления. «В Риге провел я время очень скучно, тесный коридор, на улицах нельзя почти разъехаться двум экипажам, а в переулках и один едва ли проедет; дома высокие: на небо смотришь, как в щель, — все это тяжело-неприятно» [Аксаков 1898: 2, 186], «Мне дали телегу совершенно другого устройства; на лошадях совершенно другая упряжь. Мы поехали, и я радовался, как ребенок <…>; но скоро плохая езда напомнила мне, что немец, а не русский сидит на козлах» [Аксаков 1898: 2, 189], «Вода здесь совершенно желтая… В дороге от Петербурга мне всегда было досадно, когда чухонец просил на водку; вы не можете себе представить, <…> как это даже отвратительно, когда эта глупая рожа скорчит еще жалконежную гримасу и скажет: “Шнапсу”. Мне всегда гадко становилось. В русском ямщике я вижу жизнь, движение, он хочет погулять, но когда это холодное, безжизненное творение туда же захочет выпить, то это у него не избыток жизни <…>, а насильственное раздражение» [Аксаков 1898: 2, 191]. От неприятия «чужого» на эмоциональном (и подсознательном) уровне эпистолограф делает пока еще робкие шаги в область анализа. Он начинает задаваться вопросами, что именно в том «иномирии», в которое он попал, ему не нравится и почему, а одновременно задаваться и вопросами о «своем» мире, о России. В эпистолярии путешественника начнут исподволь зреть историософские воззрения, которые составят основу его славянофильской концепции.

Пока же, в «пограничных» письмах, Аксаков переживал инородность Европы — себе и себя — ей. Очень характерен его лаконичный автопортрет: «…многие останавливались поглядеть на необыкновенный мой картуз и на необыкновенную мою в нем фигуру» [Аксаков 1898: 2, 189]. Аксаков опять прибег к приему удвоения посредством повтора, за счет чего тавтологично акцентировал свою непринадлежность к европейскому «иномиру», которой, очевидно, дорожил. Тем самым он сохранял верность себе, воспоминаниям и мечтам, и нес в «чужой» и «неправильный» мир частичку «своего»,

репрезентировавшую всю его полноту. Симптоматично, что акцентируются именно детали одежды: она «…во все времена носила знаковый характер» [Рычкова 2008: 45], «…сохраняла старый статус человека… снять с себя одежду означало "снять", упразднить границу, ее охранительную власть и отдать себя на волю "чужих" начал и стихий» [Беднягина 2011: 41].

Преодолев границу, выступившую «…напряженным, конфликтным <…> участком символического пространства», — Аксаков преодолел и своего рода кризис, после чего, очень быстро, его отношения с Европой выравниваются. Это видно уже по письму от 24 июня. На первый взгляд, начиная его, автор непостижимо «топчется на месте», «жует» тему двух предыдущих писем: «…[Я] в Кенигсберге…» [Аксаков 1898: 2, 192], — пишет он в очередной раз. В действительности же хотя он и сообщает о том же, но принципиально иначе. Тревога, страх, удивление, связанные с пересечением границы, остались в прошлом. Путешественник как будто символически умер[3] и ожил, прошел обряд инициации (издавна, уже в фольклорных сюжетах, связанный с мотивом пути-дороги; эта связь сохранялась в современной Аксакову прозе [см., напр.: Меркулова 2007: 13–20; Островская 2018]). Развивается архетипический циклический сюжет (по классической схеме «потеря — поиск — обретение», или «уход — поиск — возвращение»), в традициях которого ситуация пересечения границы между «своим» и «чужим» завершается «ее преодолением» через «смерть-воскресение героя», что составляет «семантическое ядро» сюжета [Тамарченко 2008: 293].

Преодолев границу, Аксаков как будто не помнит, что писал в «пограничном» состоянии. Придя в себя, он изъясняется рассудительно и спокойно-радостно, приняв и тот факт, что находится за границей, и саму заграницу: «…[П]риехал я в Кенигсберг, мои милые дражайшие родители, — сообщает эпистолограф и произносит далее очень характерные слова. — Это был первый немецкий город, который подействовал на меня не одною своею наружностью» [Аксаков 1898: 2, 192]. Аксаков очень точен. Он в самом деле отныне судит не по «одной <…> наружности». С этого момента Европа, «чужая в географическом плане» (Е.И. Анненкова), оказывается для него «своей» — он находит то «свое» немецкое, что знал и любил, чем восхищался с юных лет. Прежде всего это память о средневековом рыцарстве и любимые писатели — Шиллер и Гофман.

[3] Отметив, что дорога — «пространственная модель небытия», Т.Б. Щепанская указывает: «Эта символика вполне последовательно реализуется в обрядах и верованиях, где небытие понимается как физическое, т. е. смерть», в том числе в фольклоре [Щепанская 2003: 41].

Изучая древние ритуалы через призму архетипических представлений о «своем» и «чужом», А.К. Байбурин сделал верное наблюдение: «Чужое начинается там, где кончается свое, и эта граница путешествует вместе с человеком» [Байбурин 1990: 9]. Оно справедливо и «наоборот»: свое начинается там, где кончается чужое. Корреспонденции Аксакова это в полной мере подтверждают. Неудивительно, что он так быстро преодолел ситуацию границы.

Симптоматично, что вскоре по прибытии на Запад и на всем протяжении путешествия Аксаков покупает либо берет напрокат местную одежду, что на мифопоэтическом уровне знаменует ассимиляцию с «его» Европой. Переодеваясь, он руководствуется, во-первых, своими желаниями и потребностями, во-вторых, соображениями удобства, в-третьих, расчетом («Здесь куплю я себе шляпу, которая поедет со мною всюду» [Аксаков 1898: 3, 277], «…накануне купил я себе род блузы, довольно красивой, и дубовую палку» [Аксаков 1898: 5, 171], «…вчера заказал я себе платье <…> купил <…> рубашку» [Аксаков 1898: 12, 216]), в-четвертых, требованиями приличий, традициями («Я бранил себя, что не взял с собою <в Дрезден. — *М. К.*> другого платья и шляпы; в такой фуражке неловко было ходить по городу; наш государь и прусский были здесь; итак, я взял напрокат шляпу…» [Аксаков 1898: 5, 183]), — точно так же, как делал бы и в России. Примечательно, что Аксаков полностью не переоделся, — предметы гардероба обновлялись по мере необходимости, как, опять же, происходило бы в «своем» пространстве.

При всем том символично, что таким образом составленный симбиоз в одежде (в одной части — привезенной из России, в другой — приобретенной в Германии) сигнализировал не только о том, что обладатель этой одежды «свой» в обеих странах, в едином для него русско-европейском пространстве, но и о том, что он не вполне «свой» в Европе, где пребывает в положении путешественника. Он и обновляет гардероб в соответствии именно с этим статусом, обращая внимание, во-первых, на вещи, необходимые в дороге (платье, блуза, шляпа), во-вторых — на те, которые по фасону, цене, качеству менее доступны либо вовсе недоступны ему в России; их, следовательно, нужно приобрести за границей, как и поступил бы на его месте практически каждый путешественник.

Статусом путешественника Аксаков, как очевидно, дорожил. Он «узнал» очень локальную часть Европы как «свою» и принципиально отстранялся от «чужой», остававшейся им непринятой. Граница между Россией и миром Запада, соответственно, была преодолена не до конца, что, с одной стороны, не мешало комфортному пребыванию на Западе, духовно-нравственному взаимодействию с ним, с другой — ускорило возвращение в Россию и обращение к славянофильству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аксаков К.С.* Письма из-за границы в 1838 году. *(Предисл. и примеч. Г.М. Князева)* // Космополис. 1898. № 1. С. 72–83; № 2. С. 185–195; № 3. С. 271–287; № 4. С. 74–88; № 5. С. 170–186; № 6. С. 269–280; № 7. С. 70–89; № 8. С. 144–157; № 9. С. 242–256; № 10. С. 58–76; № 11. С. 146–155; № 12. С. 204–228.
2. *Аксаков К.С.* Письмо к Г.С. Аксакову от 1837 г. // ОР РГБ. Ф. 3, к. 2, ед. хр. 26. Л. 2–2 об.
3. *Анненкова Е.И.* Константин Аксаков. Веселье духа. СПб., 2018.
4. *Байбурин А.К.* Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Сб. науч. тр. Л., 1990. С. 3–17.
5. *Беднягина Т.В.* Мифопоэтические истоки пространственной организации Жития Марии Египетской // Современная филология: Материалы Междунар. заоч. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). Уфа, 2011. С. 37–44.
6. *Грехнев В.А.* Лирика Пушкина. О поэтике жанров. Горький, 1985.
7. *Котельников В.А.* К.С. Аксаков между «своим» и «чужим» // Русская литература. 2017. № 1. С. 21–46.
8. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 250–390.
9. *Меркулова И.И.* Хронотоп дороги в русской прозе 1830–1840-х годов. Автореф. дис. … канд. филол. н. Самара, 2007.
10. *Островская К.З.* Концепт *путь-дорога* как эквивалент концепта *испытание* в концептосфере народной волшебной сказки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2018. № 12 (90). Ч. 3. С. 579–583.
11. *Рычкова Е.В.* Символика пространства в диалоге мифа и литературы. Курган, 2008.
12. *Тамарченко Н.Д.* Циклический сюжет // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 293.
13. *Топоров В.Н.* Пространство // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 340–342.
14. *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.
15. *Щепанская Т.Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003.

REFERENCES

1. Aksakov K.S. Pis'ma iz-za granicy v 1838 godu (Predisl. i primech. G.M. Knyazeva) [Letters from Abroad in 1838. Ed. by G. Knyazev]. *Kosmopolis.* 1898. No. 1, pp. 72–83; no. 2, pp. 185–195; no. 3, pp. 271–287; no. 4, pp. 74–88; no. 5, pp. 170–186; no. 6, pp. 269–280; no. 7, pp. 70–89; no. 8, pp. 144–157; no. 9, pp. 242–256; no. 10, pp. 58–76; no. 11, pp. 146–155; no. 12, pp. 204–228. (In Russ.)
2. Aksakov K.S. *Pis'mo k G.S. Aksakovu 1837 g.* [The Letter to G.S. Aksakov, 1837]. Russian State Library, Collection of Manuscripts. F. 3, k. 2, no. 26. L. 2-2 reverse. (In Russ.)
3. Annenkova E.I. *Konstantin Aksakov. Vesel'e duha* [Konstantin Aksakov. Joy of the Spirit]. St. Petersburg, *Rostok Publ*., 2018. 328 p. (In Russ.)
4. Bajburin A.K. Ritual: svoe i chuzhoe [Ritual: Native and Alien]. *In:* Fol'klor i etnografiya. Problemy rekonstrukcii faktov tradicionnoj kul'tury. Sb. nauch. tr. [Folklore and Ethnography. Problems of Reconstruction of the Facts of Traditional Culture]. Leningrad, *Nauka Publ*., 1990, pp. 3–17. (In Russ.)
5. Bednyagina T.V. Mifopoeticheskie istoki prostranstvennoj organizacii Zhitiya Marii Egipetskoj [Mythopoetic Origins of the Spatial Organization in *The Life of Mary of*

Egypt]. *In:* Sovremennaya filologiya: Materialy Mezhdunar. zaoch. nauch. konf. (Ufa, aprel' 2011) [Modern Philology: Materials of the International Conference (Ufa, April 2011)]. Ufa, *Leto Publ.*, 2011, pp. 37–44. (In Russ.)
6. Grekhnev V.A. *Lirika Pushkina. O poetike zhanrov* [Lyrics of Pushkin. On the Poetics of Genres]. Gor'kij, *Volga-Vyatka Publ.*, 1985. 239 p. (In Russ.)
7. Kotel'nikov V.A. K.S. Aksakov mezhdu «svoim» i «chuzhim» [K.S. Aksakov Between "Native" and "Alien"]. *Russkaya literatura.* 2017, no. 1, pp. 21–46. (In Russ.)
8. Lotman Yu.M. Vnutri myslyashchih mirov [Inside Thinking Worlds]. *In:* Lotman Yu. Semiosphere. St. Petersburg, *Iskusstvo-Spb. Publ.*, 2000, pp. 250–390. (In Russ.)
9. Merkulova I.I. *Hronotop dorogi v russkoj proze 1830–1840-h godov* [Chronotope of the Road in Russian Prose of the 1830s–1840s]. Dissertation theses. Samara, 2007. 22 p. (In Russ.)
10. Ostrovskaya K.Z. Koncept *put'-doroga* kak ekvivalent koncepta *ispytanie* v konceptosfere narodnoj volshebnoj skazki [The Concept of Path-Road as an Equivalent of the Concept of Trial in the Concept Sphere of a Folk Fairy Tale]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* Tambov, *Gramota.* 2018, no. 12 (90). Part 3, pp. 579–583. (In Russ.)
11. Rychkova E.V. *Simvolika prostranstva v dialoge mifa i literatury* [Symbolism of Space in the Dialogue of Myth and Literature]. Kurgan, *Kurgan State Univ. Publ.,* 2008. 184 p. (In Russ.)
12. Tamarchenko N.D. Ciklicheskij syuzhet [Cyclic Plot]. *In:* Poetika: Slovar' aktual'nyh terminov i ponyatij [Poetics: A Dictionary of Current Terms and Concepts]. Moscow, *Kulagina Publ.,* 2008. P. 293. (In Russ.)
13. Toporov V.N. Prostranstvo [Space]. *In:* Mify narodov mira: Enciklopediya: V 2 t. T. 2 [Myths of the Peoples of the World: An Encyclopedia: In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, *Ostankino Publ.,* 1992, pp. 340–342. (In Russ.)
14. Toporov V.N. Prostranstvo i tekst [Space and Text]. *In:* Tekst: semantika i struktura [Text: Semantics and Structure]. Moscow, *Nauka Publ.,* 1983, pp. 227–284. (In Russ.)
15. Shchepanskaya T.B. *Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii XIX–XX vv.* [The Culture of the Road in the Russian Mythological and Ritual Tradition of the 19th–20th Centuries]. Moscow, *Indrik Publ.,* 2003. 528 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 28.04.2023
Принята к публикации 01.06.2024
Отредактирована 07.08.2024

Received 28.04.2023
Accepted 01.06.2024
Revised 07.08.2024

ОБ АВТОРЕ

Кузьмина Марина Дмитриевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, доцент кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; mdkuzmina@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina Kuzmina — PhD, Associate Professor, Book Publishing and Book Trade Department, The Higher School of Press and Media Technologies, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design; Associate Professor, Russian Literature Department, Herzen Russian State Pedagogical University; mdkuzmina@mail.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 192–201
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 5, pp. 192–201

ДРАМА ИЗ НАРОДНОГО БЫТА И ГЕНЕЗИС НАРОДНЫХ РАССКАЗОВ Л.Н. ТОЛСТОГО НАЧАЛА 1860-х гг.

М.Ф. Асташенкова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; mariastash@yandex.ru

Аннотация: Пьесы «Гроза» А.Н. Островского и «Горькая судьбина» А.Ф. Писемского, несмотря на сходство сюжета и проблематики, получили разную оценку Л.Н. Толстого: если «Гроза», по его мнению, была «плачевным» произведением, то «Горькая судьбина», напротив, ему понравилась. Как показано в статье, это было обусловлено специфическими представлениями писателя о моральных ценностях крестьян и о характере их мышления. В 1860–х гг. Толстой занимается крестьянским вопросом и сам работает над рядом рассказов о простонародной жизни. Классический конфликт, основанный на изображении супружеской измены, получил в них оригинальное решение: если традиционно авторы предлагали трагическую развязку действия (смерть одного из супругов, как в «Грозе», или гибель ребенка, как в «Горькой судьбине»), то Толстой показывает другой вариант развития событий: по сюжету одного из его неопубликованных рассказов «Тихон и Маланья» муж, узнав об измене жены, избивает ее, чему она, в свою очередь, и не думает противиться. После этого их семейная жизнь налаживается, что свидетельствует о прочных взаимоотношениях супругов. Подобный вариант «искупления» вины трактуется Толстым как мирное разрешение конфликта и свидетельство гармоничного восприятия жизни крестьянами. Как представляется, подобные соображения Толстого могли быть вызваны не только общим интересом к крестьянскому укладу жизни и его увлечением А. Базыкиной, но и реакцией писателя на пьесы Островского и Писемского.

Ключевые слова: «Горькая судьбина»; А.Ф. Писемский; А.Н. Островский; «Тихон и Маланья»; Л.Н. Толстой; простонародье; национальный вопрос; крестьянский быт; семейное счастье

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-15

Для цитирования: *Асташенкова М.Ф.* Драма из народного быта и генезис народных рассказов Л.Н. Толстого начала 1860-х гг. // Вестн. Моск. ун-та. 2024. № 5. С. 192–201.

© Асташенкова М.Ф., 2024

RUSTICAL DRAMA AND L.N. TOLSTOY'S FOLK STORIES OF THE EARLY 1860s

M.F. Astashenkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mariastas@yandex.ru

Abstract: A.N. Ostrovsky's *Storm* and A.F. Pisemsky's *Bitter Fate*, despite similarity of the plot and problems, received a different assessment by L.N. Tolstoy: *The Storm*, in his opinion, was a "pitiful" work, but, on the contrary, he liked *Bitter Fate*. As it is shown in the article, this was due to the writer's specific ideas about the role of moral values in the life of peasants and the nature of their thinking. In the 1860s, Tolstoy himself, preoccupied with the peasant question, worked on a number of stories about the common people's life. The classic conflict based on the depiction of adultery received an original solution in them: whereas traditionally the authors proposed a tragic outcome (for example, the death of one of the spouses, as in *The Storm*, or the death of a child, as in *Bitter Fate*), Tolstoy shows another scenario — according to the plot of one of his unpublished short stories "Tikhon and Malanya", the husband, upon learning about his wife's infidelity, beats her, which she, in turn, does not think to resist. After that, their family life gets better. According to the people's community, this indicates a real feeling between the spouses. Such a variant of "atonement" of guilt is interpreted by Tolstoy as a peaceful resolution of the conflict and testifies to the harmonious perception of life by peasants. It seems that such reflections of Tolstoy could be caused not only by common interests in the peasant way of life and his passion for A. Bazykina, but also by the writer's reaction to Ostrovsky's and Pisemsky's plays.

Keywords: *Bitter Fate*; A. Pisemsky; "Tikhon and Malanya"; L. Tolstoy; common people; national question; peasant's life; family happiness

For citation: Astashenkova M. (2024) Rustical Drama and L.N. Tolstoy's Folk Stories of the Early 1860s. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 192–201.

В письме А.А. Фету 23 февраля 1860 г. Л.Н. Толстой писал: «"Гроза" Островского <…> плачевное сочинение, а будет иметь успех» [Толстой 1949: 324–325]. За несколько месяцев до этого в письме А.В. Дружинину Толстой высказался о «Горькой судьбине» А.Ф. Писемского, причем его мнение было кардинально иным: «Драма Писемского мне очень и очень понравилась: здорово, сильно и правдиво, невыдуманно. Но и в ней он, как и в других своих отличных вещах, не избег неловкостей ужасных. Как этот барин на барьер мужика вытягивать хочет?» [Толстой 1949: 317].

Имя самого Толстого в 1850-е гг. упоминалось в одном ряду с именами Писемского и Островского. Всех троих занимал популярный тогда вопрос о принципах изображения народного быта[1].

[1] См., например: [Вдовин 2011].

Мы покажем, как в неопубликованных рассказах о крестьянах Толстой пользуется мотивами пьес современников, чтобы, однако, предложить читателю оригинальное понимание указанной темы, корреспондирующее с его личным опытом взаимодействия с крестьянами.

Всплеск интереса к крестьянской теме пришелся еще на конец 1840-х гг. Крестьянство с его загадочным мироощущением занимало писателей не только само по себе, но и в связи с вопросом о сути русского национального характера[2]. П.В. Анненков утверждал: «Искусству <…> нужна идея, выраженная национальностью»[3]. Этот императив рождал ряд вопросов: может ли крестьянин вообще быть предметом художественного изображения? Какими средствами и в какой жанровой форме должно описываться это загадочное явление? Вопрос о языке, на котором должны говорить люди из народа в художественных текстах и языке описания этих людей был, к примеру, одним из ключевых в тургеневском «Хоре и Калиныче». Как писал А.В. Вдовин, язык повествования отсылает к статьям Белинского и языку передовой молодежи 1840-х гг., вдохновленной философией Гегеля [Вдовин 2016].

В 1854 г. была опубликована статья П.В. Анненкова «По поводу романов и рассказов из современного быта». В ней сформулирован важный тезис: «полнота типа» должна достигаться не «более или менее верным, по внешности, представлением простонародных классов в их сферах, а открытием всего общества, понятого как одно нравственное лицо, живущее и действующее по законам своей природы». Критик призывал смотреть на крестьянство как на цельный, но еще не понятый высшими классами мир со своими духовно-нравственными устоями.

Представителя такого сообщества воссоздал Писемский в «Горькой судьбине». Сюжет пьесы выстраивается вокруг конфликта в семье оброчного мужика Анания. В его отсутствие Лизавета, его жена, вступила в связь с помещиком Чегловым-Соковиным и родила от него ребенка. Узнав об измене, Ананий приходит в ярость. Для него супружеская верность и религиозные заповеди в целом имеют огромное значение. Однако после семейных сцен он решает усыновить мальчика, чтобы избежать позора.

Между тем, чувства Чеглова и Лизаветы взаимны. Но несмотря на сословное преимущество, барин боится Анания как законного мужа Лизаветы. Чеглов обладает характерной чертой литературных героев 1840–1850-х гг. — внутренней слабостью. Он не способен

[2] См., например: [Самочатова 1972; Соколова 2009].

[3] *Анненков П.В.* О двух национальных школах живописи в XV столетии // Библиотека для чтения. 1861. № 2. Отд. II. С. 36.

защитить любимую женщину и признает, что нравственная правда за Ананием. Поэтому способ благородного разрешения конфликта с мужиком — посредством дуэли — не кажется Чеглову абсурдным. Сословные границы в таких важных для него вопросах, как любовь и семья, как бы стираются — неслучайно он говорит Ананию: «Забудь, что я тебе господин». Однако в желании разрешить конфликт через дуэль чувствуется романтизированность его мировосприятия. Едва ли в России можно было бы встретить помещика, который не счел бы такую затею невозможной, на что и указал Толстой. Сам Ананий чувствует это, говоря: «Ваши слова, судырь, я за один только смех принять могу: наша кровь супротив господской ничего не стоящая».

Далее Ананий в состоянии аффекта убивает ребенка. Спустя несколько дней он раскаивается в содеянном и выражает желание понести наказание, ведь «от суда человеческого можно убежать и спрятаться, а от Божьего некуда!»

Исследователи обращали внимание на параллели между «Горькой судьбиной» и «Грозой» Островского. Пьесы были опубликованы в один и тот же, 1860 год в «Библиотеке для чтения» и получили Уваровскую премию, подтверждавшую их значимость для русской культуры (см.: [Зубков 2021: 212]). Оба писателя выводят на передний план проблему угнетения женщин в замкнутом патриархальном мире (см. [Лотман 1961: 175–179]). Сюжетная линия измены замужней женщины, ее последующие душевные метания, притеснение членами семьи и трагическая развязка — все это роднит пьесы [Журавлева 2013: 202–204]. Лизавета в «Горькой судьбине» влюбляется в Чеглова, когда ее муж находится на заработках. Катерина в «Грозе» решается на измену в тот момент, когда уезжает по делам Тихон. Грех Лизаветы осуждает ее мать, которой не чужды архаичные представления о том, что муж должен воспитывать и наказывать жену; взгляды Кабанихи нет необходимости излагать. И Чеглов, и Борис проявляют несостоятельность в тот момент, когда их возлюбленным нужна поддержка. Сложная жанровая природа произведений, соединяющих черты драмы и трагедии, также сближает пьесы Писемского и Островского. Как показал К.Ю. Зубков, пьесы нужно интерпретировать не столько как попытку драматургов описать самосознание нации, сколько как попытку его сформировать [Зубков 2021: 223–229].

В обоих произведениях изображено столкновение между сословиями и социальными группами — представителями провинции и Москвы (Борис не только образован, но и, по матери, «благородный») в «Грозе» и крестьянским и дворянским сословиями в «Горькой судьбине». Современные созданию пьес события — Великие

реформы и даже польское восстание 1863 г. — способствовали стиранию границ между сословиями [Майорова 2008: 357–358]. В эпоху фундаментальных общественных перемен начало пробуждаться самосознание недавно освобожденных крестьян, а также купцов и разночинцев, что сближало их с представителями привилегированного сословия. Однако пьесы демонстрируют невозможность полного преодоления сословных границ.

Толстой, в конце 1850-х — начале 1860-х гг. живущий в деревне и втянутый в процесс освобождения крестьян, не мог не заинтересоваться этими пьесами. В это время он сам увлекся созданием рассказов из простонародного быта. К этому периоду его творчества принято относить ряд отрывков из неозаглавленных рассказов о деревенской жизни [Толстой 1936: 106–116][4], а также рассказ (повесть), разные редакции которого носят разные названия: «Идиллия», «Тихон и Маланья», «Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того» (предположительно 1862 г.).

Работе над рассказами также предшествовал интерес Толстого к немецким народникам. В 1856 г. он прочитал «Деревенские рассказы» Ауэрбаха, а в 1858 (или 1859) году — роман «Новая жизнь» [Эйхенбаум 2009: 374]. Это произведение предлагает читателю систему морально-этических правил, восходящих к Руссо. У Ауэрбаха Толстой нашел то, чего не находил у славянофилов, — модель жизни, основанную на религиозных постулатах и при этом практически осуществимую. В 1860 г. изучение Толстым немецкого народничества продолжилось благодаря В.Г. Рилю. Особенно близок Толстому был взгляд немецкого мыслителя на социальные проблемы, которые Риль трактовал с моральных позиций [Эйхенбаум 2009: 394–395].

Моральная проблематика пьес Островского и Писемского также должна была привлечь Толстого. Особый интерес представляет здесь образ Анания. С одной стороны, Писемский не идеализирует мужа Лизаветы. С другой — оброчный мужик становится носителем религиозных и нравственных истин. В финале он покоряет всех искренним раскаянием и приятием своей доли, а его речи напоминают проповеди.

Образ мужика, морально превосходящего дворянина, должен был импонировать Толстому. В 1850-е гг. писатель интересуется не только народной темой в литературе, но и реальным положением крестьянства, его языком, бытом и моральными устоями. По приезде в Петербург в 1855 г. он знакомится с К.Д. Кавелиным и его проектом освобождения крестьян [Гусев 1957: 36–37]. «Горькая судьбина» прекрасно иллюстрирует тезисы Кавелина о том, что

[4] Точное время создания произведений не установлено.

крепостное право развращает привилегированное сословие и ведет к раболепству мужиков. Мысль, вынесенная в кульминационный монолог Анания, демонстрирует, к чему в нравственном отношении должен стремиться каждый: к всепрощению, безусловной любви к ближним, в том числе врагам, к готовности пострадать за грехи.

Пьеса тем более должна была заинтересовать Толстого, что в это же время он обдумывал мысль о женитьбе на крестьянке. В 1858 г. Толстой увлекся Аксиньей Базыкиной. «Я влюблен, как никогда в жизни. Нет другой мысли» [Толстой 1952: 14], — писал он 13 мая 1858 г., хотя уже 16 июля отмечал, что она ему «постыла» [Толстой 1952: 15]. Переменчивость его психологически понятна; зато в художественном творчестве эта связь была полезна для создания сложного образа крестьянского мира.

В 1860 г. у Толстого появился замысел повести с таким сюжетом: «Работник из всех одолел девку или бабу» [Толстой 1952: 27]. Основой незаконченной повести «Идиллия» стал рассказ матери А.И. Соболева, служившего в Ясной Поляне приказчиком [Толстой 1936: 351]. При этом прототипом героини Маланьи считается Базыкина. Однако, как кажется, у Маланьи был и другой прообраз — литературный. Некоторые детали «Идиллии» заставляют вспомнить «Горькую судьбину».

Повесть (рассказ) имела много вариантов начала. Одна из версий, «Тихон и Маланья», начинается с того, что в деревню возвращается крестьянин Тихон Ермилин. Дела у него идут хорошо, однако он старается не привлекать внимания к своей удачливости, как бы не желая оскорбить ею окружающих. Тихон привез домашним гостинцы: жене Маланье — «ситец большими цветами». Он обещает когда-нибудь взять жену с собой в отъезд, чтоб та не скучала. Отрывок заканчивается тем, что в дом на время нового отсутствия Тихона берут работника Андрея. Он и должен был стать тем «работником из всех», которого полюбит Маланья.

Третья редакция, имеющая название «Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того», была завершена. Развивая начатый ранее сюжет, Толстой раскрывает характер Маланьи. Красивая, веселая, пышущая здоровьем, она привлекала взгляды многих мужчин, со всеми была приветлива, но любила только мужа (в этой редакции он носит имя Евстрат). У них не было детей, что очень беспокоило Маланью. Толстой подчеркивает, что это было не только ее личной драмой: ей было «людей стыдно», что у нее, здоровой и молодой женщины, нет ребенка. С этой точки зрения желание изменить мужу оказывается морально оправданным как естественное желание продолжить род. Идея «стыда перед людьми» важна постольку, поскольку крестьянство осмысляется Толстым как сообщество, в ко-

тором почти нет частной жизни, — и проблемы, и счастливые обстоятельства жизни воспринимаются как общезначимые. Это не исключает того, что каждый крестьянин имеет свой характер и может совершать поступки, идущие вразрез с общим жизненным укладом. Показателен в этом отношении один из вариантов начала «Тихона и Маланьи», когда Тихон, возвращаясь домой, видит старика Анисима, который не без зависти отмечает, что дела Тихона идут хорошо. Разбогатевший Тихон как бы выбивается из общины. Особое значение получает и заглавие: Маланья изменяет мужу потому, что он ради заработка покинул жену и родную деревню.

Итак, при знакомстве с вариантами рассказа напрашивается вывод о его сюжетном родстве с «Горькой судьбиной», а отчасти и с «Грозой». Мотив супружеской измены в крестьянской среде позволял Толстому, с одной стороны, изобразить народную среду изнутри, а с другой — представить любовный конфликт с новой, неожиданной стороны. Традиционно сюжетная коллизия женской измены влекла за собой два варианта развития событий: жена либо жестоко наказывалась мужем согласно религиозным и народным традициям, либо заставляла страдать супруга, что вело к общим мучениям. Оба варианта реакции обманутого мужа на измену жены совмещены Островским в финале «Грозы»; второй из них представил Писемский в «Горькой судьбине». По мысли же Толстого, оба варианта говорят о кризисе патриархальных ценностей и уклада жизни, ибо имеют равно трагический характер. Толстой, в преддверии реформы 1861 г. искавший способы практического единения с народом и оптимистично смотревший на возможность преодоления межсословных барьеров, не одобрил, видимо, излишнюю «сделанность», литературность интриги в пьесах Островского и Писемского. Уже отмечалось, что в пьесе Писемского ему не нравился мелодраматический мотив дуэли. Негативное же восприятие пьесы Островского, вероятно, объясняется тем, что Толстому не нравился образ главной героини, в котором можно было видеть воплощение идеи необходимости женской эмансипации.

Сам Толстой предлагает новый вариант развития сюжета из народного быта: любовь Маланьи к Андрею не влечет за собой трагических последствий. Муж Маланьи, узнав об измене, по традиции избивает ее, однако Маланья и не думает противиться или обижаться. И она сама, и окружающие воспринимают битье не как наказание, а как нечто должное, как искупление греха. После этого супруги быстро мирятся, не просто не воспринимая произошедшее как фатальное для семейного счастья, но даже вспоминая о нем как о забавном случае. Евстрат иногда рассказывает со смехом, как он нашел в сарае сапоги Андрея, которые тот забыл, убегая. Маланья после

примирения с мужем забывает про былые чувства к работнику, но рожает от него первого, любимого сына, что, как дает понять автор, не нарушает семейную идиллию — скорее наоборот.

Б.М. Эйхенбаум писал, что в этой повести (рассказе) Толстой полемизировал с авторами беллетристических произведений о народе, в которых акцент делался на противоестественности крепостного права, разрушающего семьи и не дающего простолюдинам жить счастливой жизнью [Эйхенбаум 2009: 418]. Как мы показали, чувствуется в ней и полемичность по отношению к пьесам Островского и Писемского, в которых раскрыты не только «внешние» причины драмы внутри крестьянской семьи, но и внутренние — личная неудовлетворенность одного из супругов семейными отношениями. Представленное Толстым мирное разрешение ситуации подтверждает веру в душевную гармонию и добродушие, свойственные простому человеку, а также в возможность внутрисемейной и социальной идиллии. Толстому удалось сделать то, что не вполне удалось Писемскому, — показать «общество, понятое как одно нравственное лицо, живущее и действующее по законам своей природы»[5]. В этом смысле народные рассказы Толстого должны прочитываться в контексте конструирования национального сообщества в эпоху реформ. Островский и Писемский используют для воссоздания героев из народа приемы, которые обычно применялись для изображения дворян с их сложным внутренним миром, рефлексией и душевными метаниями (подробнее см. [Вдовин 2011: 302]). Толстой же ищет новые нарративные решения, позволяющие представить собственно народную психологию, отличную от дворянской, хотя и задающую пример того здорового и при этом нравственного отношения к жизни, которое могут усвоить все читатели. Обращаясь к классическому мотиву любовного треугольника, Толстой показывает, что мужичьи представления об измене и семье отличны от принятых в хорошем обществе, что, однако, не делает их примитивными или безнравственными. Крестьянская мораль, выраженная крестьянским языком, призвана создать основу для благополучного развития нации в целом. Хотя оптимизм Толстого вскоре сменится разочарованием в реформах, а из народных рассказов был опубликован лишь трагический «Поликушка», это также подтверждает корреляцию между общественными представлениями писателя начала 1860-х гг. и его художественными поисками, учитывающими современные тенденции развития литературы о народе и в то же время направленными на ее перевод на новый уровень.

[5] *Анненков П.В.* О двух национальных школах живописи в XV столетии // Библиотека для чтения. 1861. № 2. Отд. II. С. 37.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вдовин А.В.* Русский народный характер как «литературный обман» (рассказ А.Ф. Писемского «Леший») // Studia russica helsingiensia et tartuensia, XII: мифология культурного пространства. Тарту, 2011. С. 301–317.
2. *Вдовин А.В.* «Неведомый мир»: русская и европейская эстетика и проблема репрезентации крестьян в литературе середины XIX века // Новое литературное обозрение, 2016, №5. С. 287–315.
3. *Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957.
4. *Журавлева А.И.* Трагедийное в драматургии Островского // Журавлева А.И. Кое-что из былого и дум: О русской литературе XIX века. М., 2013. С. 202–204.
5. *Зубков К.Ю.* Сценарии перемен. Уваровская награда и эволюция русской драматургии в эпоху Александра II. М., 2021.
6. *Лотман Л.М.* А.Н. Островский и русская драматургия его времени. М.; Л., 1961.
7. *Майорова О.Е.* Образ нации и империи в верноподданнейших письмах к царю (1863–1864) // И время и место: Историко-филологический сб. к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата. М., 2008. С. 357–368.
8. *Соколова В.Ф.* Народознание и русская литература XIX века. М., 2009.
9. *Самочатова О.Я.* Крестьянская Русь в литературе. Тула, 1972.
10. *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 90 тт. Т. 7. М., 1936; Т. 47. М., 1937; Т. 48. М., 1952; Т. 60. М., 1949.
11. *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой: Работы о Льве Толстом: исследования, статьи. СПб., 2009.

REFERENCES

1. Vdovin A.V. Russkii narodnyi kharakter kak "literaturnyi obman" (rasskaz A.F. Pisemskogo «Leshii») [The Russian Folk Character as a "Literary Deception" (A.F. Pisemsky's Story "Leshiy")]. *Studia russica helsingiensia et tartuensia, XII: mifologiia kul'turnogo prostranstva* [The Mythology of Cultural Space]. Tartu, 2011, pp. 301–317. (In Russ.)
2. Vdovin A.V. «Nevedomyi mir»: russkaia i evropeiskaia estetika i problema reprezentatsii krest'ian v literature serediny XIX veka ["The Unknown World": Russian and European Aesthetics and the Problem of Representation of Peasants in Literature of the Middle of the 19th Century]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2016, no. 5, pp. 287–315. (In Russ.)
3. Gusev N.N. *Lev Nikolaevich Tolstoi. Materialy k biografii s 1855 po 1869 god* [Lev Nikolaevich Tolstoy. Materials for the Biography from 1855 to 1869]. Moscow, *RAS Publ.*, 1957. 916 p. (In Russ.)
4. Zhuravleva A.I. Tragediinoe v dramaturgii Ostrovskogo [The Tragic in Ostrovsky's Dramaturgy]. *Zhuravleva A.I. Koe–chto iz bylogo i dum: O russkoi literature XIX veka* [Something from the Past and Thoughts: On Russian Literature of the 19th Century]. Moscow, *Lomonosov Moscow State Univ. Publ.*, 2013, pp. 202–204. (In Russ.)
5. Zubkov K.Iu. *Stsenarii peremen. Uvarovskaia nagrada i evoliutsiia russkoi dramaturgii v epokhu Aleksandra II* [Scenarios of Change. Russian Drama in the Era of Alexander II]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2021. 608 p. (In Russ.)
6. Lotman L.M. *A.N. Ostrovskii i russkaia dramaturgiia ego vremeni* [A.N. Ostrovsky and the Russian Drama of His Time]. Moscow; Leningrad, *RAS Publ.*, 1961. 360 p. (In Russ.)
7. Maiorova O.E. Obraz natsii i imperii v vernopoddanneishikh pis'makh k tsariu (1863–1864) [The Image of the Nation and Empire in Loyal Letters to the Tsar

(1863–1864)]. *Both the Time and the Place: Istoriko-filologicheskii sbornik k shestidesiatiletiiu Aleksandra L'vovicha Ospovata* [Time and Place: Historical-Philological Collection for the Sixtieth Anniversary of Alexander L. Ospovat]. Moscow, *The New Publ.*, 2008, pp. 357–368. (In Russ.)
8. Sokolova V.F. *Narodoznanie i russkaia literatura XIX veka* [Folk Studies and Russian Literature of the 19th Century]. Moscow, *URSS Publ.*, 2009. 334 p. (In Russ.)
9. Samochatova O.Ia. *Krest'ianskaia Rus' v literature* [Peasant Rus in Literature]. Tula, *Prioksky Publ.*, 1972. 176 p. (In Russ.)
10. Tolstoi L.N. Sobr. soch.: v 90 t. [Collected Works: In 90 vol.] Vol. 7. Moscow, 1936; Vol. 47. Moscow, 1937; Vol. 48. Moscow, 1952; Vol. 60. Moscow, 1949.
11. Eichenbaum B.M. *Lev Tolstoi: Raboty o L've Tolstom: issledovaniia, stat'i* [Leo Tolstoy: Works about Leo Tolstoy: Studies, Articles]. St. Petersburg, *St. Peterburg Univ. Publ.*, 2009. 951 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.01.2024
Принята к публикации 01.06.2024
Отредактирована 07.08.2024

Received 15.01.2024
Accepted 01.06.2024
Revised 07.08.2024

ОБ АВТОРЕ

Асташенкова Мария Фрэнковна — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; mariastash@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mariya Astashenkova — postgraduate student of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; mariastash@yandex.ru

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 202–213
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 5, pp. 202–213

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ И.А. НОВИКОВА «ЗОЛОТЫЕ КРЕСТЫ»

А.М. Насуева

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия;
katz.aerozeppelin@gmail.com

Аннотация: В статье исследуется связь творчества И.А. Новикова с религиозными исканиями Серебряного века (на примере его символистского или неореалистического романа «Золотые кресты»). Методологическая основа работы — сопоставительный анализ художественного текста и тех философских идей, которые могли оказать на автора влияние. Ориентация на символистскую образность (герои представляют собою «ожившие» идеи) позволила писателю передать противоречивость и разнородность философских умонастроений, которыми жила эпоха русского религиозного ренессанса. В романе явно прослеживаются следы влияния концепции любви В.С. Соловьева на трактовку любовного сюжета. Каждая из любовных линий имеет собственную логику развития и своеобразно «иллюстрирует» идеи соловьевской статьи «Смысл любви», а также восходит к отвлеченным образам Логоса и Софии. Кроме того, проблема Эроса сопрягается с проблемой теодицеи и, как результат, возникает множественность трактовок Бога. Все это отвечает темам богоискательства Серебряного века, но самоубийство главных героев в финале романа указывает на неразрешенность поднятых автором проблем. Насыщенность романа философским содержанием позволяет понять, насколько разнообразными были пути к достижению гуманной цели — обновлению мира через новое религиозное сознание, переход на совершенно новый духовный уровень бытия.

Ключевые слова: символистский роман; русское религиозное возрождение; И.А. Новиков; В.С. Соловьев; Эрос; София; Логос; неохристианство

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-16

Для цитирования: *Насуева А.М.* Религиозные мотивы в романе И.А. Новикова «Золотые кресты» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 202–213.

© Насуева А.М., 2024

RELIGIOUS MOTIFS IN I.A. NOVIKOV'S NOVEL *THE GOLD CROSSES*

Aida Nasueva

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; katz.aerozeppelin@gmail.com

Abstract: The article explores the connection of I.A. Novikov's work with the religious quest of the Silver Age (using the example of his symbolist or neorealist novel *The Gold Crosses*). The methodological basis of the work is a comparative analysis of the literary text and those philosophical constructions that could influence the author. Orientation towards symbolist imagery (the characters represent "revived" ideas) allowed the writer to convey the inconsistency and heterogeneity of philosophical concepts that fueled the era of the Russian religious Renaissance. The novel clearly traces the influence of V.S. Solovyov's concept of love on the interpretation of the love storyline. Each of the love lines has its own logic of development and in a peculiar way "illustrates" the ideas of Solovyov's article "The Meaning of Love", and also goes back to the abstract images of Logos and Sophia. In addition, the problem of Eros is coupled with the problem of theodicy and, as a result, a multiplicity of interpretations of God arises. All this corresponds to the themes of the God-seeking of the Silver Age, but the suicide of the main characters in the finale of the novel indicates the impossibility of solving the problems raised by the author. The rich philosophical content of the novel makes it possible to understand how diverse were the ways to achieve a humane goal — the renewal of the world through a new religious consciousness, the transition to a completely new spiritual level of being.

Keywords: symbolist novel; the Russian religious revival; I.A. Novikov; V.S. Solovyov; Eros; Sofia; Logos; neo-Christianity

For citation: Nasueva A.M. (2024) Religious Motifs in I. A. Novikov's Novel *The Gold Crosses. Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 5, pp. 202–213.

Иван Новиков относится к числу авторов, произведения которых достаточно наглядно отражают историко-культурную ситуацию определенной эпохи. Тем не менее пока нет детальных работ, всецело посвященных его творчеству в контексте духовных исканий Серебряного века и связям с идейными представителями того времени.

Новиков в целом не так давно стал обращать на себя внимание исследователей, которые единогласно сходятся на том, что писатель незаслуженно обойден вниманием как современной науки, так и дореволюционной критики: «И.А. Новиков — писатель, чье обширное творческое наследие <…> практически не известно современному читателю. Все затмила его дилогия "Пушкин в изгнании", издавав-

шаяся несметное количество раз. Возможно, он и сам был этому рад, т. к. отзывы критики советского времени не сулили ничего хорошего» [Михайлова]. Почти то же самое мы читаем в другой статье: «Имя Ивана Алексеевича Новикова немногое говорит современному читателю. Такова судьба целого ряда деятелей искусства и науки, лишенных советским государством своей аудитории, а часто и жизни. Иван Алексеевич остался в памяти советских людей дилогией о Пушкине. Но это лишь незначительная и не самая интересная часть того, что он создал как художник, особенно — прозаик, автор романов, рассказов и повестей» [Спивак, Кропотина 2010: 129]. И дело не в том, что Новиков вдруг перестал интересовать читателя, он в принципе «не принадлежал к числу писателей, пользовавшихся постоянным вниманием критики. Он как раз из тех, кого критика и читатели "проглядели", как они в свое время "проглядели" Тютчева, Баратынского, Чехова, почти не заметили Бунина» [Михайлова 2003].

Подчеркивается также взаимосвязь Новикова как с литературной традицией, так и модернистскими веяниями рубежа веков. Указывалась учеными, например, его близость к толстовской линии: рассуждая о нравственных исканиях Новикова в традициях русского романа, Р.С. Спивак утверждает, что «И. Новикову гораздо ближе Л. Толстой, с его склонностью к проповеди и нравственному суду над объектом изображения» [Спивак, Кропотина 2010: 131]. М.В. Михайлова отмечала, что «творчество Новикова причисляли к тургеневско-зайцевской линии русской литературы». Если говорить о связи с современниками, то очевидны символистские тенденции новиковского творчества как с идейной, так и формальной стороны. К.С. Калинина пишет о «Золотых крестах» как о романе, пронизанном «модернистскими чертами, характеризующими творческие искания писателя, чутко реагирующего на новые тенденции в искусстве Серебряного века. Роман насыщен религиозно-идеалистическими размышлениями и фаталистическими умонастроениями» [Калинина 2016: 92]. Природу этих «умонастроений» уточняет Р.С. Спивак: «Нравственно-философская программа И.А. Новикова аккумулирует соловьевскую идею единства мира, вечной женственности как Души мира и интерес Мережковского к античности в целях превращения исторического христианства в религию живой жизни, а также общую для символизма мысль о восхождении человечества к Богочеловечеству мистическим путем эроса, покаяния и искупления» [Спивак 2012].

М.В. Михайлова, анализируя реакцию З. Гиппиус на роман «Между двух зорь», делает немаловажную ремарку, позволяющую

нам оценить степень вхождения Новикова в идейный «авангард» того времени: «Собственно, в этих словах и кроется весь пафос статьи Гиппиус, которой очень хотелось “переманить” Новикова в свою и Мережковского веру — “религиозную общественность”. Конечно, Гиппиус не случайно обратила свой взор на Новикова. Она почувствовала, что писатель осваивает тот же плацдарм, что и Мережковский, его тоже занимает проблема поиска “третьего пути”. Возможно, что она увидела, что в чем-то он становится соперником ее мужа. И поэтому постаралась убедить читателя, что он еще не созрел до полноценного понимания всей сложности затрагиваемой проблематики» [Михайлова].

Этот краткий обзор демонстрирует, что источник религиозно-духовных исканий Новикова уже достаточно точно определен. Однако ощущается нехватка подробного сопоставительного анализа его произведений с отдельными философскими идеями, которые могли повлиять на художественный мир писателя. Роман Новикова «Золотые кресты», будучи подлинно символистским, представляет собой идеальную почву для поиска такого рода сравнений и пересечений.

Роман этот можно назвать наглядным творческим воплощением русского духовного ренессанса, множественность ответвлений религиозной мысли которого, а главное — очевидное их противоречие традиционным христианским идеям и друг другу невольно ставили в тупик даже людей того времени, на чьих глазах это религиозное возрождение со всеми его флуктуациями и происходило. Примеров таких замешательств — порой с трагическим исходом — история знает достаточно. Чтобы в полной мере погрузиться в атмосферу религиозного «напряжения» рубежа веков, необходима некая краткая энциклопедия русского нового религиозного сознания, своего рода иллюстрированный путеводитель.

Таким путеводителем часто становился символистский роман, который через мифопоэтизацию пытается вести, используя слова Н.В. Барковской, «поиск тотальности (целостности и осмысленности мира) силами индивидуального я» [Барковская 1996: 10]. В этом отношении «Золотые кресты» (1908) И.А. Новикова можно считать одним из самых ярких образцов жанровой модификации. Рассмотреть религиозные мотивы в нем легче всего через метафоризацию главных героев, которые, в общем-то, суть персонифицированные религиозные концепты Серебряного века.

К.С. Калинина, автор диссертации о романном творчестве Новикова, в своем исследовании приводит мнение киевского критика А. Закржевского о романе (как о части планирующейся трилогии):

«То, что сделал Золя в области экспериментального романа, то вы делаете в своей трилогии, только вашим предметом является патология духа современных людей, сходство с Золя еще и в том, что и Ваше творчество основано на опыте. <…> А пока — Ваш роман — свежая, сырая картина нашего "неохристианства" и — очень верная, даже до мелочей» [Калинина 2020: 6]. Мы видим, как герои романа, взаимодействуя между собой, отражают взаимопритяжения и взаимоотталкивания внутри религиозно-философской мысли в России того времени, которая боролась не только с внешним врагом — исторической церковью, но и со своими собственными разночтениями.

Во-первых, и на это стоит обратить наибольшее внимание, очевидно влияние идей В.С. Соловьева на автора. Чувство главных героев романа, Глеба и Анны, по сути, вполне отвечает той новой философии любви, которую разработал Соловьев и которая в своей основе, конечно, имеет неоплатонические корни. В работе «Смысл любви» Соловьев писал: «Задача любви состоит в том, чтобы оправдать на деле тот смысл любви, который сначала дан только в чувстве; требуется такое сочетание двух данных ограниченных существ, которое создало бы из них одну абсолютную идеальную личность. <…> В эмпирической действительности человека как такового вовсе нет — он существует лишь в определенной односторонности и ограниченности, как мужская и женская индивидуальность (и уже на этой основе развиваются все прочие различия). Но истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих. Осуществить это единство, или создать истинного человека как свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение, — это и есть собственная ближайшая задача любви». [Соловьев 1988: 513]. Если углубиться в суть такой любви, то можно увидеть, что отношения мужчины и женщины есть метафоризация отношений Христа и Церкви, Божественного Логоса и Вечной Женственности. Сам Глеб, несмотря на все его с христианским учением внутренние расхождения, осознаваемые им самим, недвусмысленно сополагается в романе с Христом. Анна же — очевидная персонификация Вечной Женственности. Причем стоит отметить, что само это понятие претерпевало изменения в ходе развития Соловьевым своей философской концепции, о чем будет подробнее сказано ниже. Пока лишь отметим, что стоит проводить определенную линию различия между Софией и Душой мира: на первых этапах для Соловьева такое разделение было незначительным, и впоследствии он все равно не отказался от

проведения параллелей между ними, но в работе «Россия и вселенская церковь», например, читаем следующее: «В своем качестве чистой и неопределенной мощи, душа мира имеет двойной и изменчивый характер <...>: она может пожелать существования для себя вне Бога, она может стать на ложную точку зрения хаотического и анархического существования, но она может также низвергнуть себя перед Богом, свободно привязаться к Божественному Слову, привести все создание к совершенному единству и отождествиться с вечной Премудростью» [Соловьев, 1911].

Перенесем эту мысль в сферу художественных образов текста Новикова. Анна лишена потенциального демонического в своем облике, той двойственности Софии, которая тонко чувствовалась, например, А.А. Блоком (ср., например, «Но страшно мне — изменишь облик Ты»). Анна представляет собой мифологизированный образ ангела-хранителя мира, что неоднократно отмечается в речи остальных персонажей романа. Например, Наташа, увидев Анну, спрашивает: «Откуда вы взялись такая? Вы ангел? Вы с неба?» [Новиков 2004: 202]. Интересен ответ Анны: «Я отхожу, я отлетаю от жизни, хотя *девушка Анна* (курсив мой. — *А.Н.*) еще не знает того. На землю я уже не сойду, на земле расцветает новая молодость, что пройдет мимо меня, но когда она возмужает, когда создаст свою жизнь, завершив свой круг, как его завершила я, мы встретимся снова, но не на новой земле, не на второй грядущей земле, а в третьем царстве завершивших свой круг. Но об этом больше ни звука молчания, даже молчания, ибо эту тайну не надо вскрывать. В день Рождества Богородицы прими, Юная, мой поцелуй» [Новиков 2004: 202–203]. В этой сцене мы будто бы наблюдаем высвечивание Софии в Анне, то есть буквально ее явление миру вплоть до замены Анны-девушки Анной-Софией («…хотя девушка Анна еще не знает того»). Тут уже видна предопределенность судьбы Анны и Глеба: уход Логоса и Софии из земного мира. Целуя Наташу, которая уже зовется Невестой, Анна будто благословляет новых, земных Жениха и Невесту. Однако и этот брак окажется разрушен внешними силами и долгожданного соединения двух в единого всечеловека в романе так и не осуществится, по крайней мере, на земном уровне.

Если все же говорить об оборотной стороне, темном лике Вечной Женственности — мировой душе, то она в романе Новикова тоже присутствует. Это Глаша, чей характер обладает двойственной природой. Она является носительницей антиномичных чувств — любви-ненависти, объектом которых становится нареченный новый жених — Кривцов. На противоречивость образа Софии указывали многие исследователи, например П.П. Гайденко и А.Ф. Лосев. При-

ведем цитату из труда первой: «Именно в качестве богоподобного существа София может сама избрать направление своего стремления: она может сохранить свое единство с высшим, божественным началом, а может и отпасть от него, утвердив себя вне Бога и вместо Бога. Когда она определяется божественным Логосом, она несет в себе божественное начало и единит все сущее. Но она имеет и свою собственную волю; и когда она решает обладать всем не от Бога, а от самой себя, она отделяется и утверждается вне божественного начала, отпадает от него. Как отпавшая от Бога, София приобретает демонические черты» [Гайденко, 2001: 58]. У Лосева, достаточно откровенно критикующего Соловьева, читаем следующее: «…здесь мы находим теорию отпадения Души от Ума, которому она подчинена, но которому она теперь не хочет подчиняться, а вместо этого подчиняется окружающей негативной области. <…> Далее Душа, ставшая теперь Душой мира, квалифицируется как Сатана» [Лосев 1990: 216–217]. Персонификацией такой отпавшей от божественного начала Софии, Души, отпавшей от Ума, которому она подчинена, и является этот, казалось бы, второстепенный женский персонаж, который в некоем состоянии одержимости губит сначала объект своей любви, а потом и себя.

Выходит так, что в романе, несмотря на множество пунктирно прочерченных любовных линий, ярко проиллюстрированы три различных лика любовного чувства, являющихся в свою очередь намеком на соединение Логоса и Софии, Христа и Церкви, причем каждый из этих ликов имеет путь собственного развития.

Первый тип любви — «идеальная» любовь Глеба и Анны, наиболее близкая к той, которую описывал Соловьев. Многим, в частности, Н. Петровской, в этих отношениях видятся «сдавленные аскетизмом порывы плоти»: «…эта “Христова любовь” между Глебом и Анной есть не что иное, как тончайшее напряженное сладострастие под кощунственным знаком “золотых крестов”, которыми обмениваются влюбленные» [Петровская 2014: 521]. Не отрицая наличия компонента плотского в чувствах главных героев, стоит сказать, что критик все же слишком строга к ним. В конце концов, новое религиозное сознание не исключало возможность одухотворения плоти, а на фоне попыток примирения бездн (содомского и эдемского) Мережковским чувство Анны и Глеба кажется уж совсем невинно-чистым. Да и сам Соловьев наделял человеческую природу как Божественным, так и чувственным началом. Это хорошо видно в его работе «Жизненная драма Платона», из которой приведем лишь одну цитату: «…аскетизм не может быть высшим путем любви для человека. Его цель — уберечь силу божественного Эроса в человеке

от расхищения бунтующим материальным хаосом, сохранить эту силу в чистоте и неприкосновенности. <…> Но сыну божественного обилия чистоты мало. Он требует полноты сил для живого творчества» [Соловьев, 1988: 618–619]. Хорошо известна также реакция Андрея Белого на посвященный ему рассказ Петровской «Последняя ночь» (1903), который, кстати, в стилистическом отношении, по степени суггестивности повествования и общему эмоциональному тону очень близок тексту Новикова, особенно если рассматривать описание «конечной ночи» Глеба и Анны на башне. Роман с Петровской, начавшийся в 1903 году, воспринимался Белым как мистическая связь брата и сестры (кстати, Глеб и Анна изначально строили свои отношения на таких же принципах), и очевидно эротический подтекст рассказа Петровской показался ему кощунственным, что он и выразил в стихотворении «Sanctus amor» (1903), которое ставило точку на возможности его духовного единения с Петровской. Вообще, полностью избежать подобного — то есть плотского — невозможно, коль скоро речь идет именно о «половой» любви. Кажется, что Глеб, наоборот, вырастает к концу произведения в более гармоничного человека, отходя от сухого аскетизма во имя живого чувства.

Второй тип любви — это любовь Наташи и Кривцова, которые, судя по всему, и должны были, преодолев свои соблазны (иными словами, преодолев «бунтующий материальный хаос»), воплотить идеал половой любви на земле, для которой Анна и Глеб то ли слишком чисты, то ли слишком слабы. Но и эта любовь рушится под давлением материального мира.

Третий тип любви в романе — любовь демоническая, продиктованная тягой отпавшей от Логоса Софии к овладению или уничтожению. Глаша, будучи носителем этого чувства, утягивает за собой всех, кто попадает в область ее влияния.

В этом отношении особенно значима тема зла в романе, которая выводит на вопросы уровня теодицеи. Так, старик «азиатского типа» (вообще один из самых интересных образов в романе, так называемый герой-провокатор, заслуживающий отдельного размышления) задает Кривцову вопрос: «Я говорю, если Бог допускает быть злу, если Он терпит власть и священников, если Он сам властелин и царь царей, то чем лучше Его беспредельная власть всякой иной? И если не лучше, а хуже, ибо бесконечно огромней, то, призывая к свержению мелких бесов, как не призвать к свержению главного?». Кривцов отвечает ему так: «Такого Бога, как ты говоришь, не знаю и отрекаюсь от него, и зову его дьяволом вместе с тобою. Нам дано знать лишь единого Бога — Христа. Он близок и дорог нам, и Ему одному

будем служить» [Новиков 2004: 136]. Следовательно, возникает множественность понимания Бога, о чем задумывались русские религиозные философы, доходя до отрицания «мира сего» как порождения «злого Бога», по выражению Гайденко [Гайденко 2001: 318], на фоне которого отчетливее стал вырисовываться образ Кроткого, Страдающего Бога — Христа. Судя по всему, эта идея «Другого» в Боге восходит к мистицизму Бёме, в частности к его концепции Ungrund. Эти идеи были подхвачены очень активно, как известно, русскими религиозными философами, например Н. Бердяевым: «Таинственное учение Беме об Ungrund'е, о бездне, безосновной, темной и иррациональной, предшествующей бытию, есть попытка ответить на основной вопрос всех вопросов, вопрос о возникновении мира и возникновении зла. Все учение Беме об Ungrund'е так переплетается с учением о свободе, что их невозможно разделить, это одно и то же учение. И я склонен истолковывать Ungrund, как изначальную, не детерминированную даже Богом меоническую свободу» [Бердяев 1930: 57]. Утверждал положение о множественности Бога и Соловьев (следуя в этом за Шеллингом), на что указывает Гайденко [Гайденко 2001: 77]. Как видим, в романе Новикова преломились не только идеи современных ему философов, а также их «проклятые вопросы», на которые так и не было дано однозначного ответа.

Собственно, показателем того, что на эти вопросы не ответили ни русская религиозная философия, ни неохристианство, является самоубийство главных героев, символизирующее тупик нового религиозного сознания. Глеб и Анна не смогли преобразовать мир (а идея преобразования именно земного мира играла важную роль в новом христианстве). Они добровольно покинули его, не имея возможности найти в нем для себя места. Нельзя сказать, что их загубила грубость материального мира или жестокий рок (об этом можно говорить применительно к Кривцову и Наташе): их уход можно трактовать как трагедию несовпадения мира и человека, когда человек оказывается слишком широк для предлагаемых ему рамок и, не имея возможности вместиться в них, просто добровольно покидает его. В любом случае, осуждать героев как реальных людей мы не имеем права, а так как мы имеем дело с героями-идеями, необходимо сделать определенные обобщения. Если сами олицетворения идей не могут воплотить свою философию в условиях земной жизни, то встает вопрос о ее состоятельности в целом. Именно поэтому и смеется старик «азиатского типа», наблюдая за Анной и Глебом своим внутренним взглядом. Может, потому и звучит лейтмотивом в романе: «Умер, умер твой Белый Христос». Сто-

ит отметить, что сам Новиков был приверженцем «белого брака» в реальной жизни, хотя в его творчестве такого типа отношения не раз подвергались критическому анализу. Белый брак, вступая в который супруги заведомо отказываются от физических проявлений своего чувства, представляет собой одну из ветвей идеалистического понимания брака. Разрушительную сторону такого типа взаимоотношений Новиков особенно ярко показал, например, в пьесе «Горсть пепла» (1916).

Сказанное выше далеко не исчерпывает религиозную составляющую романа. Но, тем не менее, уже по этим наблюдениям можно понять характер религиозных исканий рубежа XIX–XX веков: были и действительно идеалистические устремления, и разного рода подмены, смешения идеалов Содома и Мадонны и т. д. Как бы то ни было, цель у всех религиозных реформаторов была одна — преобразовать мир силами нового религиозного сознания. Но средства для достижения этой общей цели были разными: внутри самого религиозного течения не было однородности. Несмотря на краткость своего произведения, Новиков ярко продемонстрировал эти противоречия, что делает его текст ценным историко-художественным документом эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барковская Н.В.* Поэтика символистского романа: дис. … д-ра филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 1996.
2. *Бердяев Н.А.* Из этюдов о Я. Бёме. Этюд I. Учение об Ungrund'е и свободе // Путь. 1930. № 20. С. 47–79.
3. *Гайденко П.П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001.
4. *Калинина К.С.* Жанр романа в творчестве И.А. Новикова начала XX века: проблематика и поэтика: дис. … канд. филол. наук. М., 2020.
5. *Калинина К.С.* Черты модернизма в романе И.А. Новикова «Золотые кресты» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 1. С. 87–93.
6. *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. М., 1990.
7. *Михайлова М.В.* Проблема «интеллигенция — народ — революция» в творческом сознании И.А. Новикова. URL: https://portal-slovo.ru/philology/37260.php (дата обращения: 09.02.2023).
8. *Михайлова М.В.* Творчество И.А. Новикова в дореволюционной критике // И.А. Новиков в кругу писателей-современников. Орел-Мценск, 2003. С. 29–50.
9. *Новиков И.А.* Золотые кресты: Роман. Повести и рассказы. Мценск, 2004.
10. *Петровская Н.* Иван Новиков. Золотые кресты. М., 1908 // Разбитое зеркало. М., 2014. С. 520–522.
11. *Соловьев В.С.* Жизненная драма Платона // Собр. соч.: Т. 2. / Под ред. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. М., 1988. С. 582–626.
12. *Соловьев В.С.* Россия и вселенская церковь. Пер. с фр. Г.А. Рачинского // Путь. 1911.

13. *Соловьев В.С.* Смысл любви // Собр. соч.: Т. 2. / Под ред. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. М., 1988. С. 493–548.
14. *Спивак Р.С., Кропотина Ю. А.* Высокая дидактика И.А. Новикова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 5. С. 129–139.
15. *Спивак Р.С.* Новое христоцентричное сознание в романе И.А. Новикова «Золотые кресты» // Газета «Протестант». 2012.

REFERENCES

1. Barkovskaya N.V. Poetika simvolistskogo romana [The Poetics of the Symbolist Novel]: dis. … d-ra filol. nauk: 10. 01. 01. Ekaterinburg, 1996. 462 p. (In Russ.)
2. Berdyaev N.A. Iz etyudov o Ya. Byome. Etyud I. Uchenie ob Ungrund'e i svobode [Studies Concerning Jacob Boehme: Etude I. The Teaching about the Ungrund and Freedom]. Put'. 1930, no. 20, pp. 47–79. (In Russ.)
3. Gaidenko P.P. Vladimir Solovyev i filosofiya Serebryanogo veka [Vladimir Solovyov and the Philosophy of the Silver Age]. Moscow, *Progress-Traditsiya Publ.,* 2001. 472 p. (In Russ.)
4. Kalinina K.S. Zhanr romana v tvorchestve I. A. Novikova nachala XX veka: problematika i poetika [The Genre of the Novel in the Works of I.A. Novikov at the Beginning of the 20th Century: Problematic and Poetic]: dis. … kand. filol. nauk. Moscow, 2020. 224 p. (In Russ.)
5. Kalinina K. S. Cherty modernizma v romane I. A. Novikova «Zolotye kresty» [Modernistic Features in the Novel "The Gold Crosses" by I. A. Novikov]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]. 2016, no. 1 (21), pp. 87–93. (In Russ.)
6. Losev A.F. Vladimir Solovyev i ego vremya [Vladimir Solovyov and His Time]. Moscow, *Progress Publ.,* 1990. 720 p. (In Russ.)
7. Mikhailova M.V. Problema «intelligenciya — narod — revolyuciya» v tvorcheskom soznanii I.A. Novikova [The Problem of "Intellectuals-People-Revolution" in the Creative Consciousness of I.A. Novikov]. URL: https://portal-slovo.ru/philology/37260.php (accessed: 09.02.2023). (In Russ.)
8. Mikhailova M.V. Tvorchestvo I. A. Novikova v dorevolyucionnoj kritike [Novikov 's Work in Pre-Revolutionary Literary Criticism]. I.A. Novikov v krugu pisatelejsovremennikov. Orel-Mcensk, 2003, pp. 29–50 (In Russ.)
9. Novikov I. A. Zolotye kresty: Roman. Povesti i rasskazy ["The Gold Crosses": A Novel. Novellas and Short Stories]. Mcensk, 2004. 444 p. (In Russ.)
10. Petrovskaya N. Ivan Novikov. Zolotye kresty. M., 1908 ["The Gold Crosses". M., 1908]. Razbitoe zerkalo. Moscow, *BSG-Press Publ.,* 2014. pp. 520–522. (In Russ.)
11. Solovyev V.S. Zhiznennaya drama Platona [Plato's Life-Drama]. Sobr. soch.: T. 2. / Pod red. A.V. Gulygi, A.F. Loseva [Collected Works: Vol.2 / Ed by A.V. Gulyga, A.F. Losev]. Moscow, *Mysl' Publ.,* 1988, pp. 582–626. (In Russ.)
12. Solovyev V.S. Rossiya i vselenskaya cerkov'. Per. s fr. G.A. Rachinskogo [Russia and the Universal Church]. Put'. 1911 (In Russ.)
13. Solovyev V.S. Smysl lyubvi [The Meaning of Love]. Sobr. soch.: T. 2. / Pod red. A.V. Gulygi, A.F. Loseva [Collected Works: Vol.2 / Ed by A.V. Gulyga, A.F. Losev]. Moscow, *Mysl' Publ.,* 1988, pp. 493–548. (In Russ.)
14. Spivak R.S., Kropotina Yu.A. Vysokaya didaktika I. A. Novikova [High Didactics of I.A. Novikov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*

[Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010, no. 5 (11), pp.129–139. (In Russ).
15. Spivak R.S. Novoe hristocentrichnoe soznanie v romane I.A. Novikova «Zolotye kresty» [The New Christ-Centered Consciousness in Novikov's Novel "The Gold Crosses"] // Gazeta "Protestant". 2012. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.04.2024
Принята к публикации 01.06.2024
Отредактирована 08.08.2024

Received 15.04.2024
Accepted 01.06.2024
Revised 08.08.2024

ОБ АВТОРЕ

Насуева Аида Магомедсаидовна — аспирант, младший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; katz.aerozeppelin@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Aida M. Nasueva — postgraduate student, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences; katz.aerozeppelin@gmail.com

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 214–225
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2024, no. 5, pp. 214–225

«КРОМЕШНЫЙ МИР» В ИЗОБРАЖЕНИИ Н.А. НЕКРАСОВА И А.П. ПЛАТОНОВА (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Н.З. Кольцова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; koltsovaru@rambler.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка проследить типологические схождения между поэмой Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и романом А.П. Платонова «Чевенгур». Параллели между двумя текстами предопределяются прежде всего ориентацией обоих авторов на фольклорные и литературные традиции. Так, структура и поэмы, и романа предполагает рассмотрение в контексте кумулятивной сказки, основанной на повторении сюжетного звена — поиска счастливца, которому «живется весело, вольготно на Руси», или «тридевятого царства», места, где возник «коммунизм среди самодеятельности населения». Кроме того, типологическое сходство обоих текстов объясняется тем, что они создавались в похожих конкретно-исторических обстоятельствах (и являлись реакцией творцов на глубокие социальные потрясения в жизни России — на отмену крепостного права и, позже, революцию 1917 года).

В моменты подобных серьезнейших «тектонических сдвигов» в обществе особенно проявляется абсурд, бессмысленная «кромешность» жизни. В XIX в. абсурд самой истории художественно осмыслили Салтыков-Щедрин и Некрасов, в XX в. традицию подхватил и развил Платонов. Однако если у Некрасова абсурдное, аномальное, уродливое концентрируется в нескольких эпизодах поэмы (фрагменты «Крестьянка» и «Последыш»), то у Платонова абсурд растворен во всем тексте романа, как включен он и в само «вещество существования», то есть в саму жизнь. По мнению Платонова, абсурд является одной из констант, глубинных составляющих жизни и выходит на поверхность в кризисные моменты истории страны.

Параллели между образами разоренного дома и искаженного мира в произведениях Платонова и Некрасова помогают авторам показать, с одной стороны, противоречия русского национального характера, с другой стороны — подчеркнуть их надвременную, философскую сущность.

Ключевые слова: Некрасов; Платонов; «Кому на Руси жить хорошо»; «Чевенгур»; «Котлован»; абсурд; социальные сдвиги; русский национальный характер; отмена крепостного права; революция

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-17

© Кольцова Н.З., 2024

Для цитирования: *Кольцова Н.З.* Кромешный мир в изображении Некрасова и Платонова (к постановке вопроса) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 214–225.

THE PITCH-BLACK WORLD AS DEPICTED BY NEKRASOV AND PLATONOV (TO THE QUESTION)

N.Z. Koltsova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; koltsovaru@rambler.ru

Abstract: This article attempts to trace the typological connections between N. Nekrasov's poem *Who Can Be Happy and Free in Russia* and A. Platonov's novel *Chevengur*. The parallels between the two texts are determined primarily by the orientation of both authors towards folklore and literary traditions. Thus, the structure of both the poem and the novel is based on the repetition of a plot link as in a cumulative fairy tale — the search for a lucky man who "can be happy and free in Russia", or the "three-ninth kingdom", the place where "communism arose among the self-activity of the population". Besides, the typological similarity of both texts is explained by the fact that they were created in similar specific historical circumstances (and were the creators' reaction to the profound social upheavals in the life of Russia — the abolition of serfdom and, later, the revolution of 1917).

At moments of such serious "tectonic shifts" in society, the absurdity, the senseless *"pitch darkness"* of life is especially obvious. In the 19th century the absurd of history was artistically interpreted by Saltykov-Shchedrin and Nekrasov, and in the 20th century this theme was picked up and developed by Platonov. Whereas in Nekrasov the absurd, the abnormal, the ugly are concentrated in several episodes of the poem (the fragments "The Peasant Woman" and "The Last Pomeshchik"), in Platonov the absurd is dissolved in the entire text of the novel, since it is included in the very "substance of being", that is, in the very life of the Russian people. According to Platonov, the absurd is one of the constants, the deep components of life, and comes to the surface in critical moments of the country's history.

The parallels between the images of a ruined home and a distorted world in the works of Platonov and Nekrasov help the authors show, on the one hand, the contradictions of Russian national character, and on the other hand, to emphasize their timeless, philosophical essence.

***Keywords*:** N. Nekrasov; A. Platonov; *Who Can Be Happy and Free in Russia*; *Chevengur*; *The Foundation Pit*; absurdity; social changes; Russian national character; abolition of serfdom; revolution

For citation: Koltsova N.Z. (2024) The Pitch-Black World as Depicted by N. Nekrasov and A. Platonov (To the Question). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 5, pp. 214–225.

Тема «Платонов — Некрасов» подсказывается самой структурой главных произведений авторов — поэмы «Кому на Руси жить хоро-

шо» и романа «Чевенгур», предполагающих рассмотрение в контексте кумулятивной сказки, основанной на повторении сюжетного звена, будь то поиск счастливца, которому «живется весело, вольготно на Руси», или «тридевятого царства» (места, где возник «коммунизм среди самодеятельности населения»). Разумеется, параллели предопределены не только ориентацией на фольклорные и литературные традиции, но и сходством конкретно-исторических ситуаций — в том и в другом случае это реакция на тектонические сдвиги в жизни России. При этом и некрасовские правдоискатели, и платоновские «неистовые ревнители» сосредоточены на решении вопросов философского порядка.

Так, по мнению Т.С. Злотниковой, центральный конфликт некрасовской поэмы получает своеобразное продолжение в романе Платонова: «Рядом с “русскими вопросами”, ставшими риторическими фигурами и заданными в экстраверсивном дискурсе А. Герценом и Н. Чернышевским (“кто виноват” и “что делать”), мы видим “русские вопросы”, заданные в интроверсивном дискурсе: “Кому на Руси жить хорошо?” у Н. Некрасова и “Как жить?” у А. Платонова» [Злотникова 2019: 188].

Примечательно, что в стремлении понять, какой ответ на вопрос дает Платонов, Злотникова приходит к неутешительному выводу: «…в большинстве своих произведений Платонов не видит самой возможности жить, создавая ощущение *сгустившегося воздуха* как не пригодной для дыхания субстанции и деформированного пространства, где нет доступного пониманию и возможного для проживания/нахождения времени» [Злотникова 2019: 195]. Заметим, что так называемое «деформированное пространство», о котором пишет исследовательница, «освоено» как русской литературой, так и — прежде всего — русским фольклором, не раз обращавшимися к темной, или кромешной, стороне жизни.

Д.С. Лихачев и А.М. Панченко в «Смеховом мире Древней Руси» так характеризуют кромешный мир: «Перед нами изнанка мира. Мир перевернутый, реально невозможный, абсурдный, дурацкий» [Лихачев, Панченко 1976: 19]. Эпитет «дурацкий», казалось бы, обещает погружение в веселое скоморошество, но он же, как это происходит в анекдотах о пошехонцах, сказках о глупых женах и нерадивых мужьях, вбирает в себя представления о мракобесии, невежестве.

Как нам представляется, Лихачев и Панченко, развивая идеи Бахтина, дополняют их обращением к тем сторонам карнавала, которые, разумеется, не ускользнули от взгляда их предшественни-

ка (о чем свидетельствует тот же анализ «Бобка» Достоевского), но помещались им скорее в поле «высокой», а не народной культуры. И даже когда при анализе произведений Гоголя Бахтин подходит к исследованию «мортальной», макабрической эстетики, он не фокусируется на ней — или намеренно останавливается «на пороге». Мир дионисийский в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» низведен до веселого раблезианства, воплощающего в себе, как стремится доказать автор, полноту бытия. Однако при внимательном изучении этот мир оказывается как раз неполным, особенно если не забывать о последствиях сбрасывания оков (в том числе о вакханалии разнузданной телесности; см. о Бахтине как о «переводчике идей Вяч. Иванова на язык следующего поколения» [Силард 2002; Гюнтер 1992; Тамарченко 2011; Шульц 2023]). Неотъемлемым элементом карнавальной культуры Бахтин считает гротеск, который в силу своей амбивалентной природы выходит за пределы комического и захватывает область страшного, трагического — именно такой «темный», «ночной» гротеск привлек внимание В. Кайзера [Kayser 1981: 224]. В то же время, по справедливому замечанию Ю.В. Пухлий, «романтики и с ними Кайзер недооценивают возрождающее начало гротеска, в этом состоит главное возражение им Бахтина» [Пухлий 2009: 427–459].

Мрачное балагурство, не отменяющее трагизма существования, не ведущее к преодолению кошмара и безысходности, не изживающее боль, смерть и ужас, но существующее даже не вопреки им, а «в них» как их следствие и одновременно причина, как продолжение тех же жизненных начал, которые связаны с областью страшного и чудовищного, — эта грань карнавального мира в полной мере раскрыта Платоновым. Уникальный платоновский стиль и по сей день остается загадкой для исследователей, поскольку не исчерпывается ни указанием на поэтику остранения или неостранения [Меерсон 2016], ни рассмотрением его в русле сновидческого метода [Хрящева 2004: 128–143]. На наш взгляд, специфика платоновского гротеска, обнаруживая типологическое родство с сюрреализмом и магическим реализмом [Вьюгин 2008; Гугнин 1998: 44], зарождающимися в мировой культуре в 1930-е гг., восходит все же к традициям русской культуры — как фольклора, так и литературы (чевенгурцы — те же глуповцы [Кольцова 2016: 205–212]). И думается, что среди писателей, задолго до Платонова обращавшихся к изображению абсурда народной жизни, оказывается и Некрасов.

Во фрагменте «Крестьянка» изображению встречи героев поэмы с крестьянкой-«губернаторшей» предшествует зарисовка барского дома, оставленного хозяевами. Перед читателями проходит парад невеселых развлечений: «Что шаг, то натыкалися / Крестьяне на диковину: / Особая и странная / Работа всюду шла. / Один дворовый мучился / У двери: ручки медные / Отвинчивал; другой / Нес изразцы какие-то. / "Наковырял, Егорушка?" / — Окликнули с пруда. / В саду ребята яблоню / Качали <…> Как прусаки слоняются / По нетопленой горнице, / Когда их вымораживать / Надумает мужик. / В усадьбе той слонялися / Голодные дворовые, / Покинутые барином / На произвол судьбы». Рисуя поистине кромешные картины заброшенной усадьбы, Некрасов откликается на те же исторические процессы, что и Салтыков-Щедрин, осмысляющий в «Диком помещике» последствия крестьянской реформы. Но если Щедрин показывает одичание помещичьего сословия, лишенного привычных условий жизни, то Некрасов убеждает читателя, что и противоположная сторона не знает, как справиться с «испытанием» свободой: избавление от подневольного труда для обитателей усадьбы оборачивается не просто праздностью, но проклятием. Разумеется, необходимо отметить, что Некрасов изображает не народный мир в целом, но людей холопского звания — дворню, о которой писал Герцен: «Видно, конюшня родительского дома учила красноречивее, видно, натура холопа-рабовладетеля не так легко затыкается за пояс французской грамматикой»[1]; «крепостное состояние русского крестьянина — это рабство всей Российской империи»[2]. И образ, созданный Некрасовым, оказывается очень ярким и более того — символическим. Абсурд кромешного мира вселяет в странников не смех, но ужас. И едва ли не самым чудовищным оказывается образ младенца Митеньки, сидящего в корыте и ожидающего «ухи горяченькой» («...Измаялся / На черством хлебе Митенька, / Эх, горе — не житье! — / И тут она погладила / Полунагого мальчика / (Сидел в тазу заржавленном / Курносый мальчуган). / "А что? ему, чай холодно, — // Сказал сурово Провушка, / — В железном-то тазу?" / И в руки взять ребеночка / Хотел. Дитя заплакало. // А мать кричит: — Не тронь его! / Не видишь? Он катается! / Ну, ну! Пошел! Колясочка / Ведь это у него!..»). Читатель оказывается вовлечен в атмосферу не игры, но подлинного безумия — тем более страшного, что им охвачены все

[1] *Герцен А.И.* VII лет // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 18. М., 1959. С. 238–244.

[2] *Герцен А.И.* Русское крепостничество // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 12. М., 1957. С. 34–61.

обитатели этого выморочного мира — и мать Митеньки («бледная беременная женщина»), и ловцы рыбы («В усадьбе той слонялися / Голодные дворовые, / Покинутые барином / На произвол судьбы. / Все старые, все хворые / И как в цыганском таборе / Одеты. По пруду / Тащили бредень пятеро. / "Бог на́ помочь! Как ловится?.." / — Всего один карась! / А было их до пропасти, / Да крепко навалились мы, / Теперь — свищи в кулак!»), и лакей, одетый в ковер («Холуй хитер: стащит ковер, / В ковре дыру проделает, / В дыру просунет голову / Да и гуляет так!..»), и оперный певец из Конотопа («Вкруг башни по балкончику / Похаживал в подряснике / Какой-то человек / И пел... В вечернем воздухе. / Как колокол серебряный, / Гудел громовый бас...»). Обитатели оставленной хозяевами усадьбы воспринимаются как брошенные на произвол судьбы дети или подростки, уставшие от свободы и безнаказанности. Ощущение неприкаянности несчастных безумцев, которые маются от безделья и вседозволенности и не знают, на что потратить свои время и усилия, пронизывает этот фрагмент некрасовского текста. Некрасовские герои, пребывающие в мороке дурной бесконечности, подобно платоновским «прочим», ждут, когда их «окоротят».

Блуждая по окрестностям Чевенгура (как центра «деформированного» мира), герои Платонова оказываются и в деревнях, и в разоренных усадьбах. Разоренная усадьба как один из топосов новой жизни вызывает особый интерес автора: мотив бесприютности, прервавшейся связи времен присутствует и в «Котловане», где заявлен уже в начале, задавая тон всему повествованию: «Вощев не знал, куда его влечет, и облокотился в конце города на низкую ограду одной усадьбы, в которой приучали бессемейных детей к труду и пользе». Образ брошенной усадьбы, отданной под детский сад, является одной из наиболее узнаваемых реалий советской эпохи (выступая в роли специфического воплощения рая детства) и сохраняет актуальность до последних дней советского государства.

Однако само словосочетание «бессемейные дети» уводит читателя в область абсурда, поскольку построено по принципу катахрезы: слово «бессемейный», обозначая в платоновском тексте такое распространенное явление 1920-х гг., как сиротство, и выступая синонимом понятий «брошенный», «беспризорный», «оставшийся без родителей», ассоциируется не с ребенком, а с взрослым человеком, не сумевшим обзавестись семейством, — с «холостяком», «бобылем» и пр. Подобная катахреза, основанная на разрыве и преобразовании устойчивых языковых конструкций и сращений, порождает новые смыслы и одновременно отображает поистине

тектонические сдвиги не только в устройстве общества, но и в самой природе человека. Языковые аномалии Платонова [Левин 1998: 392–419] — одно из проявлений мира перевертышей: «Изнаночный мир не теряет связи с настоящим миром. Наизнанку выворачиваются настоящие вещи, понятия, идеи, молитвы, церемонии, жанровые формы и т. д.» [Лихачев, Панченко 1976: 21].

Разные лики и своеобразные сгустки кромешного мира в романе «Чевенгур» — это и деревня Ханские дворики, и ревзаповедник товарища Пашинцева. В романе, как и в повести «Котлован», с образом разоренного дома и мира связана тема «отмененного» детства: «…две девочки походили уже на баб: они носили длинные материны юбки, кофты, имели шпильки в волосах и сплетничали». Остановившееся, застывшее и «перевернутое» время — признак тотального неблагополучия [Гоганова 2016].

Странные герои Платонова, мечтая о будущем, тем не менее обитают на руинах прошлого — и этим удивительно напоминают некрасовских персонажей, поведение которых ассоциируется не со здоровым дурачеством веселых людей (бахтинским карнавалом), но с экзистенциальным пространством ужаса, страха перед хаосом бессмысленного мира.

Обитатели Чевенгура — это «прочие»: калеки, поистине брейгелевские гротескные уродцы (вспомним слепых, идущих за незрячим же поводырем). Платоновские «неистовые ревнители» коммунизма — своего рода потомки знаменитой Безумной Греты, ожесточенно и бесстрашно штурмующей ад (притом что герои «Чевенгура» столь же неистово ищут и создают коммунистический «рай»).

Здоровой психикой наделен лишь Саша Дванов — однако его образу сопутствует тема физической непрочности, хилости, вызывающих ощущение некоей его «надмирности» (хрупкость Саши отмечают все — от Захара Павловича до Копенкина). И потому он кажется посланником иного мира. Двойственное положение героя позволяет видеть в нем черты не только революционера (или народного заступника, своего рода потомка Гриши Добросклонова), но и Спасителя, сошедшего в этот мир, с тем чтобы подарить ему надежду (о параллелях с Христом, которые эксплицированы в тексте, часто в травестированном варианте, писали неоднократно, см. [Худзинска-Паркосадзе 2007]). Саша оказывается рядом с увечными и слабыми, более того — несовершенными не только телесно, но и духовно. И если к Саше применимо понятие юродства, то «чудачества» «прочих» укладываются в понятие не столько юродства, сколько

мракобесия. Лимб, морок «Бобка» Достоевского — вот пространство «Чевенгура».

Кроме того, на наш взгляд, необходимо различать категории юродства и шутовства, как это делает Л. Силард в связи с героями Достоевского [Силард 1982]. Странное, нелепое в поведении может быть как проявлением иррационального в природе человека, так и следствием лицедейства, притворства, игры — и таким образом тяготеть к одному из полюсов — добра или зла. Безусловно, в мире «Чевенгура» преобладают герои первого типа, тогда как зло чаще себя проявляет в сфере рационального, рассудочного, находящего концентрированное воплощение в образе Прошки.

Если у Некрасова абсурд концентрируется в нескольких запоминающихся эпизодах (помимо анализируемого выше, он ярко представлен в «Последыше», в котором показана агония добровольного рабства; уродливый всплеск прошлого — к сожалению, далеко не последний, так как «люди холопского звания» вряд ли могут быть переведены в другой психоэмоциональный «чин»), то у Платонова абсурдное и кромешное растворены в тексте, так как они включены в «вещество существования» — это та антиматерия, которая у Платонова не отделена от собственно материи — по крайней мере в том мире, в котором существуют его герои, в мире революции, взрыва.

На вопрос, является ли абсурд следствием социальных сдвигов и катастроф (таких как отмена крепостного права или революция) или он, будучи одной из констант русской жизни, выходит на поверхность в кризисные периоды истории, платоновский роман отвечает своей композицией: первые главы, посвященные изображению предреволюционной поры, уже уводят читателя в царство абсурда, позволяя утверждать, что уродливое, аномальное не связано с революцией. Более того, революция как раз дарит надежду на преодоление морока существования — насколько выясняется из финала романа, надежду ложную, и именно этот мотив несбывшейся мечты, обернувшейся кошмаром, и окрашивает все повествование в трагические тона. Как полагает Е.Б. Скороспелова, роман может быть прочитан как история обмана и самообмана народа, как рассмотрение итогов самообольщения идеей [Скороспелова 2003: 269]. С таким пониманием необходимо согласиться, но вопрос о возможности преодоления горя, тоски и ужаса от столкновения с антимиром с помощью социальных преобразований не снимается.

Если Некрасов, вводя в поэму образ Гриши Добросклонова, дарит читателю надежду на преображение мира, то Платонов, подхватывая тему, создавая свой образ «народного заступника», представи-

теля новой интеллигенции, разрушает все иллюзии — и в этом проявляется жестокая правда новой эпохи, давшей неутешительные ответы на некрасовские вопросы (вновь согласимся со Злотниковой).

XX век если не прочитал Некрасова «по-новому», то все же обнаружил в нем ту «дисгармоничную гармонию», которая отвечала атмосфере нового времени: «тяжелый, неуклюжий стих» поэта был услышан как «музыка и скрежет гвоздя по стеклу» (Мережковский) и сыграл ключевую роль в самоопределении символистов — как старшего, так и младшего поколения. Постсимволистский период русской литературы, безусловно, также немыслим без некрасовской «прививки»: к осмыслению некрасовского наследия обращаются Тынянов, Эйхенбаум, Чуковский. Некрасовские традиции явственно проступают в творчестве Белого, Есенина, Маяковского. Поэтами и писателями 1920-х гг. классики русской литературы воспринимаются как собеседники, едва ли не как современники (вспомним название платоновской статьи «Пушкин наш товарищ», фамильярное обращение Маяковского к «Некрасову Коле, сыну покойного Алеши»).

Но даже если параллели между образами разоренного дома и искаженного мира в произведениях Платонова и Некрасова не выходят за пределы типологических и предопределены лишь «памятью жанра» — не только сказок или анекдотов о пошехонцах, но и в целом «кромешной» линии русского фольклора, игнорировать их невозможно, прежде всего потому, что они помогают показать противоречия русского национального характера, поднять проблемы русской жизни на надвременную, философскую высоту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вьюгин В.Ю.* «Сюр-реалии» Платонова: от Бретона до Бродского (К проблеме эстетической идентификации писателя) // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Кн. 4. ИРЛИ РАН. СПб., 2008. С. 3–21.
2. *Гоганова А.В.* «Пожилые» дети в романе А. Платонова «Чевенгур» (к типологии персонажей) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 2016. № 1. С. 197–204.
3. *Гугнин А.А.* Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (феномен и некоторые пути его осмысления). М., 1998.
4. *Гюнтер Х.* М. Бахтин и «Рождение трагедии» Ф. Ницше // Диалог. Карнавал. Хронотоп. № 1. 1992. С. 27–34.
5. *Злотникова Т.С.* Русские вопросы А. Платонова и Н. Некрасова: отношение к жизни как ментальный парадокс // Верхневолжский филол. вестн. 2019. № 4 (19). С. 188–197.
6. *Кольцова Н.З.* О платоновских «дураках» (роман «Чевенгур») // Проблемы неклассической прозы. Вып. 2. М., 2016. С. 205–212.

7. *Левин Ю.И.* От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) // Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 392–419.
8. *Лихачев Д.С., Панченко А.М.* «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976.
9. *Меерсон О.А.* Апокалипсис в быту. Поэтика неостранения у Андрея Платонова. М., 2016.
10. *Пухлий Ю.В.* От «росписей из грота» до «гротескного реализма». Франкоязычная рецепция понятия «гротеск» и теории Михаила Бахтина // Вопросы литературы. 2009. № 6. С. 427–459.
11. *Силард Л.* От «Бесов» к «Петербургу»: между полюсами юродства и шутовства (набросок темы) // Studies in 20th Century Russian Prose, Stockholm 1982. С. 80–107.
12. *Силард Л.* Герметизм и герменевтика. СПб., 2002.
13. *Скороспелова Е.Б.* Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003.
14. *Тамарченко Н.Д.* «Эстетика словесного творчества» Бахтина и русская философско-филологическая традиция. М., 2011.
15. *Хрящева Н.П.* Сны в художественной структуре «Чевенгура» // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. Вып. 7 (К 105-летию А. Платонова. Реальное и мифологическое в художественном мире А. Платонова). Екатеринбург, 2004. С. 128–143.
16. *Худзинска-Паркосадзе А.* Жанровые особенности романа Андрея Платонова «Чевенгур» // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. 2007. С. 67–75.
17. *Шульц С.А.* М.М. Бахтин и символизм / постсимволизм / неосимволизм (Вячеслав Иванов, О.Э. Мандельштам, А.А. Ахматова и др. // Литературоведческий журнал. 2023. № 3 (61). С. 180–199.
18. *Kayser W.* The grotesque in art and literature. Transl. New York, 1981.

REFERENCES

1. V'yugin V. «*Syur-realii» Platonova: ot Bretona do Brodskogo (K probleme ehstetiches-koi identifikatsii pisatelya)* [Platonov's Sur-Realities: From Breton to Brodsky (On the Problem of the Writer's Aesthetic Identification)]. *Tvorchestvo Andreya Platonova: Issledovaniya i materialy* [Andrey Platonov's Creative Work: Research and Materials] St. Petersburg: *Nauka Publ*., 2008, pp. 3–21. (In Russ.)
2. Goganova A. «*Pozhilye» deti v romane A. Platonova «Chevengur» (k tipologii person-azhei)* [«Elderly» Children in A. Platonov's Novel *Chevengur* (On the Typology of Characters)]. *Lomonosov Philology Journal. Series 9,* 2016, no. 1, pp. 197–204. (In Russ.)
3. Gugnin A. *Magicheskii realizm v kontekste literatury i iskusstva XX veka (fenomen i nekotorye puti ego osmysleniya)* [Magical Realism in the Context of Literature and 20th Century Art (Phenomenon and Some Ways of Understanding It)]. Moscow: *Institut slavyanovedeniya RAN Publ*., 1998. 120 p. (In Russ.)
4. Gyunter Kh. *M. Bakhtin i «Rozhdenie tragedii» F. Nietzsche* [M. Bakhtin and F. Nietzsche's *The Birth of Tragedy*]. *Dialog. Karnaval. Khronotop* [Dialogue. Carnival. Chronotope], 1992, no. 1, pp. 27–34. (In Russ.)
5. Zlotnikova T. *Russkie voprosy A. Platonova i N. Nekrasova: otnoshenie k zhizni kak mental'nyi paradoks* [A. Platonov and N. Nekrasov's Russian Questions: Attitude to

Life as a Mental Paradox]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verhnevolzhski Philological Bulletin], 2019, no. 4 (19), pp. 188–197. (In Russ.)
6. Kol'tsova N. *O platonovskikh «durakakh» (roman «Chevengur»)* [About Platonov's «Fools» (The Novel *Chevengur*)]. *Problemy neklassicheskoi prozy* [Problems of Non-classical Prose]. Issue 2. Moscow: *MAKS Press Publ*., 2016, pp. 205–212. (In Russ.)
7. Levin Yu. *Ot sintaksisa k smyslu i dalee* (*«Kotlovan» A. Platonova*) [From Syntax to Meaning and Beyond (*The Foundation Pit* by A. Platonov)]. Levin Yu. *Izbrannye trudy: Poetika. Semiotika* [Selected Works: Poetics. Semiotics]. Moscow: *Yazyki russkoi kul'tury Publ*., 1998, pp. 392–419. (In Russ.)
8. Likhachev D., Panchenko A. *«Smekhovoi mir» Drevnei Rusi* [The World of Laughter in Ancient Rus']. Leningrad: *Nauka Publ*., 1976. 204 p. (In Russ.)
9. Meerson O. *Apokalipsis v bytu. Poehtika neostraneniya u Andreya Platonova* [Apocalypse in Everyday Life. The Poetics of Re-familiarization of Andrei Platonov]. Moscow: *Granat Publ*., 2016. 256 p. (In Russ.)
10. Pukhlii Yu. *Ot «rospisei iz grota» do «grotesknogo realizma». Frankoyazychnaya retseptsiya ponyatiya «grotesk» i teorii Mikhaila Bakhtina* [From «Grotto Frescoes» to «Grotesque Realism»: Francophone Reception of «Grotesque» and Mikhail Bakhtin' Theory]. *Voprosy literatury* [Literary Issues], 2009, no. 6, pp. 427–459. (In Russ.)
11. Szilárd L. *Ot «Besov» k «Peterburgu»: mezhdu polyusami yurodstva i shutovstva (nabrosok temy)* [From «Demons» to «Petersburg»: Between the Poles of Foolishness and Buffoonery (Sketch on the Topic)]. *Studies in 20th Century Russian Prose*, Stockholm, 1982, pp. 80–107. (In Russ.)
12. Szilárd L. *Germetizm i germenevtika* [Hermeticism and Hermeneutics]. St. Petersburg: *Izdatel'stvo Ivana Limbakha*, 2002. 328 p. (In Russ.)
13. Skorospelova E. *Russkaya proza XX veka: ot A. Belogo («Peterburg») do B. Pasternaka («Doktor Zhivago»)* [Russian Prose of the 20th Century: From Andrey Bely (*Petersburg*) to B. Pasternak (*Doctor Zhivago*)]. Moscow: *TEIS Publ*., 2003. 420 p. (In Russ.)
14. Tamarchenko N. *«Ehstetika slovesnogo tvorchestva» Bakhtina i russkaya filosofsko-filologicheskaya traditsiya* [Bakhtin's *Aesthetics of Verbal Crea*tion and Russian Philosophical and Philological Tradition]. Moscow: *Izdatel'stvo Kulaginoi*, 2011. 400 p. (In Russ.)
15. Khryashcheva N. *Sny v khudozhestvennoi strukture «Chevengura»* [Dreams in the Artistic Structure of *Chevengur*]. *Ural'skii filologicheskii vestnik*. Issue: Russkaya literatura XX-XXI vekov: napravleniya i techeniya. Issue 7 (K 105-letiyu A. Platonova. Real'noe i mifologicheskoe v khudozhestvennom mire A. Platonova) [XX–XXI cent. Russian Literature: Trends and Tendencies. Issue 7 (To the 105th Anniversary of A. Platonov. The Real and Mythological in the Artistic World of A. Platonov)], 2004, pp. 128–143. (In Russ.)
16. Khudzinska-Parkosadze A. Zhanrovye osobennosti romana Andreya Platonova *Chevengur* [Genre Features of Andrey Platonov's Novel *Chevengur*]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta*. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika [Volgograd State University Bulletin. Series 8: Literary Criticism. Journalism], 2007, pp. 67–75. (In Russ.)
17. Schultz S. *M.M. Bakhtin i simvolizm / postsimvolizm / neosimvolizm (Vyacheslav Ivanov, O.Eh. Mandel'shtam, A.A. Akhmatova i dr.* [M. Bakhtin and Symbolism / Post-symbolism / Neo-symbolism (Vyacheslav Ivanov, O. Mandelshtam,

A. Akhmatova and others)]. *Literaturovedcheskii zhurnal* [The Journal of Literary History and Theory], 2023, no. 3 (61), pp. 180–199. (In Russ.)
18. Kayser W. *The Grotesque in Art and Literature.* N. Y., *Columbia Univ. Press*, 1981. 224 p.

Поступила в редакцию 15.05.2024
Принята к публикации 01.06.2024
Отредактирована 09.08.2024

Received 15.05.2024
Accepted 01.06.2024
Revised 09.08.2024

ОБ АВТОРЕ

Кольцова Наталья Зиновьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; koltsovaru@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia Z. Koltsova — PhD in Philology, Associate Professor, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; koltsovaru@rambler.ru

IN MEMORIAM

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ МЕЩЕРЯКОВ (1954–2024)

Н.Е. Ананьева, Г.П. Тыртова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; ananeva.46@mail.ru; tyrtova58@mail.ru

Аннотация: В статье описывается жизненный и творческий путь известного специалиста по сербской и хорватской литературе, доцента кафедры славянской филологии, кандидата филологических наук Сергея Николаевича Мещерякова.

Ключевые слова: Сергей Николаевич Мещеряков; сербская литература; хорватская литература; русская литература; сопоставление

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-18

Для цитирования: *Ананьева Н.Е., Тыртова Г.П.* Сергей Николаевич Мещеряков (1954–2024) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 226–232.

SERGEY MESHCHERYAKOV (1954–2024)

Natalya Ananyeva, Galina Tyrtova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ananeva.46@mail.ru; tyrtova58@mail.ru

Abstract: The article describes life and professional path of the famous specialist in Serbo-Croatian literature, Associate Professor of the Department of Slavic Philology, PhD in Philology Sergey Meshcheryakov.

Keywords: Sergey Meshcheryakov; Serbian literature; Croatian literature; Russian literature; comparison

For citation: Ananyeva N., Tyrtova G. (2024) Sergey Meshcheryakov (1954–2024). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 5, pp. 226–232.

23 февраля 2024 г. завершил свой земной путь Сергей Николаевич Мещеряков, кандидат филологических наук, доцент кафедры сла-

© Ананьева Н.Е., Тыртова Г.П., 2024

вянской филологии. Кафедра потеряла высокопрофессионального специалиста и замечательного человека, семья — любимого и любящего мужа, отца, дедушку.

Сергей Николаевич родился 8 мая 1954 года в г. Салобеляк Салобелякского района Кировской области. Со временем семья переехала в город Борисоглебск, а в 1968 году — в Москву, куда пригласили работать отца Сергея Николаевича, выпускника Лесотехнической академии, всю жизнь плодотворно трудившегося на производствах, связанных с переработкой дерева. В 1971 году Сергей Николаевич становится студентом словенской группы славянского отделения филологического факультета МГУ. Однако через год его профессиональная ориентация меняется: он уезжает учиться в Белградский университет, где получает образование по специальности «сербохорватский язык и литературы народов Югославии». Будучи студентом Белградского университета, Сергей Николаевич продолжает учебу и на заочном отделении филологического факультета МГУ (направление — «русский язык и литература»). Одновременная подготовка в области югославистики и русистики позволит С.Н. Мещерякову впоследствии создать ряд работ компаративного характера, в которых произведения сербских и хорватских писателей сопоставляются с феноменами русской литературы. И не случайно последняя статья С.Н. Мещерякова посвящена традициям Ф.М. Достоевского в творчестве сербских и черногорских модернистов Миодрага Булатовича и Мирко Ковача. Успешно закончив оба факультета (в Белграде в 1977 г., в Москве в 1978 г.), Сергей Николаевич поступает в аспирантуру при кафедре славянской филологии. Под руководством проф. Н.И. Кравцова он начинает писать кандидатскую диссертацию, но работу над ней приходится приостановить, так как в 1978 г. Сергей Николаевич становится сотрудником кафедры славянской филологии и делает первые шаги на преподавательском поприще, которому он посвятил без малого 45 лет своей жизни.

С 1981-го по 1983 год Сергей Николаевич занимался общественной работой: был освобожденным секретарем Комитета ВЛКСМ филфака. Здесь впервые проявились его организаторские способности, умение видеть проблемы и решать их. За три года его деятельности работа факультетской комсомольской организации заметно улучшилась: она заняла четвертое место в общеуниверситетском комсомольском соревновании. Особенно успешно развивалось тогда международное университетское сотрудничество. При посредничестве Бюро международного молодежного туризма «Спутник»

Сергею Николаевичу с коллегами удалось установить тесные связи с университетами социалистических стран и сделать регулярным межвузовский обмен студентами и аспирантами. Сергей Николаевич никогда не рассматривал эти годы как потерянные для научного творчества, а всегда с теплотой вспоминал о «работе в комсомоле» (как он говорил), обогатившей его новым опытом и новыми друзьями, позволившей ему лучше узнать коллег с других кафедр и, в свою очередь, сделать его известным всему факультету.

Вернувшись на кафедру, С.Н. Мещеряков плодотворно трудится и в 1986 году (уже под руководством проф. Е.З. Цыбенко) успешно защищает кандидатскую диссертацию «Жанровое своеобразие сербского реалистического романа 70-х годов XX века». Проявившийся при написании диссертации новаторский подход характерен и для дальнейшей научной деятельности Сергея Николаевича. Так, в статье о Милоше Црнянском он рассматривает связь творчества писателя с буддизмом и барокко. Сделанные в таком ракурсе наблюдения и выводы используют в своих работах исследователи сербской литературы XX века. Имела резонанс и появившаяся к двухсотлетнему юбилею Н.В. Гоголя статья С.Н. Мещерякова, в которой сопоставляется творчество двух писателей, Гоголя и Милорада Павича, самого известного и читаемого современного сербского автора. Сопоставительный аспект представлен также в статье 1987 года, посвященной теме природы в поэзии Десанки Максимович и Анны Ахматовой. Особое внимание С.Н. Мещеряков уделял также творчеству П.П. Негоша, Бранислава Нушича (сопоставляя его творчество с творчеством Н.В. Гоголя), Иво Андрича, Добрицы Чосича, Горана Петровича. Во всех трудах Сергея Николаевича проявлялся его литературоведческий талант: тонкий анализ текста, умение выделить общее и частное, рассмотрение явлений сербской литературы в широком литературном и философском контексте.

С.Н. Мещеряков — автор двух небольших по объему, но интересных и информационно насыщенных книг: «Сербская литература второй половины XII–XIX вв. Краткий очерк истории» (2004) и «Сербский исторический роман» (2008). Обе книги, как и опубликованные в разное время статьи, хорошо известны в Сербии, поэтому закономерно, что автора пригласили выступить с докладом на Международной научной конференции, посвященной сербской литературе XX века (Бордо, Франция, 2010 г.). Сергей Николаевич — один из авторов фундаментального труда «Лексикон южнославянских литератур» (2012), а его последняя книга — это

очерк «Литература Дубровника и Далмации эпохи XV–XVI вв.» (2022). Сергей Николаевич выступал с многочисленными докладами и сообщениями в Институте славяноведения РАН, в Белградском университете, на факультетских и кафедральных конференциях. Его нетривиальный подход к литературным явлениям, стремление проанализировать феномены сербской и хорватской литератур в широком философском контексте и сопоставительном аспекте с русской литературой неизменно вызывали интерес у слушателей.

Особого внимания заслуживает преподавательская деятельность С.Н. Мещерякова. Кроме лекций по сербской и хорватской литературам, он читал спецкурсы, посвященные сербскому и хорватскому роману XX века и сербскому историческому роману, сербскому романтизму и русско-сербским литературным связям XIX–XX вв., вел спецсеминары, руководил написанием курсовых и дипломных работ. Студенты ценили не только его глубокий анализ литературных произведений, но и то, что литературный процесс рассматривался им в тесной связи с историей и философией. Сергея Николаевича всегда интересовал конечный результат, для него было важно, чтобы студент не «сдал и забыл», а действительно усвоил материал, свободно ориентировался в нем, становился более эрудированным и знающим, обладал стройной *системой* знаний. Для достижения этих целей Сергей Николаевич не жалел себя: не считаясь со временем, читал дополнительные лекции, давал многочисленные консультации, кропотливо работал над текстами дипломов. Сергей Николаевич любил и уважал студентов, и они ему платили тем же. Он внимательно относился не только к их учебной работе, но и повседневной жизни, помогая словом и делом при возникновении каких-либо трудных житейских обстоятельств. В будущих литературоведах он всегда поощрял творческое начало, любую попытку провести нестандартный анализ литературного произведения, умело и необидно для молодых исследователей корректировал студенческие неудачи.

Сергей Николаевич постоянно совершенствовал свое дидактическое мастерство и расширял диапазон преподавательской деятельности. Так, он, не будучи лингвистом, начал вести курс «Культура речи» для студентов нефилологических специальностей, прочитал курс «История сербохорватской литературы» студентам кафедры истории западных и южных славян исторического факультета МГУ. Работы и педагогическую деятельность С.Н. Мещерякова высоко ценили в Сербии. Филологический факультет Белградского универ-

ситета наградил его Почетной грамотой за вклад в изучение, преподавание и популяризацию сербской литературы.

С.Н. Мещеряков всегда активно участвовал в работе кафедры, близко к сердцу принимал ее проблемы, старался их разрешить, что проявилось, в частности, в то время, когда на кафедре возникли проблемы с набором студентов. Сергей Николаевич на общественных началах выполнял функции заместителя заведующего кафедрой славянской филологии, на него всегда можно было положиться в трудных ситуациях. Его отличали деликатное и внимательное отношение к окружающим, открытость, благожелательное отношение к каждому из коллег, готовность поделиться опытом, боязнь ненароком задеть резким словом. Его критические замечания всегда выглядели как ненавязчивые и разумные советы. Особо хочется подчеркнуть человеческую скромность Сергея Николаевича, его нежелание привлекать к себе излишнее внимание.

Сергей Николаевич был многогранной натурой. Он увлекался спортом, профессионально играл в шахматы. Всегда был подтянут и элегантен. Он не дожил двух месяцев до своего 70-летнего юбилея. К сожалению, многие его планы и творческие задумки не будут реализованы. Коллеги и студенты кафедры славянской филологии выражают глубокое соболезнование жене Сергея Николаевича Галине Аркадьевне, дочери Юлии Сергеевне, внукам. Нам будет не хватать Сергея Николаевича, и мы всегда будем помнить о нем. Clara memoria!

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ С.Н. МЕЩЕРЯКОВА

1. Сербская литература второй половины XII–XIX вв. Краткий очерк истории: Учебное пособие. М., 2004.
2. Сербский исторический роман. М., 2008.
3. Црнянский Милош. Опыт Европы и Востока // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2013. № 2. С. 112–122.
4. Миодраг Булатович и Достоевский // Studia polonoslavica: К 90-летию со дня рождения Е.З. Цыбенко. М., 2014. С. 210–220.
5. «Ревизор» Н.В. Гоголя и «Подозрительная личность» Б. Нушича: опыт сопоставительного анализа // Русско-славянский диалог: язык, литература, культура. Сборник материалов Международной научной конференции (Москва, 8–9 ноября 2017 г.). М., 2018. С.59–67.
6. Современность классики: о художественном мире Гоголя и Павича // Классики и современность: Гоголь, Тургенев, Горький. Серия «Язык и литература». Белград, М., Тюмень, Воронеж. 2018. Т. 29. С. 121–142.
7. Воислав Илич: поэзия противоречий и синтеза // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17, № 1–2. С. 9–23.
8. Литература Дубровника и Далмации эпохи Ренессанса XV–XVI веков. М., 2022.

9. Миф и религия в романе Г. Петровича «Осада церкви святого Спаса» // Stephanos. 2023. № 1. С. 137–147.
10. Традиции Ф.М. Достоевского в творчестве Мирко Ковача и Миодрага Булатовича // Ф.М. Достоевский и славянство. М., 2023. С. 141–152.

REFERENCES

1. Serbskaja literatura vtoroj poloviny XII–XIX vv. Kratkij ocherk istorii: Uchebnoe posobie [Serbian Literature of the 12th–19th Centuries. A Brief Outline of History]. Moscow, 2004. (In Russ.)
2. Serbskij istoricheskij roman [Serbian Historical Novel]. Moscow, 2008. (In Russ.)
3. Milosh Crnjanskij. Opyt Evropy i Vostoka [Miloš Crnjanski. The Experience of Europe and East]. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology,* 2013, no. 2, pp. 112–122. (In Russ.)
4. Miodrag Bulatovich i Dostoevskij [Miodrag Bulatović and Dostoevsky]. *Studia polonoslavica: K 90-letiju so dnja rozhdenija E.Z. Cybenko* [Studia polonoslavica: For the 90th Anniversary of E.Z. Tsybenko]. Moscow, 2014, pp. 210–220. (In Russ.)
5. «Revizor» N.V.Gogolja i «Podozritel'naja lichnost'» B. Nushicha: opyt sopostavitel'nogo analiza ["The Inspector General" by N.V. Gogol and "A Suspicious Person" by B. Nušić: An Attempt at Comparative Analysis]. *Russko-slavjanskij dialog: jazyk, literatura, kul'tura. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva 8–9 nojabrja 2017 g.)* [Russian-Slavonic Dialogue: Language, Literature, Culture. Collection of Materials of the International Conference (Moscow, 8–9 November 2027)]. Moscow, 2018, pp. 59–67. (In Russ.)
6 Sovremennost' klassiki: o hudozhestvennom mire Gogolja i Pavicha [The Modernity of the Classics: On the Aesthetics of Gogol and Pavić]. *Klassiki i sovremennost': Gogol', Turgenev, Gor'kij. Serija «Jazyk i literatura»* [Classics and Contemporaries: Gogol, Turgenev, Gorky. Series "Language and Literature"]. Belgrad, Moscow, Tyumen, Voronezh, 2018, Vol. 29, pp. 121–142. (In Russ.)
7. Voislav Ilich: pojezija protivorechij i sinteza [Vojislav Ilić: Poetry of Contradictions and Synthesis]. *Slavjanskij mir v tret'em tysjacheletii* [The Slavonic World in the Third Millenium]. 2022, Vol. 17, no. 1–2, pp. 9-23. (In Russ.)
8. Literatura Dubrovnika i Dalmacii epohi Renessansa XV–XVI vekov [The Renaissance Literature of Dubrovnik and Dalmatia. 15th–16th Centuries]. Moscow, 2022. (In Russ.)
9. Mif i religija v romane G. Petrovicha «Osada cerkvi svjatogo Spasa» [Myth and Religion in Goran Petrović's Novel "The Siege of the Church of Holy Salvation"]. *Stephanos*, 2023, no. 1, pp. 137–147. (In Russ.)
10. Tradicii F.M. Dostoevskogo v tvorchestve Mirko Kovacha i Miodraga Bulatovicha [The Tradition of Fyodor Dostoevsky in the Works of Mirko Kovač and Miodrag Bulatović]. *F.M. Dostoevskij i slavjanstvo* [F.M. Dostoevsky and the Slavonic World]. Moscow, 2023, pp. 141–152. (In Russ.)

Поступила в редакцию 29.04.2024
Принята к публикации 15.05.2024
Отредактирована 14.09.2024

Received 29.04.2024
Accepted 15.05.2024
Revised 14.09.2024

ОБ АВТОРАХ

Ананьева Наталия Евгеньевна — профессор, заведующая кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ananeva.46@mail.ru

Тыртова Галина Павловна — доцент кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; tyrtova58@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Natalya Ananyeva — Prof. Dr., Head of the Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; ananeva.46@mail.ru

Galina Tyrtova — Associate Professor, Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; tyrtova58@ mail.ru

ISSN 0130-0075
ISSN для электронной версии 2949-2688 от 02.05.2023
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2024. № 5. 1–232.
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.